

Петр Кузьмич
Козлов

ТИБЕТ и ДАЛАЙ-ЛАМА

МЕРТВЫЙ ГОРОД
ХАРА-ХОТО

ВЕЛИКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ

Петр Кузьмич Козлов
Тибет и далай-лама. Мертвый город Хара-Хото
Серия «Великие путешествия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9364174
Тибет и Далай-лама. Мертвый город Хара-Хото: ЭКСМО; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-59497-9

Аннотация

Есть судьбы, отправной точкой которых оказывается случайная встреча, а главной пружиной – удача. Такова судьба знаменитого русского исследователя *Петра Кузьмича Козлова* (1863—1935).

Великий путешественник, знаменитый Н. М. Пржевальский, однажды возник перед замечтавшимся о дальних странах молодым человеком и заговорил с ним. С этих пор судьба не имевшего никаких перспектив Петра Козлова, обреченного, казалось, всю жизнь прозябать на скучной однообразной работе в провинциальной конторе, переменилась как по волшебству.

Пржевальский, почувствовавший в юноше родственную душу, стал ему наставником, почти что отцом, взял в свою экспедицию, научил всему, что знал и умел. Четвертая Центральноазиатская экспедиция Пржевальского 1883—1886 г., к сожалению, оказалась последним предприятием этого замечательно исследователя. Но для Петра Кузьмича она стала только первой, а за ней последовали еще пять, причем три последних возглавил сам Козлов.

И каждая из них – большая удача. Поражающие воображения труды, удивительные открытия, знакомство с Далай-ламой XIII, заслуженное признание, слава на Родине и за рубежом. И, конечно, сенсации! Открытый П. К. Козловым в 1907—1909 г. мертвый тангутский город Хара-Хото (X—XIII вв.) подарил миру теперь знаменитую богатейшую коллекцию из тысяч книг и рукописей на тангутском, китайском, тибетском и уйгурском языках, сотни скульптур и древних буддийских святынь, а раскопки древних могильных курганов к северу от Урги в 1924—1925 г. открыли гуннские погребения эпохи Хань III—I вв. до н. э., полные прекрасно сохранившихся тканей, ковров, седел, монет, украшений, керамики.

Только в одном удача отвернулась от Петра Кузьмича – ему так и не удалось побывать в Лхасе. Тибет – предмет юношеских мечтаний и зрелых надежд – открыл ему свое сердце, но не стены своей древней загадочной столицы.

Основу юбилейного издания, приуроченного к 150-летию со дня рождения выдающегося российского путешественника, составили два главных произведения П. К. Козлова: «Тибет и Далай-лама» и «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». В приложениях публикуется история последней (Монголо-Тибетской) экспедиции П. К. Козлова (1923—1926 г.), краткое описание первой самостоятельной (Тибетской) экспедиции (1899—1901 г.), подготовленное исследователем для журнала «Русская старина», а также малоизвестная автобиография путешественника.

В подготовке этого юбилейного издания деятельное участие принимали сотрудники мемориального музея-квартиры П. К. Козлова в Санкт-Петербурге – А. И. Андреев, О. В. Альбедиль, Т. Ю. Гнатюк. Благодаря их усилиям издание обогатилось тщательно подготовленными комментариями и уникальным иллюстративным и фотографическим материалом.

Электронная публикация включает все тексты бумажной книги П. К. Козлова и базовый иллюстративный материал. Но для истинных ценителей эксклюзивных изданий мы предлагаем подарочную классическую книгу. Сотни фотографий, большинство из которых выполнены самим исследователем, карты маршрутов, рисунки непосредственных участников экспедиций и впервые публикуемые цветные снимки из коллекции музея-

квартиры П. К. Козлова составили иллюстративный ряд этого юбилейного издания. Эта книга, как и вся серия «Великие путешествия», напечатана на прекрасной офсетной бумаге и элегантно оформлена. Издания серии будут украшением любой, даже самой изысканной библиотеки, станут прекрасным подарком как юным читателям, так и взыскательным библиофилам.

Содержание

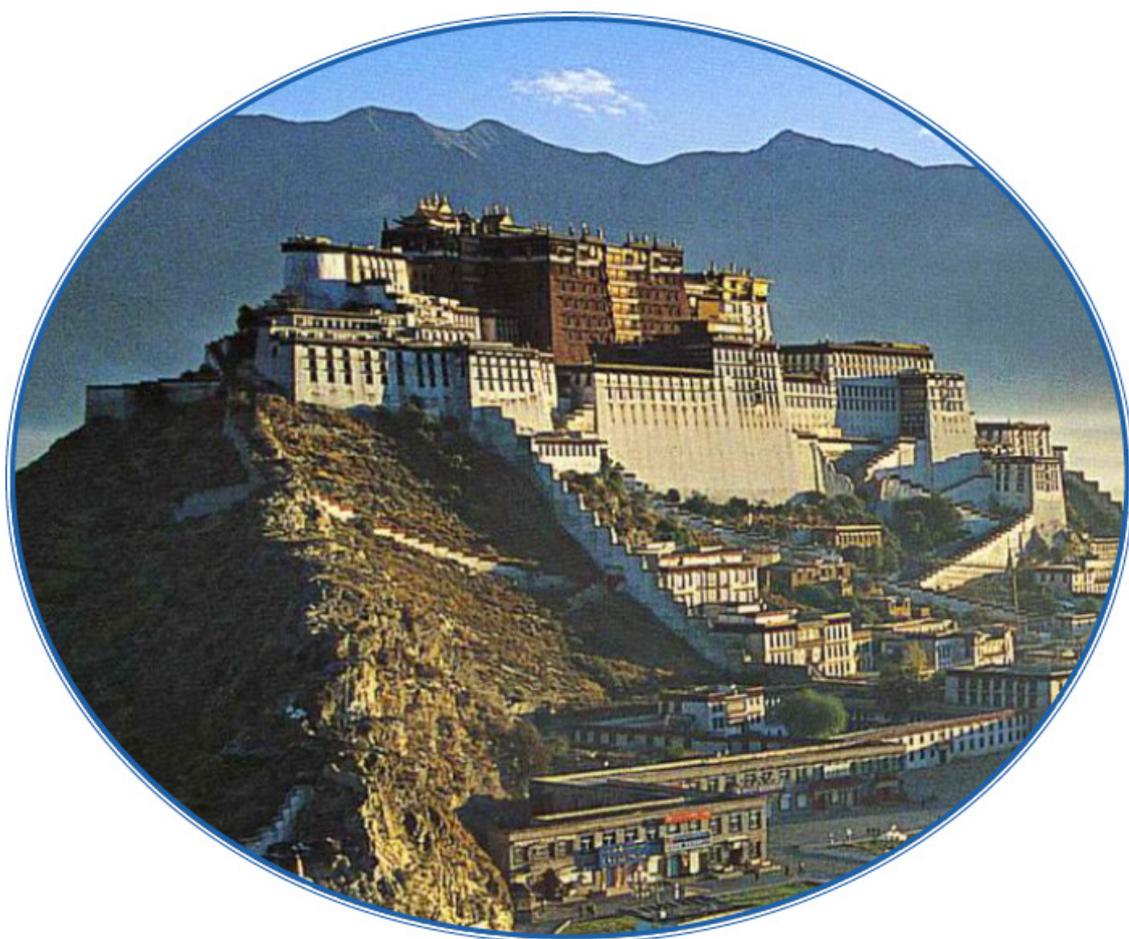
А. И. Андреев. Биографический очерк	7
ТИБЕТ И ДАЛАЙ-ЛАМА	17
Введение	17
Очерк тибетской природы	20
Административное деление	24
Население Тибета	28
Столица Тибета – Лхаса и ее ближайшие монастыри	36
Тибетский Далай-лама и мое двукратное свидание с буддийским первосвященником – в Урге и Лумбуме	44
Монголия и Тибет провозгласили независимость	62
Заключение	66
МОНГОЛИЯ И АМДО И МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО	68
Вступление	68
Монголия. открытие Хара-Хото 1908 г.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Петр Кузьмич Козлов
(1863—1935)

П. К. КОЗЛОВ

Тибет и Далай-лама
Мертвый город
Хара-Хото

А. И. Андреев. Биографический очерк

Для меня нет лучшей жизни, чем во время путешествия.

П. К. Козлов

Выдающийся путешественник Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) принадлежит к блестящей плеяде путешественников-исследователей Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века. Ученик и последователь Н. М. Пржевальского, он целиком посвятил свою жизнь научному освоению обширных территорий азиатского материка, малоизученных или совсем неизвестных географической науке того времени.

П. К. Козлов родился в бедной малограмотной семье в городе Духовщина на Смоленщине. Окончив городское шестиклассное училище, он собирался поступить в Виленский учительский институт, однако педагоги (среди которых был известный в будущем деятель просвещения В. П. Вахтеров) не смогли выхлопотать ему казенную стипендию. Петру Козлову пришлось устроиться работать в контору местного винокуренного завода в поселке Слобода (ныне город Пржевальск, Смоленской области). Случайная встреча с Н. М. Пржевальским в 1882 г. в Слободе, где находилось имение прославленного путешественника, круто изменила жизнь деревенского юноши.

Н. М. Пржевальский увидел в юном Петре Козлове родственную душу и предложил участвовать в своей IV Центральноазиатской (II Тибетской) экспедиции. Для этого Козлову пришлось сдать экзамен за курс Смоленского реального училища и поступить вольноопределяющимся в армию, поскольку Н. М. Пржевальский комплектовал свои экспедиции исключительно из военнослужащих. «Пржевальский явился моим великим отцом: он воспитывал, учил и руководил общей и частной подготовкой к путешествию», – вспоминал позднее Козлов. Под непосредственным руководством Н. М. Пржевальского юноша приобрел необходимые для дальних странствий знания и практические навыки, в частности обучился искусству препаратора. В дальнейшем, работая рядом с Н. М. Пржевальским, П. К. Козлов сформировался как профессиональный путешественник-исследователь, овладел его экстенсивно-описательным методом «маршрутной рекогносцировки» и успешно использовал в своей исследовательской деятельности.

«Из этого двухлетнего, первого для меня путешествия, я возвратился иным человеком – Центральная Азия стала для меня целью жизни», – писал Козлов в кратком биографическом очерке. «Такое убеждение не поколебалось, наоборот, еще более укрепилось после тяжелых нравственных страданий, связанных с неожиданной смертью моего незабвенного учителя [...]». Светлый образ Н. М. Пржевальского – Пшевы – вдохновлял Козлова всю его жизнь.

*Юный Петр Козлов.
Фотография. 1882 г.*

Другим учителем и покровителем Козлова долгие годы был знаменитый географ-путешественник, вице-председатель императорского Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский, немало содействовавший его экспедиционной деятельности после смерти Н. М. Пржевальского.

С 1883 по 1926 гг. П. К. Козлов совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай и Восточный Тибет, три из которых возглавил лично¹. Осо-

---

¹ П. К. Козлов участвовал в IV Центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальского 1883–1885 гг., Тибетской экспедиции М. В. Певцова 1889–1890 гг., Тибетской экспедиции В. И. Роборовского 1893–1895 гг.; возглавлял Монголо-Камскую экспедицию 1899–1901 гг., Монголо-Сычуаньскую экспедицию 1907–1909 гг. и Монголо-Тибетскую экспедицию 1923–

бенно ярко его талант как путешественника-натуралиста проявился во время первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг. Ее научные результаты превзошли все ожидания – Козлов привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей Центральной Азии. В результате этой экспедиции, прошедшей со съемкою более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете (хребет Русского географического общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуан-хэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.). Исследования Козлова получили высокую оценку мирового научного сообщества. Снарядившее экспедицию ИРГО наградило путешественника за выдающийся вклад в изучение Центральной Азии своей высшей наградой – Константиновской золотой медалью.

Следующая экспедиция Козлова – Монголо-Сычуаньская (1907–1909) – прославила его уникальными археологическими находками, сделанными при раскопках «мертвого» города Хара-Хото на р. Эдзин-гол, в песках южной Гоби. В одной из культовых построек – субургане-реликварии, получившем название «знаменитый», П. К. Козлову посчастливилось найти богатейшую коллекцию, содержащую тысячи книг и рукописей на тангутском, китайском, тибетском и уйгурском языках, сотни скульптур и икон, святыни из буддийских храмов и т. п. Материалы из «знаменитого» субургана позволили ученым восстановить историю забытого тангутского государства Си-Ся, просуществовавшего около 250 лет (982—1227 гг.) на территории современного северного Китая.

Открытие и сенсационные раскопки Хара-Хото получили большой резонанс в научном мире, что принесло Козлову высшие награды Итальянского и Лондонского географических обществ, премию им. П. А. Чихачева Французской Академии наук, а императорское Русское географическое общество и Венгерское географическое общество избрали его почетным членом, соответственно в 1910 и 1911 гг.

**Пётр Козлов на выставке коллекций
Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907—1909 гг. в РГО,
1910 г. Фотография Карла Буллы (1910 год)**

Еще одно важное событие в жизни Козлова этого периода – знакомство с духовным и светским правителем Тибета Далай-ламой XIII. Их первая встреча произошла в 1905 г. в столице Внешней Монголии Урге, куда Далай-лама был вынужден бежать из-за вторжения в Тибет англичан. Капитан Козлов² приветствовал тибетского первосвященника и поднес ему подарки от имени Русского географического общества за гостеприимство, оказанное

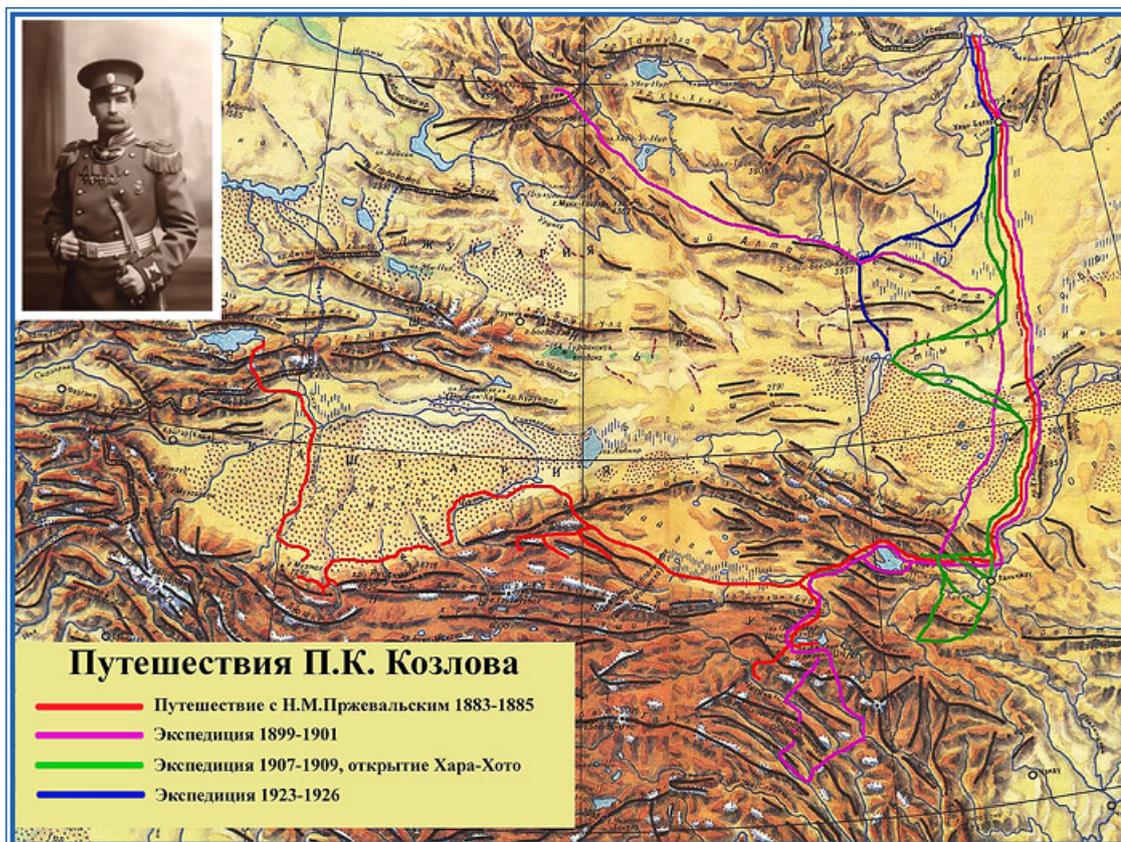
---

² Военная карьера П. К. Козлова была столь же удачной, как и исследовательская. Окончив Санкт-Петербургское пехотное училище в 1888 г., он прошел путь от подпоручика до генерал-майора (последнее звание было присвоено ему в конце 1916 г.).

Монголо-Камской экспедиции в 1899–1901 гг., а также по поручению МИД и Главного штаба обсуждал возможность предоставления Россией помощи Тибету. Встреча Козлова с Далай-ламой, состоявшаяся в столь драматический для Тибета момент, положила начало их теплым дружеским отношениям, продолжавшимся долгие годы.

В 1909 г. путешественник нанес новый визит правителю Тибета – на этот раз в буддийском монастыре Гумбум (в провинции Амдо, в Восточном Тибете). Завязывание близких отношений с Далай-ламой и его приближенными имело не только важное политическое значение, с точки зрения укрепления русско-тибетских связей, но было весьма полезным и в личном плане, поскольку открывало перед пытливым исследователем двери в запретную для европейцев Лхасу.

Этим обстоятельством Козлов попытался воспользоваться в 1914 г., начав подготовку к новому большому путешествию. Экспедиция проектировалась как Монголо-Тибетская. Ее целью должно было стать дополнительное исследование развалин Хара-Хото и изучение Тибетского нагорья, главным образом бассейнов верхнего течения трех великих рек Азии: Янцзы, Меконга и Салуэна. В то же время Козлов втайне надеялся, что ему наконец-то удастся осуществить свою и своего учителя заветную мечту – побывать в Лхасе. Но в его планы неожиданно вмешалась мировая война. В результате полковник Генштаба П. К. Козлов отправился на Юго-Западный фронт, где некоторое время исполнял должность коменданта городов Тарнов и Яссы. А затем в 1915 г. его командировали в Монголию во главе особой правительственной экспедиции («Монголэкс»), занимавшейся закупками скота для нужд действующей армии.

Октябрьскую революцию Козлов воспринял неоднозначно, но от сотрудничества с большевиками не отказался. Не последнюю роль в этом сыграла его востребованность новой властью. Уже в ноябре 1917 г. Российская академия наук назначает Козлова комиссаром

в знаменитый крымский акклиматизационный зоопарк-заповедник Аскания-Нова. Такое назначение не было случайным: хорошо знакомый с самим зоопарком и его основателем Ф. Э. Фальц-Фейном, Козлов еще до войны энергично выступал за скорейшую национализацию этого уникального уголка природы. И в новых политических условиях он продолжил борьбу за сохранение зоопарка от разграбления и уничтожения, итогом которой стал декрет правительства советской Украины о «сбережении» Аскании-Нова в апреле 1919 г.

С окончанием гражданской войны появилась надежда на возобновление исследовательской деятельности, на новое путешествие в любимую Центральную Азию. 22 августа 1922 г. Козлов выступил с докладом в Совете Русского географического общества и поднял вопрос о возрождении несостоявшейся Монголо-Тибетской экспедиции на тех же основаниях и с той же программой научных исследований, какая была предложена Обществу в 1914 г. Руководство общества горячо поддержало планы Козлова, рассчитывая с помощью новой большой экспедиции поднять престиж Общества и возродить его былую славу главного организатора экспедиционных исследований внутри и за пределами России.

Сразу же после своего заседания Совет РГО направил в Совнарком РСФСР ходатайство о разрешении провести 2–3 годичную экспедицию в Монголию и Тибет. В письме руководителей Общества эта экспедиция была представлена как нечто совершенно исключительное, «единственное в своем роде предприятие», «важнейший географический подвиг». При этом подчеркивалось, что от нее ожидают не только «блестящих результатов в научном отношении» – экспедиция Козлова может, кроме того, иметь и «немаловажные практические результаты, завязав новые, более тесные сношения с народностями Центральной Азии».

Такое разрешение было получено без особого труда. 26 января 1923 г. проект экспедиции был рассмотрен Временным Комитетом науки при Госплане, который постановил «отпустить 50 тыс. рублей в серебряных ланах и 50 тыс. в золотом исчислении советскими знаками на оборудование экспедиции Козлова в Тибет».

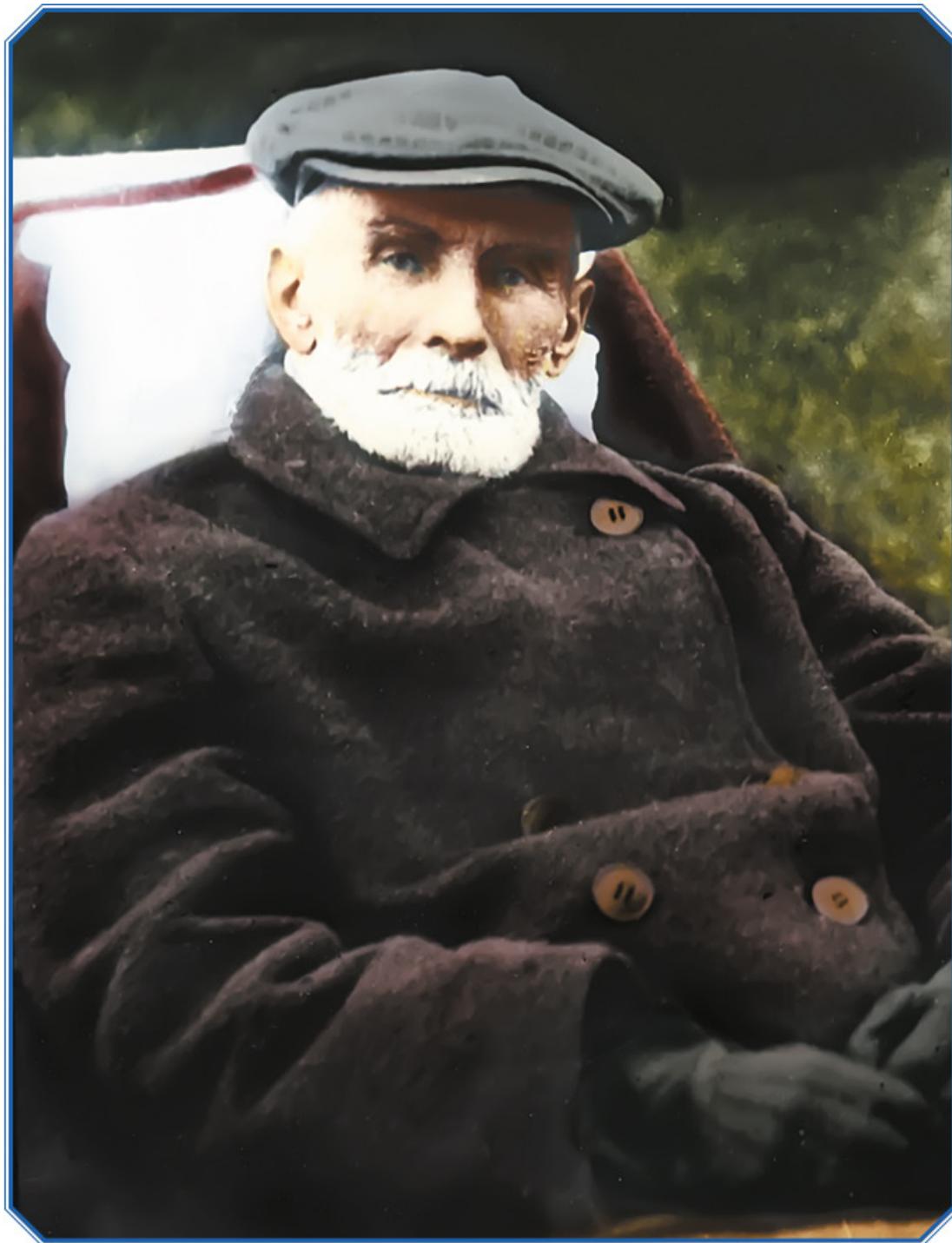
Политическая обстановка того времени – обострение англо-советских отношений – не позволила, однако, П. К. Козлову совершить путешествие в Тибет, который в то время находился в сфере английского влияния. Научная программа уже утвержденной экспедиции была радикально пересмотрена – П. К. Козлов отказался от поездки в далекий Тибет, сосредоточив свои усилия на исследовании сопредельной с СССР Монголии. И здесь ему вновь сопутствовала удача. В 1924–1925 гг. экспедиция произвела раскопки древних могильных курганов к северу от Урги (совр. Улан-Батор) в горах Ноин-ула. Раскопки эти принесли сенсацию – в курганах было найдено большое количество прекрасно сохранившихся предметов: ткани, войлочные ковры с изображениями мифических животных, женские косы, седла, изделия из бронзы, монеты, керамика и многое другое. Впоследствии ученые установили, что погребения принадлежат гуннам Ханьской эпохи III–I веков до н. э.

Летом 1925 г. по завершении раскопок, экспедиция разделилась на две партии: одна, под руководством С. А. Глаголева, направилась в Монгольский Алтай и оттуда в Хара-Хото для дополнительных раскопок и снятия плана городища; другая, которой руководил сам Козлов, выступила в направлении Южного Хангая. Вырвавшись наконец-то на «светлый научный простор Азии», Козлов ведет интенсивную археологическую разведку, занимается маршрутной съемкой, пополняет ботаническую и зоологическую коллекции. Около пяти месяцев его отряд находился в предгорьях Хангая на юге Монголии. Здесь ученый затеял новые раскопки в урочище Олун-сумэ на месте развалин древнего монастыря, принесшие немало новых ценных находок. Заключительный этап экспедиции (весна-лето 1926 г.) – это палеонтологические раскопки вблизи реки Холт, орнитологические наблюдения на озере Орок-нор, которыми руководила жена путешественника Е. В. Козлова, посещение Хара-Хото на Эдзин-голе.

Подводя итоги трехлетней деятельности Монголо-Тибетской экспедиции, следует сказать, что своим научным достижениям она обязана не только П. К. Козлову, ее организатору и руководителю, но и его молодым, энергичным и, безусловно, талантливым спутникам. Особенно большой вклад в работу экспедиции внесли Е. В. Козлова, Н. В. Павлов и С. А. Кондратьев. Первая исключительно плодотворно занималась орнитологическими исследованиями, которые были продолжены в последующие годы и завершились публикацией сводного труда: «Птицы Юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и Гоби» (Л., 1930). Заслуживают упоминания и работы Н. В. Павлова, связанные с изучением флоры высокогорного Хангая. Наконец С. А. Кондратьев, руководивший раскопками первого ноин-улинского кургана, принесшего наиболее ценные находки, и в то же время с большим успехом занимавшийся собиранием и изучением музыкального монгольского фольклора. Эти оба направления в его исследовательской деятельности также оставили след в науке.

Экспедиция П. К. Козлова в Монголию в 1923–1926 гг. оказалась его последним центральноазиатским путешествием. Несмотря на громкий успех ноин-улинских раскопок, исследователь все же испытывал немалое разочарование, оттого что не сумел выполнить своей основной задачи, завещанной ему великим Н. М. Пржевальским – побывать в наиболее недоступных частях центрального Тибета, прежде всего в Лхасе.

П. К. Козлов провел в путешествиях в общей сложности почти 17 лет. Необычайно суровые климатические условия азиатских высокогорий и пустынь не могли не отразиться на его здоровье. Физические силы были на исходе, но неутомимый исследователь продолжал вести активный образ жизни – часто выступал с лекциями, писал статьи, участвовал в работе РГО и Академии наук. В 1928 г. АН Украинской ССР избрала его своим действительным членом.

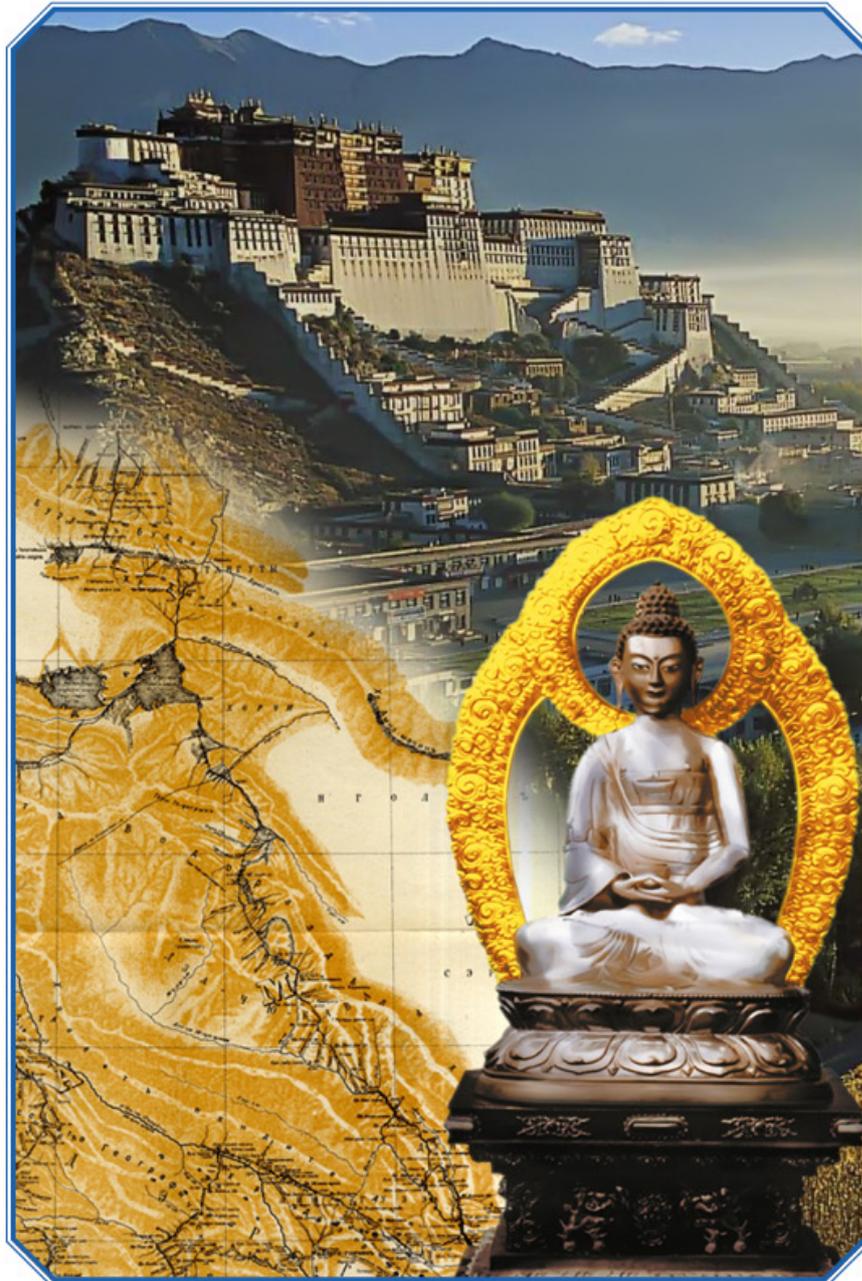
Последняя фотография П. К. Козлова

В начале 1930-х Козлов поселился в деревне Стречно, в 60 км от Старой Руссы, в глуши новгородских лесов. Здесь, вдали от суетной городской жизни, он мог спокойно работать в тесном общении с природой. Часто ходил в лес, на охоту. В середине 1934 г., однако, его состояние заметно ухудшилось в связи с серьезным сердечным недугом. П. К. Козлов умер в ночь с 26 на 27 сентября 1935 г., находясь в санатории в Старом Петергофе. Похоронили его в Ленинграде на Смоленском лютеранском кладбище.

Научное наследие П. К. Козлова необычайно обширно и до сих пор еще не освоено полностью учеными. Оно включает в себя его экспедиционные отчеты, статьи и книги, путевые дневники и сохранившуюся огромную переписку с коллегами и друзьями, картографические и фотографические материалы. В то же время это и новые названия на географических картах, и открытые ученым-путешественником новые виды представителей животного царства, а также уникальные богатейшие коллекции – археологические, этнографические, естественно-исторические и другие, хранящиеся ныне в лучших музейных собраниях Санкт-Петербурга – в Эрмитаже, в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере), Зоологическом, Ботаническом музеях и Институте восточных рукописей РАН.

Тибет и Далай-лама

ТИБЕТ И ДАЛАЙ-ЛАМА

Введение

Без знания нет и созерцания; Без созерцания знания нет: В ком созерцание, свет и знание, Тому преград к нирване нет.

Тибет – высокий и заветный край – привлекает внимание европейцев-путешественников малоизвестностью своей оригинальной природы и едва ли не более всего замкнутостью своих главных центров и монастырей, в особенности Лхасы – столицы Тибета, резиденции буддийского первосвященника Далай-ламы.

В запретную дверь Тибета тщетно стучались Пржевальский, Кэри, Литльдэль, Бонвало с принцем Орлеан, Свен Гедин и другие путешественники. Тем не менее, все они должны были уступить фанатизму тибетского народа и с болью в сердце повернуть в иную сторону.

Мой учитель Н. М. Пржевальский особенно настойчиво стремился в сердце Тибета и в свое третье путешествие, стоя у цели его, вынужден был сказать (на решение важных сановников Тибета не пропускать русских в Лхасу): «Пусть другой, более счастливый путешественник, закончит недоконченное мною в Азии. С моей стороны сделано все, что возможно было сделать». В этих простых, искренних словах великого путешественника передавалось завещание его последователям.

Таким образом, европейские исследователи не проникали в центральный Тибет, под которым, как известно, подразумеваются две провинции: Уй и Цзан. На их долю выпадали другие части Тибета, с которыми они в значительной степени и познакомили свет. Однако несмотря на то что центральный Тибет после 1845 года европейцами не посещался, по крайней мере в главных его частях, тем не менее, литература о нем растет, и ученый мир знает о Тибете весьма многое. Тибет ежегодно посещается русскоподданными бурятами и калмыками вот уже непрерывно свыше сорока лет. Многие из этих паломников вели свои записки или составляли воспоминания о Тибете.

Кроме русских, изучением центрального Тибета усердно занимались англичане, командируя из Индии пандитов – обученных съемке и описательной географии индусов, из трудов которых наибольшего внимания заслуживает книга Сарат Чандра-Даса. Впрочем, работы последнего Лондонское географическое общество не публиковывало до тех пор, пока не проник в Лхасу наш соотечественник Г. Ц. Цыбиков, в 1899 году, в качестве образованного паломника. С тех пор у России и Англии проявляются еще большие стремления попасть в заветную страну, и в то время, когда первая вела войну с Японией, вторая, в 1904 году снарядила дипломатическую, или, вернее, военную экспедицию в Лхасу.

Движение английского военного отряда в глубь Тибета, ряд стычек и избиение тибетцев англичанами у «источников хрустального глаза» вынудило главу Тибета поспешно искать спасения на севере, в Монголии.

*Дадай — монгол, переводчик тибетского языка.
Фотография из архива П. К. Козлова*

Монголия и Китай приютили буддийского владыку на целых четыре года, прежде нежели политические события позволили Далай-ламе завязать лучшие отношения с Россией и последним китайским императором и отправиться домой в Лхасу. По дороге в Тибет Далай-лама довольно долго отдыхал в одном из больших амдоских монастырей – Гумбуме, родине знаменитого реформатора буддизма Цзоихавы, последователем учения которого, между прочим, является и сам тибетский первосвященник.

Во время моей Монголо-Сычуаньской экспедиции, весной в 1909-м году, я посетил вторично хорошо известный мне монастырь Гумбум, где в течение двух недель имел возможность ежедневно видеть, беседовать и изучать Далай-ламу, с которым я уже был знаком по Урге 1905 года, выражая ему тогда приветствие от Русского географического общества.

После второй встречи с Далай-ламой я имел основание мечтать о выполнении самого главного из заветов моего учителя – посещения Лхасы. Но судьба устроила иначе. Разгорелась европейская война, и меня не пустили. До сего времени я не могу понять, каким доводом мотивировало мою задержку бывшее старое правительство? Что я мог представить собою здесь или даже на войне со своими спутниками в количестве двадцати с небольшим человек? Я глубоко верил только в один исход³: отправиться в Тибет, использовать время, отпущенные средства, превосходное снаряжение и новое доверие Географического общества. Тот состав экспедиции, горевший нетерпением отправиться в путешествие, по моему мнению, стоял на высоте задачи и мог добыть много нового, интересного. Все мои спутники были один другого лучше: ведь я их выбирал более строго, нежели выбирают невест.

Первый раз в моей жизни судьба не пощадила меня, а может быть, и пощадила. Ожидая лучших дней, я составил отчет о Монголо-Сычуаньской экспедиции; к сожалению, еще не успел его напечатать. Я очень истомился, проживая вне активной деятельности в родной для меня тибетской атмосфере, и благосклонный читатель поймет мое желание взяться за перо и чуть-чуть забыть в беседе с ним о Тибете, Лхасе и о том Тибетском первосвященнике, которого я много, много раз видел и слышал.

Вместе с тем в этот труд вложена и основная мысль: «Как установить сношения России с Тибетом?»

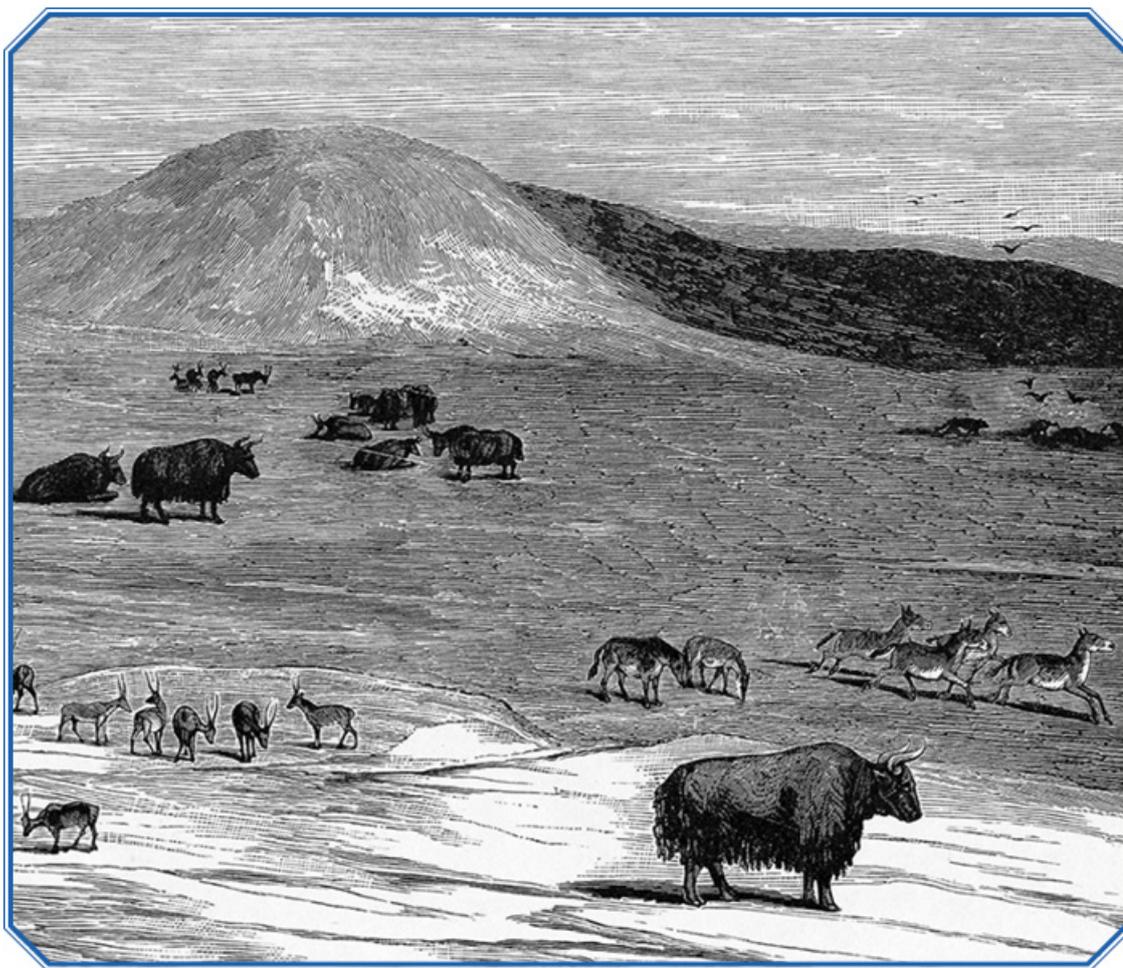
³ Этот исход поддерживало подавляющее большинство вообще, и все географы-исследователи в частности. (Примеч. П. К. Козлова)

Очерк тибетской природы

Грандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны, ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого континента и известном под именем Тибета. Резко ограниченная со всех сторон первостепенными горными хребтами, названная страна представляет собою, в форме неправильной трапеции, грандиозную, нигде более на земном шаре в таких размерах не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую над уровнем моря, за исключением лишь немногих окраин, на страшную высоту от 13 до 15000 футов. И на этом гигантском пьедестале громоздятся, сверх того, обширные горные хребты, правда, относительно невысокие внутри страны, но за то на ее окраинах развивающиеся самыми могучими формами диких альпов. Словно стерегут здесь эти великаны труднодоступный мир заоблачных нагорий, неприветливых для человека по своей природе и климату и в большей части еще совершенно неизвестных для науки.

Тибетское нагорье, где покоятся колыбели рек Инда, Брамипутры, Салуена, Меконга, Голубой, Желтой, раскинулось, действительно, на громадное пространство. Доступное приблизительно в средней своей части в направлении от извилины Брамипутры на Куку-нор влиянию юго-западного муссона Индийского океана, оно в этом районе летом богато атмосферными осадками. Далее на запад нагорье еще более возвышается, выравнивается, сухость климата постепенно увеличивается, и травянистый покров высокого плато сменяется щебнегалечной пустыней, справедливо называемой «мертвой землей». По мере же удаления от помянутой климатической диагонали на восток и юг, по мере того, как реки, стремящиеся в эти стороны, вырастают в могучие водные артерии, нагорье Тибета все больше и больше размывается, переходя последовательно в горно-альпийскую страну.

Долины рек, мрачные ущелья и теснины чередуются здесь с водораздельными гребнями гор. Дороги или тропы то спускаются вниз, то ведут вновь на страшные относительные и абсолютные высоты. Мягкость и суровость климата, пышные и жалкие растительные зоны, жилища людей и безжизненные вершины величественных хребтов часто сменяются пред глазами путешественника. У ног его развертываются или чудные панорамы гор, или кругозор до крайности стесняется скалистыми боками ущелья, куда путник спускается из-за облачной выси; внизу он слышит неумолкаемый шум по большей части голубых пенящихся вод, тогда как наверху тишина нарушается лишь завыванием ветра и бури.

Животная жизнь в Северном Тибете.
*Иллюстрация к первому изданию книги П. К. Козлова
«Тибет и Далай-лама»*

В северной части Тибета расстилается высокое холодное плато. Спокойный, мягко-волнистый рельеф, прикрытый характерной травянистой растительностью, изобилует оригинальными представителями животного царства: дикими яками, антилопами оронго и ада, дикими ослами и другими, приспособленными к разреженному воздуху и климатическим невздам копытными. Рядом с травоядными, на соседних глинистых увалах, во множестве населенных пищухами (*Lagomys ladacensis*), бродят тибетские медведи (*Ursus lagomyiarius*) не только в одиночку, но нередко и компанией в два-три пищухоеда. Окраска шерсти тибетского медведя сильно варьирует: от черного до чалого и ярко-светлого, чтобы не сказать белого.

На речках и озерах летом держится много плавающих и голенастых пернатых; среди первых наибольшего внимания заслуживает индийский гусь (*Anser indicus*)⁴, а среди вторых – черношейный журавль (*Grus nigricollis*), открытый Н. М. Пржевальским.

---

⁴ Индийский, или, правильнее, горный гусь впервые добыт в Индии и потому назван знаменитым Латамом индийским (*Anser indicus*); этот красивый гусь, действительно, водится только в горах и на высоких плоскогорьях Центральной Азии и Тибета и заходит в Туркестан. Гнездится исключительно по горным болотам и речкам или по озерам высоких плоскогорий. С прилета горный гусь держится в небольших стайках. В период спариванья гусак нередко гоняется за гусыней на лету и при этом куврыкается, подобно черному ворону. (Примеч. П. К. Козлова)

Кочевники-тибетцы, появляющиеся здесь лишь изредка в виде охотников, золотоискателей или просто грабителей-разбойников, не нарушают привольной жизни млекопитающих. Путешественнику в этих местах нужно быть крайне осмотрительным, чтобы не подвергнуть себя неприятной случайности.

В летнее время, в рассматриваемой части тибетского нагорья, погода характеризуется преобладающей облачностью, обилием атмосферных осадков, выпадающих в виде снежной крупы, снега и дождя. Ночной minimum температуры частенько ниже нуля. Однако, не смотря на все это, местная флора, веками приспособленная к борьбе за существование, произрастает сравнительно успешно и в теплые солнечные проблески ласкает взор своими яркими колерами.

В другие времена года погода на севере тибетского нагорья выражается господствующими с запада сильными бурями, в особенности весной, кроме того, соответственно низкой температурой, несмотря на столь южное положение страны, и крайнюю сухостью атмосферы; результатом этой сухости воздуха является почти полное отсутствие снега в долинах даже зимою, когда иначе было бы невозможно существование здесь многочисленных стад диких млекопитающих.

В южной части тибетского нагорья характер местности круто изменяется: к голубой выси неба поднимаются скалистые цепи гор, между которыми глубоко залегает лабиринт ущелий со стремительно бегущими по ним ручьями и речками. В замечательно красивую, дивную гармонию сливаются картины диких скал, по которым там и сям лепятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельник, ива; на дно, к берегам рек сбегает дикий абрикос, яблони, красная и белая рябины; все это перемешано массой разнообразнейших кустарников и высокими травами. В альпах манят к себе голубые, синие, розовые, сиреневые ковры цветов из незабудок, генциан, хохлаток, *Saussurea*, мытников, камнеломок и других.

В глубоких, словно спрятанных в высоких горах, ущельях водятся красивые пестрые леопарды, рыси, несколько видов более мелких кошек (некоторые из них забегают и в долины), медведи, волки, лисицы, большие летяги, хорьки, зайцы, мелкие грызуны, олени, мускусная кабарга, китайский козел (*Nemorhoedus*) и, наконец, обезьяны (*Macacus vestitus*), живущие большими и малыми колониями нередко в ближайшем соседстве с человеком.

Что касается пернатого царства, то среди последнего замечено еще большее богатство и разнообразие. Особенно резко бросаются в глаза белые ушастые фазаны (*Crossoptilon tibetanum*)⁵, зеленые всэре (*Ithaginis geoffroyi*), купдыки (*Tetraophasis szechenyi*), рябчики (*Tetrastes severzowi*), несколько видов дятлов и порядочное количество мелких птичек из отряда воробьиных. В поясе скал и россыпей по утрам и вечерам раздается звонкий свист горной индейки, или улара (*Alegaloperdix tibetanus*).

В ясную теплую погоду в красивых уголках южного Тибета натуралист одновременно услаждает и взор, и слух. Свободно и гордо расхаживающие по лужайкам стаи фазанов или плавно, без взмаха крыльев, кружащиеся в лазури неба снежные грифы⁶ и орлы невольно приковывают глаз; пение мелких пташек, раздающееся из чащи кустарников, ласкает ухо.

---

⁵ Тогда как его собрат – голубой ушастый фазан (*Crossoptilon auritum*) – любит держаться более скрыто и в местности наиболее скалистой и размытой. (Примеч. П. К. Козлова)

⁶ Снежный гриф (*Gyps himalaensis*) весьма распространен не только в Гималаях, но по всему Тибету и Тянь-Шаню. Никогда не преследуемая в Тибете человеком, наоборот, постоянно получающая от него подачки в виде мертвых тел, эта громадная и осторожная птица ведет себя крайне доверчиво. Странно с непривычки видеть, как могучая птица, имеющая около девяти футов в размахе крыльев, пролетает всего на несколько десятков шагов над палаткою или над головою, даже слышен дребезжащий шум ее крыльев, и тут же опускается на землю. Тот же гриф порою парит так высоко в небе, что бывает замечен в бинокль в виде маленькой движущейся точки. (Примеч. П. К. Козлова)

Летом погода в южном Тибете непостоянная: то ярко светит солнце, то падает дождь; иногда неделями густые свинцовые облака окутывают горы почти до их подошвы. Выглянувшее солнце жжет немилосердно в разреженной атмосфере.

Лучшее время – сухое, ясное – наступает осенью.

Зима сравнительно мягкая, малоснежная. Значительные реки не знают ледяного покрова, хотя второстепенные реченки и ручьи в декабре и январе бывают прочно скованы льдом. Редко падающий снег или тает по мере своего падения, или же испаряется к вечеру следующего дня; словом, южные скаты гор всегда свободны от этого осадка, и только северные склоны или верхний пояс гор чаще покрываются слоем снега, хотя и не столь значительным по толщине. Вслед за выпавшим снегом атмосфера, и без того прозрачная, еще более проясняется, а небо принимает густую синеву, особенно перед закатом солнца. По ночам планеты и звезды ярко блещут.

В конце февраля температура быстро повышается: горные ручьи журчат, франколины и кундыки токуют, ягнятники бородатые поднимаются на страшную высоту и там ликуют, потрясая воздух своими весенними голосами.

Леопард. Иллюстрация к первому изданию книги П. К. Козлова «Тибет и Далай-лама»

Административное деление

Территория с тибетским населением, подвластная с начала XVII-го столетия Дай-цинам и известная ныне под именем Тибет, пользовалась вначале полною автономиею под верховным управлением Далай-ламы и разделялась на четыре провинции: У (Уй), Цан (Цзан), Кам и Нгарн (Корсум). Однако с течением времени Дай-цины, следуя своей общей политике в отношении инородцев, стали постепенно, почти незаметно для самих тибетцев, усиливать свою власть над их территорией, причем часть ее подчинили надзору властей соседних провинций Собственного Китая, для наблюдения же над более отдаленными от последнего землями назначили в Лхасу своего постоянного представителя – амбаня. Вместе с тем принимались меры к ослаблению власти Далай-ламы и к устранению его от действительного участия в управлении. Кроме того, другие высшие иерархи Тибета стали претендовать на верховную власть над разными областями в ущерб правам Далай-ламы, и китайское правительство отнеслось к подобным притязаниям довольно благосклонно.

В настоящее время территория, населенная тибетцами и входившая в состав Китая, делится на ряд почти независимых друг от друга владений, которые в порядке подчинения центральному правительству распадаются на три следующие группы:

Северо-восточная часть указанной территории, включая сюда Куку-нор⁷ и Амдо, населенная, кроме тибетских кочевых поселений, еще и монголами, подчинена ведению Сининского цинцайя.

Юго-восточный угол включен в состав китайской провинции Сы-чуань и подчинен непосредственно генерал-губернатору последней. Важнейшими городами здесь являются: Батан, Литан и Да-цзян-лу.

Вся остальная часть рассматриваемой территории, значительно превосходящая по своим размерам две других и составляющая Собственный Тибет, до последнего времени закрытый для иностранцев, находилась под надзором лхаского резидента. Доныне в памяти народа, по-видимому, утверждает В. Л. Котвич, крепко держится деление Собственного Тибета на четыре отмеченные выше провинции, но в административном отношении это историческое деление уже утратило в значительной степени практическое значение. В действительности он является в настоящее время разделенным на несколько автономных владений, установить точные границы которых не представляется, однако, возможным в виду существования спорных областей.

---

⁷ Озеро Куку-нор лежит на большом пути богомольцев, следующих из Монголии в Тибет, и покоит свои голубые соленые воды на высоте 10 500 футов над уровнем моря, в превосходной пастбищной долине. Простираясь в окружности до 350 верст, Куку-нор имеет почти в середине остров Куйсу, на который впервые сплывали и изучили его двое членов Монголо-Сычуаньской экспедиции Русского географического общества. В административном отношении под словом «Куку-нор» подразумевают целую область. (Примеч. П. К. Козлова)

Далай-лама XIII Тубтэн Гьяцо (1876—1933).
Рисунок Н. Я. Кожевникова

Главную часть этих владений составляют земли, признающие над собою власть Далай-ламы; общую численность подведомственного ему населения французский путешественник Дютрейль де Ренс определяет в 1½ миллиона душ, в том числе триста тысяч монахов. Центром этого владения является провинция У, или Уй, но в состав его входят области и других провинций, и вообще Далай-ламское правительство не упускает случая к расширению своей власти.

Затем следует область, подчиненная второму тибетскому святителю, перерожденцу будды Амитабы – «будды Беспредельного света» – Банчэнь-ринбочэ, пребывающему в монастыре Даший-лхунбо близ г. Шихацзэ. Ему подчиняется до ста тысяч человек, проживающих преимущественно в провинции Цан; но его авторитет распространяется и на другие местности, как, например, Амдо, где он назначает настоятелей монастырей племени н'голок.

Глава секты сакья, имеющий резиденцию в монастыре того же имени, пользуется правами по управлению последователями этой секты. Равным образом и приверженцы старой религии – бон-по, живущие главным образом в области Чжядэ, в провинции Кам, не признают над собою власти буддийских иерархов, образуя автономные владения.

Сам-яй является первым по времени своего основания монастырем Тибета. По преданию, он основан в 811 году ханом Тисрон-дэвцзаном при помощи известного проповедника буддизма Кадма-Самбавы, именуемого тибетцами чаще Ловбон-чэньбо или Ловбон-Бадма-чжуннай.

Все эти многочисленные владения Собственного Тибета объединялись между собою общею зависимостью от лхаского резидента. Кроме того, повторяю, влияние и могущество желтошапочной буддийской секты гэ-луг-па здесь настолько велико, что ее глава Далай-лама распространял, а теперь еще больше распространяет свой авторитет, как духовный, так и политический, на всю территорию, населенную тибетцами.

Сношения Тибета с соседними странами при описанных выше топографических его особенностях представляют громадные трудности, и главную из них составляет отсутствие удобных путей сообщения.

То, что разумеется в Тибете под именем лам – дорога или даже чжа-лам – большая дорога, представляет на деле узкую тропинку, идущую по глубоким лощинам или ущельям, пересеченным местами бурными потоками, очень трудно, а подчас и вовсе не переходимыми вброд; мосты же на подобных потоках попадаются сравнительно очень редко. Часто дорога идет по крутым утесам, достигающим 15—16000 футов абсолютной высоты с обледенелыми или снежными склонами. Иногда дорога узкою лентою вьется по карнизу скал, нависших над пропастью, и загромождена камнями или, наоборот, изрезана рывтинами так, что два завьюченных быка или яка едва могут пройти рядом.

Для таких дорог лучшим животным является тибетский як. Благодаря устойчивости ног, як проходит по самым опасным местам. Як неприхотлив в корме и всегда довольствуется, сравнительно небольшим количеством тибетских жестких трав – «шириков». Отрицательными качествами яка являются лень и упрямство, вследствие чего он годится лишь для небольших переходов; кроме того, его нельзя употреблять для перевозки тяжелых и, в особенности, хрупких предметов, так как яки в группе не идут вереницей, как ходят верблюды или лошади, а следуют обыкновенно беспорядочной толпой, теснясь и беспрестанно толкая друг друга. В горах яки идут медленно, в долине же вдвое быстрее, тем не менее лошадь осиливает в один день два яковых перехода. Ввиду этого туземцы нередко предпочитают лошадей, в крайнем случае – хайныков, то есть помесей яка с коровою, которые довольно послушны, сильны, имеют обыкновение следовать гусем, но которые и ценятся раза в три-четыре дороже яка.

Монгол с домашним яком.
Гравюра с фотографии XIX в.

Население Тибета

Численность населения Тибета определяется около четырех миллионов, причем на центральный Тибет приходится значительно свыше миллиона.

Тибетцы делятся на кочевых и оседлых.

Кочевые тибетцы имеют рост средний, реже большой, сложение плотное, коренастое, глаза большие, но не всегда косые, черные; нос не сплюснутый, иногда даже орлиный; скулы обыкновенно не слишком выдаются; уши средней величины; волосы черные, грубые, длинные, спадающие на плечи; подстригаются эти волосы лишь на лбу, чтобы не лезли в глаза; усы и борода почти не растут, притом, вероятно, их выщипывают; зубы отличные белые, хотя встречаются и уродливо-посаженные; череп в общем более удлинённый, нежели округлый; цвет кожи грязно-светло-коричневый, чему отчасти способствует и то, что тело никогда не моется. Тибетцы издают сильный противный запах, более резкий и иной, нежели у монголов, которые также не отличаются благовонием.

Что же касается до оседлых тибетцев, то они крупнее ростом, значительно благообразнее и чище кочевников, в особенности среди достаточного класса, в котором можно встретить довольно приличных молодых мужчин и грациозных, стройных, румяных девушек; еще более интересными представляются дети с живыми блестящими черными глазенками и густыми, часто вьющимися, хотя и коротко подстриженными у мальчиков кудрями.

Одежда кочевого населения, как мужчин так и женщин, состоит из овчинной нагольной шубы и шерстяного халата; последний надевается только в летнее время, да и то не всеми и не всегда; в главном же употреблении первый костюм, который мужчины, подобрав высоко, подпоясывают таким образом, что вокруг верхней части туловища образуется нечто вроде большого мешка, куда складывается чашка, запасы курительного или нюхательного табаку и проч.

Тибетки же поднимают свои длинные шубы или халаты при опоясывании лишь настолько, чтобы они не очень затрудняли движения и не касались земли. И мужчины, и женщины привешивают к поясному ремню «гирок» – связки ключей; мужчины, кроме того, – огниво, печать, нож, а спереди носят заткнутую за пояс саблю.

Со штанами знакомы лишь немногие тибетцы. Сапоги же из цветной шерстяной ткани, с подошвою из сыромятной кожи носят все.

Большинство тибетцев-простолюдинов никогда не чешут своих длинных волос, отчего шевелюра нередко походит на плотно-сбитые пряди хвоста яка, и голова обыкновенно остается совершенно непокрытою не только летом, но и зимою. Иногда же тибетцы одевают на голову войлочную, с белой матерчатой покрывкой шляпу, которая имеет высокую тулью и широкие поля; иногда на головах тибетцев встречаются и целые лисьи шкурки, снятые мешком и связанные у головы и хвоста

Чиновники, как равно и многие из состоятельных обитателей Тибета, в особенности молодежь, довольно внимательно относятся к своим волосам, расчесывая их большим деревянным гребнем и заплетая в целый ряд тонких косиц, сходящихся на затылке в одну большую общую косу, которая украшается солидным кольцом слоновой кости и несколькими обыкновенной величины серебряными кольцами со вставленными в них цветными камнями. Имеющие подобную косу тибетцы обматывают ею голову таким образом, что украшения косы ложатся выше лба в виде кокошника.

Только женщины заплетают свои волосы в тонкие многочисленные косицы, которые за спиною разделяются на две равные части, скрепленные посредине и по концам нитками стеклянных бус. На верху головы к волосам тибетки прикрепляют куски янтаря и коралла,

которые располагают на голове в виде венка из цветов, причем в центре его помещают небольшую искусственную серебряную или медную раковину.

При одинаково длинных волосах, одинаково подстригаемых только над глазами, а еще больше одинаковыми косицами у висков, мужчины нередко походят на женщин, тем более что усы и борода плохо растут у тибетцев, которые к тому же на досуге, постоянно выдергивают эту растительность по одному волоску специальными щипцами, носимыми при пояском ремне вместе с ножом, ключами, печатью и прочими мелкими принадлежностями.

На шее тибетцы и тибетки носят ожерелье из цветных камней, а к ожерелью привешивают амулеты и ладонки, или «гау», сделанные из серебра или меди. Очень немногие женщины носят на своих, большею частью грязных, руках серебряные кольца и браслеты, а в ушах серьги; такие же серьги, но более массивные и тяжелые, носят и мужчины, обыкновенно в левом ухе.

Курящие тибетцы имеют при себе огниво и металлическую трубку с длинным деревянным чубуком и каменным или стеклянным мундштуком, хранимую за пазухой в мешочке с табаком.

Тибетские пастухи неизменно бывают вооружены пращей, саблей и кнутом. Сабля – вечная спутница тибетца – носится в видах всегдашней готовности постоять за себя; праща же и кнут – как средство для управления скотом. Тибетцы – большие мастера в метании камней из пращи, которая, между прочим, входит в состав вооружения тибетских воинов низшего разряда; часто приходилось наблюдать, как пастухи перебрасываются друг с другом речной галькой с одного ската гор на другой через ущелье. Быстро пролетающие камни свистят подобно пулям, и мне кажется, что этот-то самый звук и заставляет животных быть послушными воле пастухов. Иногда пастухи на большие расстояния перекликаются своими звонкими, высокими голосами или в одиночестве упражняются игрой на местных дудочках.

Кроме сабли, тибетцы располагают и другим холодным оружием – пикой, а из огнестрельного – фитильным ружьем с сошками.

Как женщины гордятся своими бусами и янтарем, так одинаково, если не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспехами, в особенности ружьем и саблей, на украшение которых серебром и цветными камнями тратится немало денег. Боевым видом, молодечеством, удалью в Тибете, как и вообще в Центральной Азии, главным образом и оценивается достоинство людей, способных быть начальниками. Резвые кони с хорошим звонким убранством уже издали привлекают внимание придорожного населения или встречного каравана. Пестрый – темно-красный, синий, желтый – наряд очень красит гордых тибетских всадников, в особенности чиновников, перед которыми, как и перед каждым повелительным словом «пэм-бу», местные простолюдины смиренно и низко склоняют головы.

Жилищем для кочевого тибетца служит черная шерстяная палатка – «банаг», формой представляющая несколько удлиненный квадрат. Сверху вдоль всей палатки находится отверстие, одновременно служащее и окном, и для выхода дыма. Земляной пол в палатке никогда ничем не покрывается, а потому очень грязен, в особенности в дождливое время. Люди спят в палатке либо прямо на земле, либо подостлав под себя войлоки.

*Орочены возле своей берестяной юрты.
Фотография из архива П. К. Козлова*

Палатки тибетцев располагаются большими или меньшими группами то в долинах, то в ущельях гор и непременно на покатости. В сухую, ясную, теплую погоду кочевник и его не знающие крова стада чувствуют себя превосходно; другое дело в холодное ненастье или в зимний снежный шторм. Впрочем, обитатели Тибета – большие мастера выбирать наиболее подходящие места для каждого отдельного времени года. Зимой они сосредоточиваются на дне глубоких долин, по мере же наступления весны и развития свежей растительности радостно стремятся в горы выше и выше – до границы альпийских лугов; затем снова постепенно спускаются в нижние зоны, и так из года в год.

Несколько иначе и по-своему лучше живут оседлые тибетцы, устраивающие постоянные жилища из тонких, реже толстых, бревен или просто из жердей и ветвей, обмазывая стены толстым слоем глины. Изредка тибетские дома возводятся и из дикого камня в два или три этажа, с галереями, балконами и крепостными стенками с башенками над воротами. Нижний этаж дома тибетца служит исключительно для загона скота, а остальные – для жилья самих хозяев и склада их домашнего скарба; тут же всегда хранится на подвешенных жердях необмолоченный хлеб и сено. Хлеб молотят на плоской кровле нижнего этажа, который для этой цели строится значительно шире верхних. Сама молотья производится деревянными цепями, напоминающими наши. Заготовленное на зиму сено свивается в длинные жгуты и вешается на изгороди и на ветви ближайших к дому высоких деревьев.

Относительно пищи: как кочующие, так и оседлые тибетцы довольствуются преимущественно продуктами молочного хозяйства с значительным прибавлением дзамбы – сухой муки – и кирпичного чая. Оседлые тибетцы едят также репу в печеном виде, но мясом лакомятся очень редко, нисколько притом не брезгая животными, задавленными зверем. Тибетцы едят мясо не только впросырь, но даже и в совершенно сыром виде.

За отсутствием каких бы то ни было овощей, кроме репы, тибетцы копают корешки «джюмы» – гусиной лапчатки (*Potentilla anserina*), которая растет в изобилии в долинах речек. В сухом виде этот продукт сохраняется прекрасно; в Тибете мы лично также охотно питались им, и мне с товарищами неоднократно приходила мысль: почему бы у нас в России, где это растение также обыкновенно, не сделать попытку добывать и заготавливать корешки *Potentilla anserina*, в подспорье к ржаному хлебу, в особенности в период голодовок.

Из горячительных напитков в Тибете известно вино «чан», или «чун», приготовляемое туземцами из распаренного голосемянного ячменя, а из сладостей – нечто вроде нашего сахарного песка и так называемый «прром», т. е. мучнисто-медовая твердая масса в виде маленьких хлебцев, привозимая торговцами из Сычуани. Высшее духовенство и чиновники предлагают гостям вместе с прочим угощением и это лакомство.

Занятие кочевых тибетцев заключается главным образом, конечно, в скотоводстве; многие зажиточные «бок-ба» обладают огромными стадами яков, баранов, понемногу держат также лошадей, хайныков (помесь яка с коровою) и коз. Тибетские лошади, сильные и выносливые, ценятся довольно дорого, несмотря на свой небольшой рост и некрасивые стати; хорошими иноходцами тибетцы также гордятся, как и лучшим оружием. Как и в Монголии, здесь лошадь служит исключительно для верховой езды. В качестве же вьючного животного является неизменный як, который в жизни тибетца вообще играет такую же важную роль, какую у монголов верблюд.

Оседлые тибетцы держат немного скота и засевают свои небольшие поля ячменем, реже пшеницей, произрастающей не выше 11000 футов над морем, а крохотные огороды – только репой.

И кочевые, и оседлые тибетцы по отношению к труду вообще такие же лентяи, как и монголы. И здесь мужской элемент при каждом удобном случае норовит составить компанию для праздных разговоров. В лучшем случае тибетцы едут на охоту или на грабеж. Домашние же работы ложатся на женщин. В то время как женщина в течение дня трудится, что называется, не покладая рук, мужчина скучает от бездействия и идет к ней на помощь только тогда, когда женщина физически не в состоянии с чем-либо справиться. В качестве носильщика багажа или проводницы чиновника на расстоянии 15–20 и более верст является также женщина. Не надо забывать, что все эти работы исполняются в разреженной атмосфере, на 12—15000 футов над морем. Верхом на лошади тибетка так же ловка, как и тибетец; поймать из табуна любую лошадь, ухватиться рукою за гриву и, быстро вспрыгнув на спину неоседланного животного, лихо нестись в желаемом направлении – в привычке каждой молодой тибетки; справиться с упрямым яком при вьючке или развьючке – также.

Как и везде, в Тибете имеются болезненные отпрыски человечества – нищие, в большинстве случаев поражающие своей худобой, грязью и рубищем. Одни нищие просят подавание молча или произнося что-либо шепотом, другие вполголоса с поклонами, иные громко взывают к божествам, некоторые же одевают на головы маски, изображающие животных или зверей, и пляшут перед жилищами; иные нищие ходят с нищенским атрибутом, называемым «дулдуи». Орудие это есть достояние таких нищих, которые состоят под непосредственным покровительством монастырей. Каждый тибетец может пожертвовать на убранство дулдуя, что пожелает: один дает монету, другой раковину, третий четки, иной кольца, бусы и проч. Нищие с дулдуем громко поют или просто кричат, произнося отрывки из первоначальной истории жизни Будды, чем дают возможность последователям буддизма лишний раз вспомнить о том, что и их первый учитель имел такой же образ, как и они, проповедуя свое учение.

В марте месяце в Тибете приступают одновременно и к вспахиванию поля, и к обсеиванию его зерном. Из земледельческих орудий тибетцы знакомы только с одной примитивной деревянной сохой с железным сошником парной или одиночной запряжки; пашут здесь на быках – яках или хайныках, реже на лошадях.

Интересно, что в период весенних сельскохозяйственных работ в каждом селении раздаются звонкие голоса детей, хором взывающих к Богу о ниспослании на землю хороших урожаев.

В конце августа приступают к уборке хлеба; при жатве употребляют нечто вроде нашего серпа; сжатый хлеб почти тотчас же свозят к жилищам и, по мере просушки его или обмолачивают, или складывают под навес.

Для перемола зерна имеются ручные и водяные мельницы.

В наиболее красивых, приветливых и вместе с тем уютных уголках Тибета устроены кумирни или монастыри, а при этих последних нередко и управления начальников, и дома их приближенных. При монастырях же проживают и торговцы со складами своих товаров, словом, монастыри играют роль общественных и религиозных центров и заменяют собою города, которых здесь вовсе нет.

Грамотность в Тибете, как в былые времена и у нас на Руси, доступна лишь духовному классу, который составляет десять-двадцать, а то и больше процентов всего населения.

К светочу религиозных знаний тибетский темный народ обращается во всех более или менее важных случаях жизни.

Дороги, пересекающие Тибет, повторяю, исключительно вьючные, пролегают не только по долинам рек и речек, но и через разделяющие их хребты и горы. В области оседлого населения через горные ручьи и речки устроены мосты; в районе же кочевых обитателей переправы производятся вброд. Для переправы через главные реки Тибета служат оригинальные лодки, похожие на кузов саней. Деревянный остов тибетской лодки, связанный из нескольких обручей, прикрепленных к деревянной раме, обтягивается шкурой яка; при спуске на воду швы ее каждый раз смазываются салом. Переезд лодки сопровождается громким гиканьем, подобным тому, какое издают тибетцы при их атаках на неприятеля.

Хурде, вращаемое водою. Иллюстрация к первому изданию книги П. К. Козлова «Тибет и Далай-лама»

Главные, или большие дороги, которые связывают Сычуань с Лхасой, постоянно оживлены бычачьими караванами, везущими в столицу Тибета сычуаньский чай, шелк и проч. и вывозящими обратно шерсть, маральи рога, мускус, тибетские сукна ткани, предметы культа и немного другое.

Вдоль всяких дорог во многих местах сложены из сланцевых плит более или менее длинные валы «мэньдоп», или «мани»; также часто можно видеть высеченную огромными буквами на отшлифованных самою природою выступях скал мистическую формулу «ом-ма-ни-па-дмэ-хум», что значит: «о, ты, сокровище на лотосе!»⁸, а иногда далее и поясное изображение самих божеств буддийского пантеона.

---

⁸ Лотос (Nelurabium) – прекрасное растение, которое, согласно индийской мифологии, служит тронем творцу мира, а также считается символом земли. (Примеч. П. К. Козлова)

На перевалах, как и в других местах Центральной Азии, сооружены «обо», а по горным ручьям – хурдэ – молитвенные мельницы, приводимые во вращательное движение, подобно мельничным жерновам.

Среди обитателей Центральной Азии вместо денег, как их представляют себе европейцы, вращается ямбовое китайское серебро в больших и малых слитках, а также изредка и медные круглые монеты «чохи» с отверстием посредине.

В Тибете же в ходу преимущественно индийская серебряная монета, рупия, которая чеканится англичанами в Калькутте и которую главным образом признают тибетцы. В центральном Тибете нередко тибетские серебряные монеты «дхамха», фабрикуемые в Лхасе. В Каме, или восточном Тибете эти монеты встречаются редко; еще реже непальские.

Во многих местах Тибета вообще и в верхнем бассейне Желтой реки и Янцзы-Цзяна в частности тибетцы копают золото, применяя в работе самый примитивный способ и пользуясь самыми грубыми инструментами⁹.

Нравственные качества тибетцев – лень, грубость, лицемерие, корысть в связи с ханжеством и суеверием. Тибетцы лукавы, вороваты; они никогда не могут удержаться от соблазна воспользоваться чужою собственностью. Баранчатство развито очень сильно. Все эти отрицательные стороны наиболее присущи тибетскому кочевому населению, среди же оседлых тибетцев нередко и порядочные люди с более мягким характером и некоторым понятием о гостеприимстве. На языке таких людей еще понятна пословица: «как в тенистой глубокой воде рыбы больше, так и у хорошего человека больше друзей».

Общей характерной чертой тибетцев служит, между прочим, крайняя подозрительность, недоверие, основанные на применении народом древнего обычая избавления от ненавистного и преграждающего дорогу человека при посредстве яда, секретно вводимого в еду и питье, обыкновенно в местное вино. В силу этого тибетец решается вступить в дружбу не иначе, как только исполнив известный обряд «братанья», основанный на обмене гау и принесений клятвы перед бурханами.

В целях поддержания внутреннего порядка и гарантии безопасности извне тибетцы, хотя и не имеют постоянного войска¹⁰, как мы его понимаем, но, тем не менее, по первому требованию своих начальников скоро выставляют необходимый по численности конный отряд в полном боевом снаряжении¹¹ и походной готовности. Предводителями отрядов назначаются испытанные в боях хошунные начальники, которые бывают вооружены лучше других.

Тибетцы по-своему смелы и воинственны. Они счастливы, когда располагают хорошим конем и отличным вооружением. Превосходные неутомимые наездники, тибетцы имеют привычку подтягивать стремя так высоко, что верхняя часть ноги – бедро – лежит у них совершенно горизонтально.

Летом, как только лошади успевают откормиться, тибетцы организуют партии для воровских набегов в соседние или отдаленные хошуну. Чаще воруют в чужих округах, причем предметом самого воровства является скот, до баранов включительно. Нередко воровство переходит в открытый разбой. Уворованную и доставленную на место добычу делят приблизительно таким образом: половину из всего награбленного отдают в пользу своего хошунного начальника, а из остального – одна половина поступает предводителю партии, а другая – всем остальным ее членам.

---

⁹ Однако эксплуатирование золота не вяжется с суеверным представлением тибетского народа, поддерживаемым ламами в следующем воззрении: «Если выкопать из земли самородок золота, то исчезнет все золото, находимое в речном песке; самородок – это корень золотоносного растения или само растение, золотой же песок – цветы или семена этого растения». (Примеч. П. К. Козлова)

¹⁰ За исключением центрального Тибета – самой Лхасы и ее окрестностей. (Примеч. П. К. Козлова)

¹¹ То есть с ружьем, саблей и пикой; пращой пользуются преимущественно пастухи. (Примеч. П. К. Козлова)

Общий процент смертности в Тибете невелик, не считая, конечно, неизбежных периодических повальных болезней, как, например, оспа, случающихся сравнительно редко; тем не менее, прирост населения в этой стране крайне ограниченный, что надо приписать главным образом существованию в Тибете полиандрии и присутствию многочисленного класса безбрачного духовенства с одной стороны и междоусобным войнам с другой.

Столица Тибета – Лхаса и ее ближайшие монастыри

Самый интересный город по представлению европейцев и самый «идеальный» по представлению самих тибетцев – Лхаса – очаровывает путника издали, когда он впервые с ближайших предгорий видит лхаскую долину, окаймляющие ее горные цепи, а главное – Поталу¹² и храм медицины, расположенные на отдельных горках, по преданию, привезенных на вьюках из Индии.

После тяжелой монотонной дороги Лхаса с дворцом Далай-ламы и массой храмов, ярко блестящих на солнце золочеными кровлями и ганчжирами, действительно производит сильное и вместе с тем обаятельное впечатление. Дивное сочетание долины и божественных холмов – Марбо-ри и Чжагбо-ри, прозрачных голубых небес и яркого солнца, оригинальных построек и красных, золотых и белых красок порождает живую сказку.

Недаром буддисты при первом взгляде на Лхасу, на Поталу падают в исступлении на колени и со слезами умиления приковываются к «святому святых» горячим молящим взором.

Основание Лхасы, по данным Г. Ц. Цыбикова, относится ко времени хана Срон-цзан-гамбо, жившего в VII веке по Р. Х. Рассказывают, что этот хан в числе своих жен имел царевен непальскую и китайскую, которые привезли с собою по статуе будды Шакьямуни, для которых и были построены храмы в Лхасе, а сам он поселился на горе Марбо-ри, где ныне красуется дворец Далай-ламы.

Круговая дорога «лингор», по которой паломники совершают молитвенные обходы столицы Тибета пешком растяжными поклонами, равняется почти двенадцати верстам.

Столь любимые тибетцами сады, или парки придают Лхасе красивый вид, в особенности поздней весной или летом.

Абсолютная высота Лхаской долины определяется около 11000 футов.

Центром столицы-города служит храм, где покоится большая статуя будды. Храм этот – квадратный дом в три этажа с четырьмя золочеными крышами китайского стиля. В среднем помещении восточной стены отведено место главному объекту поклонения – статуе будды Шакья-муни под роскошным балдахином. Сама статуя из бронзы отличается от общеизвестных изображений индийского мудреца своими головными и грудными украшениями из кованого золота и драгоценных камней, в особенности бирюзы, изготовленных и надетых на нее знаменитым реформатором буддизма – Цзонхавой.

Лицо этой статуи со времен того же Цзонхавы красится золотым порошком.

«Не все божества пользуются одинаковым почетом, и посетитель сразу может отличить более чтимых. Так, в середине северной стены находится комната с большим числом светильников, среди коих находятся четыре-пять золотых лампад и большие каменные с прислуживающими при них ламами. В этой комнате помещена весьма чтимая статуя десятиликого Арьябало, или Авалокитешвары, по-тибетски Туг-чжэ-чэн-бо «Великомилосердный», или чжан-рай-сиг «Видящий глазами», перерожденцами которого считаются Далай-ламы.

Статую эту, по преданию, слепили из смеси разных благовонных трав по приказу царя Срон-цзан-гамбо и поместили в ней также сандальную статую того же Авалокитешвары, привезенную из Индии. К этому присовокупляют еще предание, что в год железной собаки, т. е. в 650 году нашей эры, сам царь с двумя супругами, непальской и китайской царевнами, слился с этой статуей, проникнув во внутрь ее».

Довольно большим почетом пользуется еще и статуя Бал-лхамо – покровительница женщин.

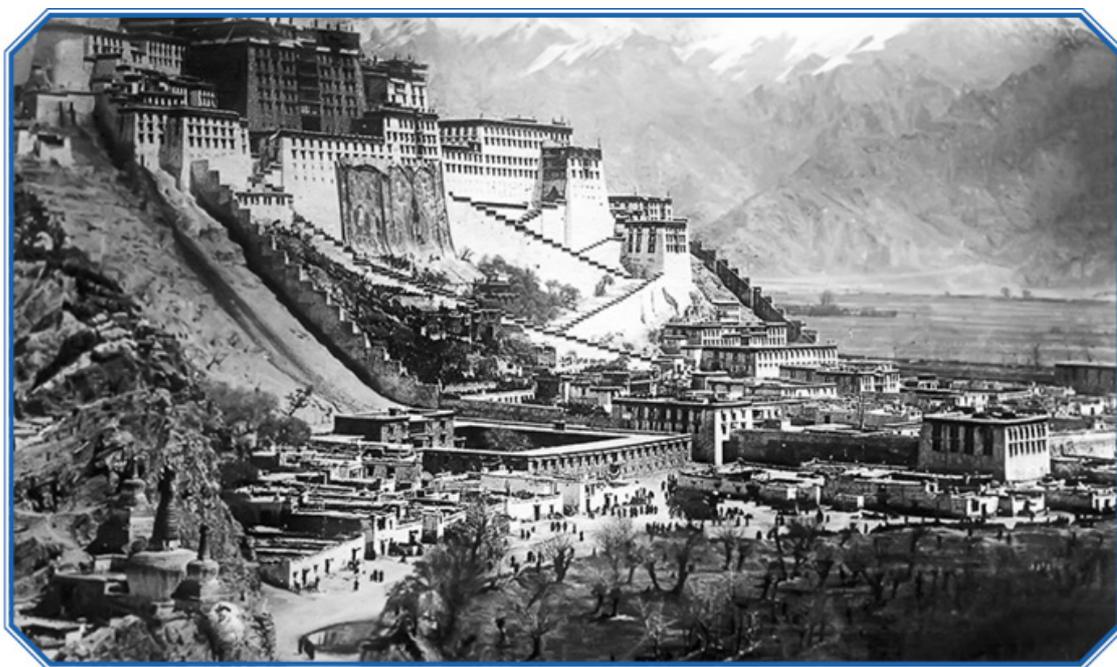
¹² Потала – дворец Далай-ламы в столице Тибета – Лхасе.

Благодетельной силе последней приписывается облегчение родов тибетских женщин вообще и лхаских в частности.

«Обстоятельство это, – говорит Г. Ц. Цыбиков, – замеченное и нами, должно, без сомнения, объяснять вообще закаленность тибетской женщины, в особенности принадлежащей к простому классу».

Другая малая статуя будды помещается в особом храме в северной части города, и называется «Чжоворамочэ». Как храм, так и изображение по своим размерам и украшениям уступают первым. Замечается также разница в меньшем чествовании молящимися.

Украшением Лхасы также служат дворцы знатных хутухт, или гэгэнов, занимавших должность тибетских ханов. Эти дворцы с известным штатом лам, представляют собою небольшие монастыри, которых внутри города считается четыре – Тай-чжяй-лин, Шидэ-лин, Цэмо-лин и Мэру-лин, а вне города – к юго-западу – расположен пятый дворец Гун-дэ-лин, принадлежащий хутухтам Дацаг или Дагца.

Вид Поталы с юга.
Фотография Г. Цыбикова. Около 1900 г.

Домов частных владельцев очень немного, и они находятся преимущественно на окраинах.

И над всеми этими зданиями, в некотором отдалении к западу, царит дворец Далай-ламы, Потала, построенный на скалистой горе.

«Дворец этот, – говорит Г. Ц. Цыбиков¹³, – вне всякого сомнения, является самым замечательным зданием не только Лхасы, но и всего Тибета. Полное название его Ду-цзин-ньбий-побран Потала, что в переводе значит «Потала, дворец второго кормчего».

Начало этому дворцу, по преданию, было положено Срон-цзан-ханом, но он заново отделан с добавлением главной центральной части, называемой «побран-марбо» – красный дворец, во время пятого знаменитого Далай-ламы Агван Ловсан-чжямцо его советником –

¹³ Г. Ц. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета.

дэ-бой Санчжяй-чжямцо. Дворец – это замок, в постройке которого тибетские архитекторы проявили все свое инженерное искусство. В длину дворец простирается около двухсот саженей; станет более понятным, если мы возьмем в сравнение здание Петроградского университета, которое имеет всего сто двадцать пять саженей в длину. В высоту же по лицевой стороне дворец имеет десять этажей.

В так называемом красном дворце имеются покои самого Далай-ламы, который в хорошую погоду очень часто поднимается на самую высокую плоскую кровлю, откуда открываются далекие красивые виды во все стороны. В этом же дворце хранятся самые высокие ценности как Тибета, так и Далай-ламы, равно в нем находится и золотой субурган – надгробие пятого Далай-ламы – около четырех саженей высоты. Здесь же ютится и община монахов в пятьсот человек, составляющая «Намчжал-дацан». В обязанности этих дворцовых лам лежит богослужение о долгоденствии и благоденствии Далай-ламы.

Внутри дворцовой стены, у подошвы горы с юга, находятся монетный двор, здание суда, тюрьма и проч.

На берегу реки Уй расположен летний дворец Далай-ламы Норбулинха.

Медицинский дацан, едва ли не единственный в центральном Тибете, красуется на горе Чжагбо-ри. Он представляет собою небольшое здание, где в комнате у задней стены указывают статуи разных божеств (сделанные из коралла, бирюзы, малахита, белого сандала) и другие святыни, связанные с именами знаменитых врачей индийско-тибетской медицины. Теперь особенно почитается здесь тибетский врач Ютог-гонбо.

Этот дацан основан или коренным образом реформирован знаменитым пятым Далай-ламой. Штат духовенства состоит из шестидесяти человек, специально прикомандированных по одному человеку из разных монастырей. Они получают содержание из казны Далай-ламы и живут в домах, построенных на этой же горе, подле дацана. Монахи эти и составляют студентов факультета. Заведует ими хамбо – лейб-медик Далай-ламы.

Помимо всего этого, в столице Тибета имеется два дацана, изучающих «мистицизм», с духовенством свыше тысячи человек.

Светское население Лхасы едва ли превышает 10000 человек, причем две трети составляют женщины. Несмотря на это, столица Тибета производит впечатление многолюдного города, что надо приписать, с одной стороны, соседству двух больших монастырей, с другой – огромному наплыву сюда паломников. По этой же причине, а еще и по сосредоточиванию здесь центрального управления Тибетом – Лхаса является значительным торговым пунктом, а также посредницей в торговле Индии с Западным Тибетом и Китая – с Восточным.

Большую славу Лхасы, между прочим, составляют три главнейших соседних монастыря Тибета: Сэра, Брабун¹⁴ и Галдан, известные под общим именем Сэ-нбра-гэ-сум, с количеством монахов до двадцати тысяч человек. Все эти монастыри принадлежат одной господствующей секте Цзонхавы и основаны при его жизни в начале XV века.

Верховным настоятелем этих монастырей, конечно, считается Далай-лама.

Монастыри в отдельности имеют свой устав, свои земельные угодья, тем не менее, Брабун выделяется своим значением уже только потому, что из среды этого монастыря возвысились Далай-ламы, которых вскоре судьба поставила во главе духовного и светского правления над центральным Тибетом.

Независимо от сего, каждый из этих монастырей известен чем-либо особенно; так, монастырь Брабун знаменит своими прорицателями, Сэра – ритодами или кельями аскетов и Галдан – разными чудесными остатками.

Культ прорицателей или оракулов основан в свою очередь на культе «чойчжонов» – хранителей ученья. В роли защитника религии чойчжоны или их прорицатели играют огром-

---

¹⁴ Брабун произносится еще и как «Брайбун». (Примеч. П. К. Козлова)

ную роль как в жизни отдельных частных лиц, так и монастырских общин до верховного управления Тибетом включительно. Прорицатели – это своего рода цензора – критики.

«Ритоды, которыми окружен по преимуществу монастырь Сэра, – суть отдельные кельи ушедших от мира и углубившихся в созерцание аскетов-монахов». Созерцание есть одно из шести «средств» для достижения святости. Начало его основывается на том, как Гаутама, удалившись от царской роскоши, искал истины. Позднейшие аскеты избирали местом таких созерцаний глухие уголки в лесной чаще или в скалах, в пещерах.

Чудесные реликвии, которыми славится Галдан, показывают нам, насколько знаменитый Цзонхава завладел умом своих последователей. Часто мечтая о своем божественном учителе, ученики чертили и высекали на скалах его образ и изображения будд, покровительствующих ему. С течением времени все эти признаки и памятники под известным воздействием суеверия стали приниматься за чудесные реликвии, и каждый паломник стал с благоговением прикладываться к ним.

Остановимся несколько подробнее на каждом из этих трех монастырей.

Основателем монастыря Сэра считается Шакчжя-ешей, известный у своих почитателей под именем Чжямчэнь-чойрчжэ. С малых лет он был посвящен в монахи и отличался мягким, кротким характером. Когда в Тибете прославился Дзонхава, Шакчжя-ешей поступил к нему в ученики и эконома. Из сильного благоговения перед великим реформатором он сделался послушным исполнителем его воли.

Стоило Цзонхаве пожелать, чтобы Шакчжя-ешей построил особый монастырь для изучения «тарни» – заклинания, как он и изъявил согласие и вскоре положил основание монастырю Сэра – обителицу Великой колесницы, или Махаяны.

«Монастырь Сэра, – пишет Г. Ц. Цыбиков¹⁵, – лежит верстах в четырех на север от Лхасы у подошвы гор. В нем три золоченых крыши, и из Лхасы Сэра представляет довольно красивый вид.

Главнейшей святыней этого монастыря можно считать статую одиннадцатиликого Чжан-рай-сига – Авалокитешвары, про которую существует следующее предание.

„В давнее время монахиня Балмо посетила местопребывание Манджушри и, взяв у него сию статую, улетела. Затем прилетела с этой статуей в местность Пабон-ха, где спрятала ее в одной пещере. В то время, когда настоятелем Сэра был некто Чжялцань-санбо, один пастух, пася своих коз, заметил, что одна из них вошла в ту пещеру, и чтобы выгнать ее оттуда, он бросил камень, который ударился в пещере о какой-то звонкий предмет. Удивленный пастух заглянул в пещеру и заметил лежащую на спине статую. Удивление пастуха еще более увеличилось, когда он увидел подле нее лужу козьего молока, и сама статуя заговорила человеческим голосом. Пораженный чудом, пастух побежал к настоятелю Сэра, Чжялцань-санбо, который тотчас пошел в указанную пещеру и перенес статую в свой монастырь, где она находится в дацане Чжеба”.

Этот Чжялцань-санбо считается перерожденцем упомянутой монахини Балмо и жил с 1402 по 1469 год.

Число монахов, или лам в Сэра – около пяти тысяч.

Если Галдан знаменит своими чудесными реликвиями, а Брабун – прорицателями, то Сэра, повторяю, славен своими ритодами, что в буквальном переводе значит „горная цепь”, но понимается теперь как уединенная келья лам-отшельников в горах. Ища удаления от мирской суеты, знаменитые аскеты ставили свои кельи на скалах высоких гор и там предавались созерцанию. Со временем усердие набожных почитателей стало накапливать в скромных кельях богатство и учеников. Обычай отыскивать перерожденца всякого выдающегося ламы

---

¹⁵ Г. Ц. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета.

обратил эти кельи в дворцы и поместья перерожденцев, каковыми и являются они в настоящее время.

Монастырь Сэра.
Фотография Г. Цыбикова. Около 1900 г.

Самым древним и самым известным ритодом считается Пабон-ха, находящийся верстах в трех на северо-запад от Сэра и принадлежащий Далай-ламе.

Здесь на природной скале стоит дворец Далай-ламы, в котором чтится статуя Чжанрай-сига. Предание говорит, что этот дворец-храм был построен ханом Срон-цзан-гамбо и имел девять этажей, но известный гонитель буддизма, царь Ландарма, разрушил верхние этажи, оставив только два нижних. Набожные приходят сюда для 3333 круговращений вокруг этого дворца, на что требуется от десяти до пятнадцати дней самой усердной ходьбы. Вероятно, это число имеет какое-нибудь символическое значение.

Саженях в двухстах-трехстах на восток от Сэра находится большая каменная глыба, которая, по преданию, сама прилетела из Индии. На этом камне разрезают трупы для отдачи их на съедение грифам и бородатым ягнятникам. Так как этот камень считается священным, то всякий стремится быть разрезанным на нем, но такая завидная доля достается лишь более зажиточным, так как она сопряжена со значительными расходами как по перенесению трупа, так и по плате, вносимой в виде вознаграждения местным монахам за чтение похоронных молитв. Кроме того, верят, что если живой человек нагой повалится на этом выпачканном трупами камне, то его жизнь продлится.

Второй знаменитый ритод, Сэра-чойдэн, стоит над монастырем Сэра на уступе северной горы. Он известен тем, что здесь часто жилал Цзонхава и проповедывал свое учение. Тут до сих пор сохранился желтый домик позади дугана дацана Чжюд. В нем на стене находится рисованное изображение Цзонхавы с двумя его любимыми учениками.

Монастырь Бабун, являющийся в настоящее время самым большим из желтошапочных монастырей центрального Тибета, лежит верстах в шести-семи на запад от Лхасы у

южной подошвы горы Гэндэл. Находясь под защитой скалистого горного мыса, на значительной высоте, будучи построен амфитеатром и имея по обеим сторонам сады, он издали представляет довольно красивый вид, но по мере приближения этот вид исчезает, и, наконец, вы вступаете в узкие, устланные камнем улицы, по сторонам которых возвышаются многоэтажные дома.

Основателем Брабуна считается ученик и последователь Цзонхавы Даший-балдан, известный более под названием Чжамыш-чойрчжэ (1379–1448). Учился он сначала в Цзэтане, Санпу и Чжормолуне, но затем перешел к Цзонхаве в только что основанный им монастырь Галдан. Увидев блестящие способности, проявленные сим сравнительно молодым ламой, Цзон-хава сразу решил расположить его к себе и подарил ему раковину, добытую, по преданию, из скалы. Вскоре он посоветовал Даший-балдану построить монастырь и, если верить словам биографа Цзонхавы, сказал ему, что основанный им монастырь превзойдет Галдан. По этому совету или, может быть, потому, что, согласно преданию, он не сходил в некоторых религиозных вопросах со своим учителем, Даший-балдан в 1416 году основал монастырь Брабун, или Балдан-Брабун, как он значится в литературе.

Самые важные святыни, как вообще в ламаитских монастырях, – замечает Г. Ц. Цыби-ков, – связаны, конечно, с именем основателя». Так, в здешнем доме большого собрания, цокчэн-дугане, находится статуя Майтреи, имеющая в высоту свыше пяти саженей.

Между прочим, Брабун служит усыпальницей трех Далай-лам – второго, третьего и четвертого. Часть останков третьего Далай-ламы, Соднам-чжямцо, вложена в субурган, на устройство которого затрачено немало денег.

Что касается расположения главных зданий монастыря, то в центре, немного ближе к западному краю, стоит громадное здание с золоченой крышей, являющееся домом для большого собрания, т. е. цокчэн-дуган, а на юго-западном краю монастыря – дворец Далай-ламы, называемый Галдан-побран. Рядом с последним, уже вне монастырской черты, находится дворец Даший-кансар, построенный, как говорят, шестым Далай-ламой для его светской жизни.

По отношению к учебной части, все духовенство монастыря распределяется по дацанам, коих прежде было семь, а ныне – только четыре, в трех из которых изучают богословские науки – цаннид, а в четвертом – тантры.

Штат лам в Брабуне определяется в десять тысяч человек, которые полностью собираются лишь в самых торжественных случаях или при раздаче денег.

Остается сказать о монастыре Галдане.

Про основание монастыря Галдана в биографии Цзонхавы сказано, что тотчас после окончания лхаского монлама – торжественного богослужения, учрежденного в 1409 году, Цзонхава с своими последователями отправился на гору Брэг-ри – уединенная – и, исследовав ее, нашел, что все приметы земли и неба весьма хороши и что это, поистине, место с признаками полного распространения и исполнения проповеди, а также необходимых богатств. Затем старшим из своих учеников Цзонхава указал места для постройки монастырских зданий, что последние и выполнили в точности в том же году.

Основанный таким образом монастырь Галдан¹⁶ находится верстах в двадцати пяти – тридцати на восток от Лхасы. Монастырские здания построены на южной стороне горы полукругом и амфитеатром доходят до самой вершины. С юго-востока монастырь еще более живописен от присутствия красивых скал и мелкого леса, растущего вдоль скалистого оврага.

---

¹⁶ Полное название которого – Брэг-ри-галдан-намбар-чжял-бпи-лин, уединенно-горское вполне радостное обиталище полного победоносца. (Примеч. П. К. Козлова)

Главной святыней монастыря, без сомнения, признается так называемый сэрдон-чэмо – золотое надгробие, или золотая ступа – субурган с прахом великого Цзонхавы. Субурган находится в лучшем из здешних зданий, окрашенном в коричневый цвет с небольшой золоченой крышей. После смерти Цзонхавы, в 1419 году старшие из учеников, как сказано в биографии его, стали совещаться, сжечь ли его прах или оставить нетронутым. Рассудив, что если оставить нетронутым, то он, как будто сам, действительно будет жить, и будет велика польза как для продолжения учения, так и для многих живых существ, решили воздавать почести, оставив прах в целости. Тут же из серебра количеством более восемнадцати тибетских мер, поднесенных отдельными учениками из набожности, соорудили субурган, украсили его орнаментами из разных драгоценностей – камней, серег, гау, китайских табакерок, раковин, вставленных в чеканку.

Над этим субурганом в 1420 году построили большое сумэ; прах же вложили в гробницу из сандалового дерева, перенесли из дворца и поместили в бумба¹⁷ субургана, лицом на северо-восток и в сидячем положении.

Впоследствии пятидесятый настоятель Галдана, или сорок девятый наместник Цзонхавы, бжябралский Гэндунь-нунцог сделал всему субургану облицовку из чистого ковачного золота, почему субурган сделался словно золотым, и его теперь действительно называют «большой золотой субурган». По правую сторону от него находится субурган первого наместника Цзонхавы, Чжялцаб-дарма-ринь-чэна, а по левую второго его наместника Хайдуб-гэлэг-балсана.

Число монахов в Галдане доходит до двух тысяч.

«Как монастырь, основанный Цзонхавой, Галдан полон предметами почитания, связанными с именем великого основателя желтошапочного ламаизма и его главных сподвижников.

Так, „горлам” – круговая дорога монастыря – полна разными объектами почитания для набожных. На юго-западной стороне монастыря вам показывают ключ-колодец, который, по преданию, явился от указания Цзонхавой на это место пальцем, когда монахи страдали от недостатка воды. Далее на скалах и камнях указывают следы шапки, четок, локтей, колен, пальцев и пр. Цзонхавы, также углубление в скале, откуда Цзонхава добыл раковину, спрятанную еще при жизни будды Шакьямуни; изображения Цзонхавы, рисованные на скале указательными пальцами Чжялцаба и Аайдуба, указывают домик, где жил в простой обстановке Цзонхава, и маленькую часовню, где на плите самостоятельно выступило изображение троицы «Ригсум-гоньбо», т. е. Чжямьяна, Чагдора и Чжян-рай-сига¹⁸.

На восточной стороне обходящему монастырь может броситься в глаза золотой чжялцань – победный знак на скале, а внизу изображение Цзонхавы с его двумя учениками, ниже которого нарисован громадный Дамчжан-чойчжял. Из этой скалы, как говорят, нынешний Далай-лама достал клад, состоявший из шапки и других вещей Цзонхавы, который он поместил в особый ящик у гробницы последнего. Набожные верующие с благоговением, превосходящим удивление, прикладываются ко всем этим реликвиям, но на человека, смотрящего более хладнокровно, они могут произвести впечатление работ художников, да притом не особенно искусных»¹⁹.

В заключение о монастыре Галдане можно сказать, что он расположен на значительной абсолютной высоте, вероятно, много превосходящей высоту 12000—13000 футов, так как наш «Буддист-паломник» провел две ночи в Галдане без сна «вследствие сильной одышки и гнета, лишь только начинал засыпать».

---

¹⁷ Бумба – круглая часть субургана.

¹⁸ По-индийски – Мандлсушон, Ваджрапани и четырехрукого Апалокитешвары. (Примеч. П. К. Козлова)

¹⁹ Г. Ц. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета.

Тибетский Далай-лама и мое двукратное свидание с буддийским первосвященником – в Урге и Лумбуме

Теперь о самом фокусе сил Тибета – о Далай-ламе, являющемся в настоящее время верховным правителем Тибета как в духовном, так и в светском отношениях.

Далай-ламы считаются, как то и замечено выше, перерожденцами бодисатвы Авалокитешвары, или по-тибетски Пагпа Чжан-рай-сиг.

Почитатели культа перерожденцев любят относить их происхождение к отдаленнейшим временам, например, к эпохе жизни Будды. Так и в данном случае первым воплощенцем считают бодисатву Пагпа Чжан-рай-сига, ближайшего ученика Будды.

По сказаниям тибетских сочинений, составленных в более позднее время, первые тридцать семь перерожденцев появлялись в Индии то царями – покровителями религии, то учеными-просветителями. В первый раз в Тибете появился тридцать восьмой перерожденец хан-Няи-цзаньбо, живший в III веке до Р. Х. Затем перерожденцами его являются знаменитые цари Тибета, известные покровительством буддизму, как то: 40-м Срон-цзан-гамбо, 41-м Тисрон-дэвцан (802–845), 42-м Адагти-Рал (866–902), а также знаменитые ученые: 45-м Бром-доньба, 46-м Сачжя (Сакьяский) Гуньга-Нин-бо и т. д.

Духовное значение Далай-ламы получили во время ламы Гэндунь-чжямцо, настоятеля Брабунского монастыря, жившего с 1475 по 1542 год. Он был одновременно настоятелем двух монастырей – Брабун и Сэра – и при жизни своей приобрел такую известность, что его стали считать перерожденцем известного основателя монастыря Даший-лхунбо, Гэндунь-дуба. Но обычай отыскивать перерожденцев в младенчестве начинается уже после смерти его. И один начальник замка объявил своего сына его перерожденцем. Это, по-видимому, первый пример провозглашения перерожденца и предоставления ему прав предшественника. Сему перерожденцу, обожаемому чуть ли не с колыбели, суждено было быть приглашенным к монгольскому Алтан-хану, который дал ему титул Вачира-дара-Далай-лама, подтвержденный и минским императором Китая.

Впрочем, значение Далай-ламы и Тибета вообще первое время не было особенно велико, чем объясняется признание четвертым перерожденцем сына монгольского князя, который, правда, был убит на 28-м году жизни в Тибете. Монголы говорят, что тибетцы убили его из племенной ненависти, даже распоров живот, т. е. способом убиения монголами баранов.

Следующему его перерожденцу Агван-Ловсан-чжямцо, именуемому ныне просто Аба-ченьбо, т. е. «пятым – великим», удалось приобрести светскую власть, которая первое время все же была лишь номинальна. Этот Далай-лама в союзе с первым баньчэнем, не задумался пригласить на свою родину монгольское оружие, только бы победить ненавистных светских правителей. Хотя им и удалось этого достигнуть, но в дела Тибета стали вмешиваться и монгольские князья, признававшие верховную власть манджурской династии или же боровшиеся за свою самостоятельность.

*Далай-лама XIII Тубтэн Гьяцо. Фотография
из материалов Монголо-Сычуаньской экспедиции П.
К. Козлова*

После смерти пятого Далай-ламы в течение почти сорока лет Далай-ламы делаются предложением политических интриг разных властолюбцев, пока ряд исторических событий не уничтожил в Тибете власть монгольских и туземных князей, и пока, наконец, в 1751 году, не было признано за Далай-ламой преобладающее влияние (как духовное, так и светское).

Избрание Далай-ламы до 1822 года, года выбора десятого перерожденца, основывалось на предсказаниях высших лам и определений прорицателей, что равносильно выбору

влиятельных лиц, но при выборе десятого перерожденца впервые было применено в практике установленное при императоре Цянь-луне метание жребия посредством так называемой сэрум, или золотой урны. Оно состоит в том, что имена трех кандидатов, определенных прежним порядком, пишутся на отдельных билетиках, которые потом кладутся в золотую урну; последняя ставится перед большой статуей Чжово-Шакьямуни, и возле нее совершаются депутатами от монастырей богослужения о правильном определении перерожденца. Далее она переносится в Поталу, во дворец Далай-ламы, и здесь перед дощечкой с именем императора в присутствии высших правителей Тибета и делегации от главнейших монастырей манджурский амбань посредством двух палочек, заменяющих у китайцев вилки, вытаскивает один из билетиков. Чье имя написано на этом билетике, тот и возводится на Далай-ламский престол.

Избрание перерожденца обыкновенно приветствуется китайским богдоханом торжественной присылкой высшего духовного или светского лица, хранящего императорскую духовную печать. Означенное лицо привозит художественно исполненные из золота или драгоценных камней письменные знаки, означающие имя и титул перерожденца.

После этого счастливый или несчастный ребенок с большими почестями переносится во дворец.

С этих пор ему воздается должествующий почет и к нему стекаются поклонники. При этом с самых ранних лет его начинают обучать грамоте под руководством специального учителя – иондзинь, выбираемого из наиобразованнейших знатных лам. Затем ему дают чисто богословское образование.

Для практических диспутов приставляются по одному ученому ламе из всех богословских факультетов трех главных монастырей.

По окончании курса учения он получает высшую ученую степень по богословию по тому же порядку, как и другие ламы, но, конечно, с обильной раздачей денег монастырям и более осторожными вопросами к нему со стороны членов диспута – ученых лам, назначенных наперед.

После сего, с 21-летнего возраста, Далай-лама вступает в полную самостоятельность. Но надо помнить, что начиная с 1806 года, сменилось пять Далай-лам. Современный, по счету тринадцатый Далай-лама, Тубтэн Гьяцо, родился в 1876 году, и, следовательно, теперь, в 1919 году, ему 43 года.

Двадцатилетним юношею Далай-лама кончил курс богословских наук и получил высшую ученую степень лхарамба. Прохождение наук происходило под руководством его старшего учителя или так называемого иондзинь-риньбочэ, что значит «драгоценный учитель» по имени: Лобсан-цултим Чжямба-чжямцо, известного более под именем «пурбу-чжогского перерожденца Чжямба-риньбочэ», который умер в 1901-м году, достигнув глубокой старости. Для упражнений Далай-ламы в цаннидских диспутах к нему были приставлены от семи богословских академий монастырей Брабуна, Сэра и Галдана по одному цань-шаб-хамбо, в число коих от гоманского дацана Брабуна вошел наш забайкалец Агван Доржиев, которому сильно покровительствовал вышеназванный нурбу-чжогский перерожденец.

Вступив в зрелый возраст свыше двадцати лет тому назад, Далай-лама открыто повел борьбу с своим регентом – знатнейшим из тибетских хутухт – дэмо и из нее вышел победителем, чем, без сомнения, избежал участи своих четырех предшественников, погибших в раннем возрасте часто вследствие насильственной смерти, причиняемой регентами и представителями других партий, старающимися остаться подольше у власти.

Нынешний Далай-лама обвинил дэмо-хутухту в составлении заклинаний против его жизни, конфисковал его громадное имущество, а самого его посадил под строгий домашний арест в отдельной комнате, где дэмо-хутухта оказался задушенным осенью 1900 года.

**Тибетский лама Чойчжэн-чютуп.
Фотография из архива П. К. Козлова**

«Летом 1900 года, – пишет Г. Ц. Цыбиков²⁰, – происходило первое путешествие Далай-ламы по знаменитым монастырям южного Уя (Лхоха). Путешествие это было роковым для его предшественника, так как во время его он был отравлен. Так и на этот раз думали, что еще могут найтись сторонники низверженного хутухты, и Далай-лама сделается жертвой

²⁰ Г. Ц. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета.

борьбы, но он благополучно совершил путешествие, хотя в монастыре Сам-яй ему пришлось перенести натуральную оспу, свирепствовавшую тогда во всем центральном Тибете».

Далай-лама объявил себя верховным правителем Тибета и вскоре стал искать пути для завязания знакомства и дружбы с Россией.

Для Тибета надолго останется памятным 1904 год; чужеземцы с войском пришли в Лхасу, и Далай-лама покинул свою столицу, чтобы не видеть врага. Энергичный, властный вице-король Индии, лорд Керзон, улучил удобную минуту, когда единственная держава, которая могла поддержать Тибет, – Россия – оказалась занята войною, и наглядно доказал Тибету настойчивое, а следовательно, и победоносное упорство английской политики²¹.

Начальство над политическо-военной миссией, конвоируемой трехтысячным отрядом, до горной артиллерии включительно было возложено на путешественника и знатока Центральной Азии полковника Иенгхесбенда, ближайшее же ведение войсками и вообще военная часть вверялись генералу Макдональду.

О самом походе англичан в Тибет в свое время писалось немало, при экспедиции состояли специальные корреспонденты, которые, как вскоре выяснилось, были очень односторонними и крайне сдержанными, в особенности там, где приходилось характеризовать отрицательные качества английских войск, например насилие, изредка проявляемое, впрочем, над беззащитными тибетцами. Главные члены экспедиции, перенося невзгоды зимы и разреженного воздуха, понимали трудности похода и смотрели на многое в отряде сквозь пальцы, боясь несвоевременными репрессиями возбудить недовольство в британских поисках. Словом, освещение истории военной экспедиции англичан в Тибете – одностороннее.

После длительного горного похода, после тяжелых невзгод и лишений ожидание увидеть столицу Тибета дошло у англичан до высшей степени напряжения. За каждым поворотом, за каждым мысом они были уверены, что увидят этот священный город буддистов. Они спешили идти и ускоряли подъем с одной вершины на другую в надежде поскорей увидеть давно желанный и таинственный земной алтарь живого божества. Передовые патрули кавалерии по своему возвращении усиленно расспрашивались.

Наконец, 2 августа, обогнув последний мыс, английская военная экспедиция увидела золотые крыши Поталы-Лхасы, блестящие с далекого расстояния, а на следующий день уже расположилась лагерем вблизи самого дворца тибетского первосвященника.

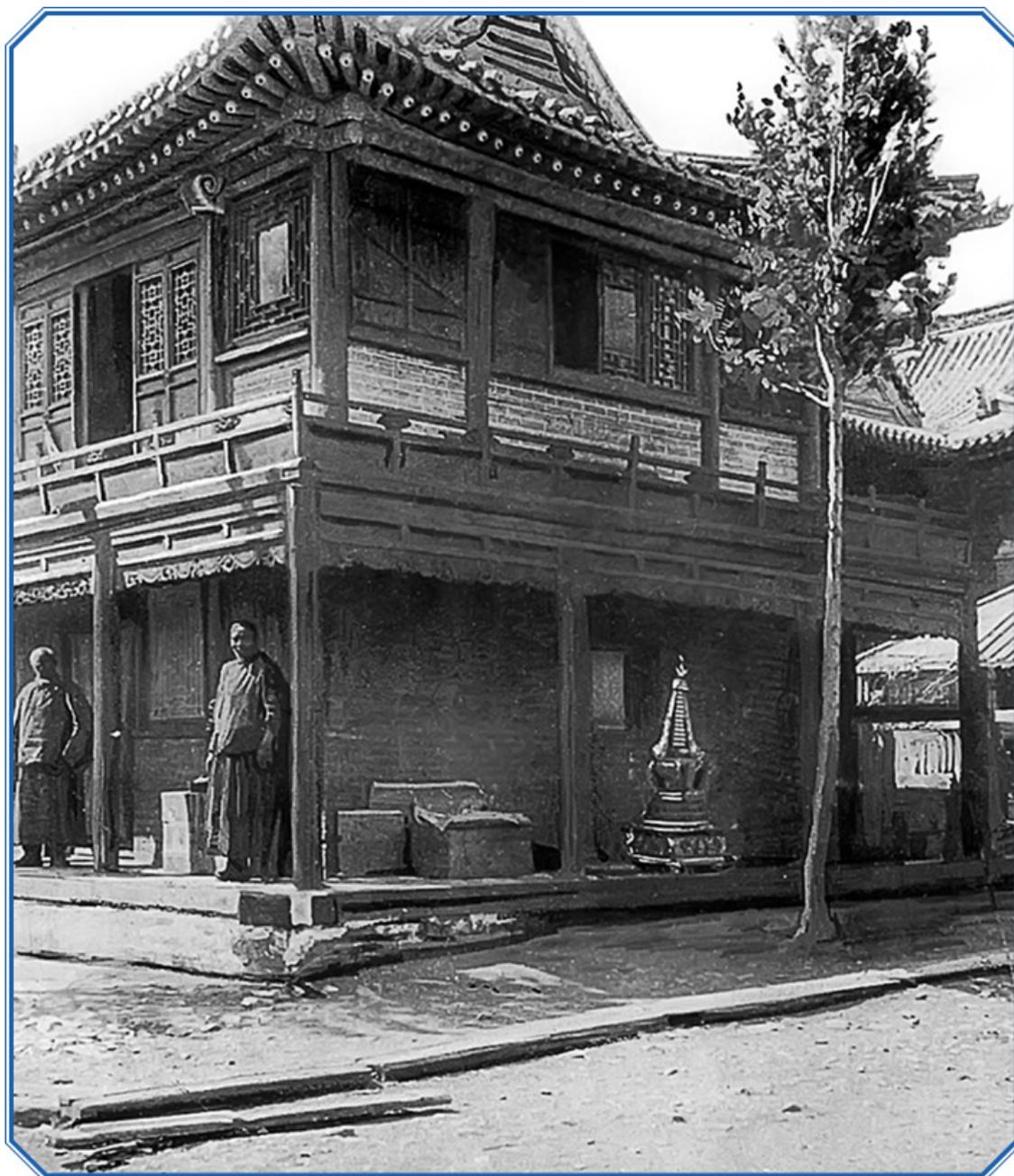
«Здесь, в приятной долине, – пишет г. Иенгхесбенд, – в долине, прекрасно обработанной и богато орошенной, под укрытием снеговых цепей гор находится таинственный, запрещенный город, которого ни один еще находящийся в живых европеец не видел до сих пор. Для многих, предполагавших вследствие этой изолированности Лхасы, что она должна была быть чем-то вроде города из области сновидений, было, смею сказать, большое разочарование: в конце концов Лхаса была построена все так же людьми, а не феями; ее улицы не были вымощены золотом, а двери отделаны жемчугом. Улицы Лхасы были страшно грязны, а жители менее всех мною виденных до сих пор людей походили на волшебников.

Но Потала – дворец Великого ламы, – был действительно внушительным, массивным и очень основательно построенным из камня. Господствующее положение Далай-ламского дворца на горе особенно живописно выделяло его над общим городом, расположенным у его подножья. Множество домов в городе было также хорошо и солидно построено и окружено тенистыми деревьями. Дворец на возвышении и удивительный город у его подножья были бы поразительны повсюду, но расположенные в этой прекрасной долине, в самой глубине гор, они производили еще большее впечатление, с чем соглашались почти все мои спутники.

---

²¹ С. Ф. Ольденбург. Англо-индийский поход в Тибет 1904 года. Журнал мин. Народ. Просв. 1905. Отд. II, № 7, стр. 197–327 и № 9, стр. 134–150. (Примеч. П. К. Козлова)

Тибетские храмы с наружной стороны солидны и массивны, хотя и не совсем красивы. Внутри же они очаровательны и оригинальны, а иногда даже забавны и смешны. У некоторых членов миссии осталось впечатление о громадных бесстрашных фигурах Будды, вечно-спокойно и неподвижно смотрящих вниз, о стенах, разрисованных смешными демонами и драконами, об интересно украшенных деревянных колоннах и крышах, об общей грязи и нечистоте и о бесчисленных чашках с маслом, горящим днем и ночью, как горят свечи в римско-католических церквах перед изображениями святых».

Монастырский флигель, в котором жил Далай-лама во время пребывания в Урге. Фотография из архива П. К. Козлова

Договор с тибетцами был подписан скорее, чем англичане могли ожидать, и они начали готовиться к отъезду в Индию. Тибетцы были очень счастливы, по-видимому, удовлетворительным окончанием дела. Ни одно лицо не было ответственным; каждый имел свое слово, и если какое-нибудь порицание могло упасть на чью-либо голову, то оно должно было падать на все одинаково. «Но в глубине сердец, – говорит полковник Иенгхесбенд, – тибетцы знали вполне хорошо, что они отделались замечательно дешево».

В утро отъезда англичан заместитель Далай-ламы – Ти-Рим-бочэ – пришел в их лагерь и подарил изображение Будды начальнику миссии г. Уайту, а также и генералу Макдональду. Временный правитель благодарил за сбережение монастырей и храмов и, поднося полковнику Иенгхесбенду «Будду на алмазном престоле», сказал: «Когда тибетцы смотрят на изображение Будды, то они отстраняют от себя все мысли о борьбе и спорах и думают только о мире, и я надеюсь, что вы, когда будете смотреть на него, будете благосклонно думать о Тибете».

Как бы там ни было, но насильственное вторжение англичан в Тибет есть совершившийся факт, как совершилось и еще более грустное явление, даже по признанию самих англичан, – это бойня при Гуру, или у «источников хрустального глаза», где из пятисот тибетцев, предварительно погасивших фитили у своих примитивных ружей, в живых осталось двести человек, спасшихся бегством²².

Последнее обстоятельство, в связи с живым представлением Далай-ламы о манере англичан в Индии захватывать в заложники правителей страны и вручать им договоры для личной подписи, принудило главу буддийской церкви секретно оставить Лхасу и быстро направиться в Монголию, в соседство русской границы.

Двадцать шестого июля 1904 года²³ в два часа ночи Далай-лама оставил Лхасу в сообществе лишь самых нужных и преданных лиц: Агван-Доржиева, сонбон-хамбо, или так называемого «дядьки», чотбон-хамбо, эмчи-хамбо (врача) и восьми человек прислуги. Участники небывалого путешествия были верхом на лошадях и запаслись всем необходимым только впоследствии с присоединением к ним других участников каравана.

Первые дни Далай-лама ехал, соблюдая *incognito*, но затем, около Нак-чю, он уже не скрывал себя перед народом. Последний, предчувствуя недоброе, повергся в уныние и горько плакал. В Нак-чю была сделана продолжительная, в пять – семь дней, остановка, в течение которой удалось запастись всем необходимым более обстоятельно на предстоящую трудную, пустынную и малолюдную дорогу.

Из Нак-чю же Далай-лама послал в Лхасу дополнительные распоряжения. Следует заметить, что лучшие драгоценности Поталы, или Далай-ламского дворца, были своевременно вывезены и спрятаны в укромных местах.

Дальнейший переезд до Цайдама, по высокому нагорью Тибета, был исполнен без дневок и крайне утомил Далай-ламу. Насколько было возможно, Агван-Доржиев старался облегчить путь его святейшества, уезжая вперед квартирьером и готовя в людных пунктах подводы, продовольствие и проч. Народ, прослышав о путешествии главы буддийской церкви, быстро группировался в известных молитвенных центрах, где происходило торжественное богослужение в присутствии Далай-ламы и куда единоверцы щедро несли дары местной природы, стараясь всячески выразить верховному правителю Тибета их полную готовность служить ему на всем дальнейшем пути.

---

²² Данные эти почерпнуты из английских источников. (Примеч. П. К. Козлова)

²³ Или, иными словами, когда англичане вступили в долину Крамапутры. (Примеч. П. К. Козлова)

Монголия со своими песками на юге и каменистой пустыней в центре произвела на Далай-ламу сильное впечатление. Он очень интересовался ее оригинальной природой – растительным и животным миром²⁴.

Таким образом, осенью 1904 года в Монголии случилось замечательное событие: в эту страну прибыл Далай-лама и в северной ее части, в Урге, – своего рода монгольской Лхасе – расположился на долгое пребывание.

Странно, однако, что местные китайско-монгольские власти с богдо-гэгэном во главе на основании приказа из Пекина «по поводу приезда Далай-ламы в Ургу не проявлять излишнего восторга» не в меру поусердствовали, в особенности богдо-гэгэн, который даже не выразил основных правил благопристойности и не встретил Далай-ламу; мало этого, он вскоре за тем позволил себе не принять трон главы буддийской церкви в одном из подведомственных ему ургинских монастырей.

С течением времени у Далай-ламы и богдо-гэгэна отношения все более и более обострялись. Недовольство ургинского хутухты не знало своих пределов, потому, главным образом, что народ – монголы, буряты, калмыки – неудержимо стремился на поклонение Далай-ламе и наводнил собою Богдо-курень и ее окрестности. Престиж Далай-ламы не ослабевал, наоборот, усиливался, поднимался; монастырь Гандан, где приютился его святейшество, приобрел большую популярность. Жизнь в Урге забила ключом. Храмы денно и ночью призывали молящихся. Все только и говорили о великом Далай-ламе и о тибетцах; местные представители, казалось, утратили большой интерес.

Со своей стороны, верховный правитель Тибета больше, нежели прежде, интересовался соседним государством, Россией, с которой так или иначе вошел в соприкосновение через посредство русского местного консульства. Излишне говорить, до какого напряжения дошло внимание всех тех лиц, которым близки и более всех других понятны интересы Тибета и которые следили за каждым шагом английской военной экспедиции, скорбя душой за беззащитных тибетцев.

Весною 1905 года, Русское географическое общество возложило на меня приятную обязанность – быть его представителем в Урге для принесения приветствия и подарков правителю Тибета и для выражения благодарности за гостеприимство, оказанное русским путешественникам в Тибете.

Радостно приняв предложение Географического Общества, я энергично стал готовиться в знакомую дорогу. Мне долгое время не верилось, что я опять увижу родные картины центральноазиатской природы: красивый Байкал, синеющие горы Забайкалья и просторные, убегающие за горизонт, долины Монголии. Моему воображению продолжали рисоваться травянистые степи Куку-нора, стальная блестящая поверхность этого величественного бассейна, а за ним чрез Южно-кукунорский хребет и снеговые цепи Тибета.

Мысль далеко уносилась по пространству и по времени.

В таких мечтах и грезах я благополучно проследовал сначала до отечественной границы – городка Кяхты, а затем и до столицы Монголии – Урги.

Урга привольно раскинулась в обширной долине Толы и издали производит гораздо лучшее впечатление, нежели вблизи, впрочем, это общая характеристика почти всех населенных пунктов Азии, хотя Урга своею ужасною грязью, вероятно, превосходит все, по крайней мере все, виденное мною. Здесь человеческой лени потворствуют собаки, которые являются даровыми и единственными санитарями.

---

²⁴ Характерными представителями растительности в южной и средней Монголии являются: из древесных и кустарниковых пород – саксаул, тamarиск, хармык, а из травянистых – дэрэсун. Что же касается до животной жизни, то в этом отношении в рассматриваемой части страны наиболее типично представлены: среди млекопитающих – антилопа-харасульта, а среди птиц – болдурук, населяющий Гоби в огромном количестве. (Примеч. П. К. Козлова)

Но что дивно, хорошо и необычайно красиво и вечно молодо, и здорово в Урге, так это девственная гора Богдо-ула, почитаемая монголами за святую, с чудным лесом, ревниво оберегаемым со всем его животным царством заботами монастыря или, точнее, монастырей. Последних здесь два – Гандан, в котором нашел себе приют Далай-лама, и Майтрей.

Между монастырями вклинились своими национальными постройками русские и китайские торговые колонии. Немного выше по долине реки находятся управление и цитадель с незначительным гарнизоном. Еще восточнее расположено русское консульство, за которым невдалеке стоит торговый городок Китая – Майма-чен.

Опрятнее и живописнее прочих расположена новая резиденция ургинского богдо-гэгэна, симпатизирующего русской архитектуре домов и вообще многому русскому, применяющемуся в своей домашней обстановке ко вкусу русского зажиточного класса людей. Его деревянный двухэтажный дом скопирован с дома русского консульства; говорят, и внутри он обставлен предметами европейской роскоши.

Я остановился, согласно желанию Далай-ламы, в близком соседстве с монастырем Гандан.

Первое мое свидание с тибетским первосвященником состоялось первого июля в три часа дня. Я отправился в тележке, запряженной одиночкой, в сопровождении своих двух спутников, Телешова и Афутина, ехавших верхом. У монастыря перед главным входом толпилось множество паломников.

Здесь меня встретили: Дылыков, хоринский бурят, почетный Зайсан, состоявший при Далай-ламе переводчиком с монгольского на русский язык, а также и в качестве чиновника особых поручений, и двое – трое тибетцев, приближенных к Далай-ламе.

Войдя в монастырский двор и миновав несколько юрт и дверей, я очутился у Далай-ламского флигеля, а минуту спустя и у самого Далай-ламы, торжественно восседавшего на троне против легкой сетчатой двери. Лицо великого перерожденца было задумчиво-спокойно, чего, вероятно, нельзя было сказать относительно меня, находившегося несколько в возбужденном состоянии: ведь я стоял лицом к лицу с самим правителем Тибета, с самим Далай-ламой! Не верилось, что моя заветная мечта, взлелеянная в течение многих лет, наконец исполнилась, хотя исполнилась отчасти: я всегда мечтал сначала увидеть таинственную Лхасу, столицу Тибета, затем уже ее верховного правителя. Случилось наоборот: не видя Лхасы, я встретился с Далай-ламой, я говорил с ним.

Я невольно впился глазами в лицо великого перерожденца и с жадностью следил за всеми его движениями. Подойдя к нему, я возложил на его руки светлый шелковый хадак²⁵, на что в ответ одновременно получил от Далай-ламы его хадак, голубой и тоже шелковый, очень длинный, роскошный. Почтительно, по-европейски кланяясь главе буддийской церкви и произнося приветствие от имени Русского географического общества, я вслед за этим подал знак моим спутникам приблизиться с почетными подарками и передать их в присутствии Далай-ламы его свите – министрам и секретарям.

Далай-лама приветливо улыбнулся и сделал указание поставить подарки вблизи его обычного места, затем, пригласив меня сесть на заранее приготовленный стул, стал держать по-тибетски ответную речь. Голос его был приятный, тихий, ровный; говорил Далай-лама спокойно, плавно, последовательно. Его тибетскую речь переводил на монгольский язык

---

²⁵ Хадак – род продолговатого платка, делаемого из шелковой и бумажной материи, окрашенной обыкновенно в какой-либо из следующих четырех цветов: желтый, черный, белый, сиреневый. Самый длинный шелковый хадак бывает в две и три маховых сажени, но есть и в полтора – два аршина. Хадаки этого рода по большей части делаются с украшениями: на некоторых из них бывают вытканы изображения различных бурханов – божеств, преимущественно Аюши – покровителя долголетья; эти хадаки называются «вандан»; на других, чаще всего желтых, бывают вытканы шелками кружки радужных цветов – это хадак «соном». Малый хадак без бурханов, но украшенный вытканными цветами, называется «даши хадак»; хадак же без всяких украшений, бумажный – «самбай». (Примеч. П. К. Козлова)

один из его секретарей, Кончун-сойбон, несколько лет перед этим проживший в Урге; с монгольского же языка на русский переводил Дылыков. После обычных приветственных слов: «Как вы доехали до Урги, как себя чувствуете после дороги?» и проч., Далай-лама начал благодарить Русское географическое общество, его главных представителей, а также и лиц других учреждений, способствовавших осуществлению моей поездки в Ургу. «Я уже имею удовольствие знать Русское географическое общество, – говорил Далай-лама, – оно вторично выражает мне знак своего внимания и благорасположения; вы же лично для меня интересны как человек, много путешествовавший по моей стране!»

В заключение Далай-лама сказал, что он, со своей стороны, будет просить меня, при моем отъезде в Петербург не отказать принять нечто для Географического общества. В промежутках между речью Далай-лама часто смотрел мне прямо в глаза, и каждый раз, когда наши взгляды встречались, он слегка, соблюдая достоинство, улыбался.

Вся его свита стояла в почтительной позе и говорила, кроме лиц переводивших, шепотом. Кончун-сойбон, выслушивая речь от Далай-ламы или переводя ему ответную, стоял перед правителем Тибета с опущенной вниз головою, наклоненным туловищем и самый разговор произносил вполголоса, словораздельно.

Группа тибетцев-лхасцев из свиты Далай-ламы. Фотография из материалов Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова

В виде угощения передо мною стояли чай и сласти. Далай-лама также спросил себе чаю, и ему была налита чашка и подана на золотом оригинальном блюде, закрытая золотой массивной крышкой.

В течение всего времени, пока шли обычные разговоры, лицо Далай-ламы хранило величавое спокойствие, но, как только вопрос коснулся англичан, их военной экспедиции в Тибет, оно тотчас переменилось – покрылось грустью, глаза опустились и голос стал нервно обрываться.

При прощании я пожелал правителю Тибета полного успеха его благим стремлениям, на что Далай-лама приятно улыбнулся и вручил мне второй хадак с бронзово-золоченым изображением «Будды на алмазном престоле», заметив, что «мы будем часто видеться».

Обратно я направился тем же путем.

Этот день был для меня счастливейшим из всех дней, проведенных когда-либо в Азии.

В течение двух летних месяцев, прожитых мною в Урге, мне удалось познакомиться со всем двором Далай-ламы. Правитель Тибета любезно позволил моему сотруднику, Н. Я. Кожевникову, срисовать с себя несколько портретов, мне же лично сфотографировать как его флигель, так равно и лиц, сопутствовавших ему в поездке до Урги.

Сам Далай-лама не разрешил снять с себя фотографический портрет.

Как то и замечено выше, настоящий Далай-лама – есть тринадцатый перерожденец бодисатвы Авалокитешвары. В то время он являл собою молодого тридцатилетнего красивого тибетца с темными глазами, с лицом, слегка попорченным оспой и носившим следы великой озабоченности, подавленности. Его душевное спокойствие было сильно нарушено политикой англичан; в нем замечались нервность, раздражительность.

Спал Далай-лама немного: вставал с утренней зарей, ложился в полночь, а то и позже. Весь день у него был наполнен занятиями светскими и религиозными. Его помещение заключалось в небольшом красивом монастырском флигеле, разделенном на два этажа. В верхнем этаже у Далай-ламы был рабочий кабинет и спальня, в нижнем – приемная.

Весь штат при нем исчислялся в пятьдесят человек тибетцев, наполовину принадлежавших к чиновничьему духовному званию. Днем почти безотлучно при нем состояли два министра и столько же секретарей; ночью – дядька сойбон-хамбо, и два – три молодых тибетца в качестве приближенных слуг-охранителей. Двор свой Далай-лама держал в большой строгости.

Будучи отличным проповедником, мыслителем, говорят, даже глубоким философом в области буддийской философии, глава буддийской церкви в то же время по отношению к светским делам, – незаменимый дипломат, заботящийся о благе народа.

Ему не достает лишь европейской утонченности.

Со времени вступления на престол верховный правитель Тибета уже успел ознаменовать свою деятельность следующими отрядными явлениями: отменой смертной казни, обузданием чиновничьего произвола, устранением злоупотреблений китайских властей, обиравших тибетцев, поднятием народного просвещения и проч.

Надо полагать, что только одни выдающиеся умственные способности помогли Далай-ламе избежать вышеупомянутой превратности судьбы.

Бывая у Далай-ламы почти ежедневно и проводя в его обществе по несколько часов кряду, я вынес много-много интересного и поучительного.

Теперь надо было собираться в Петербург.

Откланиваясь Далай-ламе, последний вручил мне для передачи Географическому обществу маленький дар, состоящий из собрания очень интересных предметов буддийского культа; причем правитель Тибета извинялся за скромный и неполный подарок, так как Далай-лама, находясь на чужбине, не может выполнить своего желания в надлежащей мере, но непременно приведет его в исполнение по возвращении в Лхасу, свободный вход в которую с этого времени он обеспечивает для русских, желающих проникнуть в Тибет с научными или коммерческими целями.

Меня же лично, трогательно напутствуя, Далай-лама одарил двумя чудными изображениями: Буддой на алмазном престоле и Майтреи, причем заметил, чтобы я с ними никогда не расставался, в особенности с Майтреи, как с богом-покровителем путешествующих.

Проведя лето в Урге, Далай-лама осенью переехал в Ван-курень, отстоящий в пяти переходах к северо-западу от столицы Монголии и служащий в то же время ставкой местного хошунного князя Хандо-вана.

Здесь Далай-лама вел себя очень просто, по-походному. «Даже можно было заметить, – говорит Б. Б. Барадин²⁶, – что он испытывал большое нравственное удовольствие в этой свободной, простой, походной обстановке, на время вырвавшись из замуравленной придворной атмосферы своего таинственного Лхаского дворца – Поталы».

В обыкновенные дни Далай-лама одевал желтый ламский халхасский костюм; в торжественных же случаях – темно-коричневый монашеский, тибетского покроя.

И здесь Далай-лама вставал обыкновенно очень рано, часов в пять, а заткм до девяностидесяти часов проводил время в утренних молитвах, после чего пил чай и кушал небольшой завтрак. После завтрака он принимал доклады своих приближенных. В полдень обедал. Нужно заметить, что тибетский стол вообще гораздо сложнее и разнообразнее, нежели стол кочевых монголов, довольствующихся исключительно мясной пищей и молочными продуктами.

Послеобеденное время Далай-лама проводил у себя дома или иногда выходил пешком на коро, т. е. молитвенный обход монастыря, как простой паломник. Это, конечно, служило ему в то же время и прогулкой. По большей части Далай-лама ходил в сопровождении двух-трех человек прислуги или же в обществе своих ближайших лиц, причем он шел один, а его приближенные – на некотором расстоянии впереди и сзади.

Далай-лама иногда посещал здешнего ученого старца Дандар-Аграмбу для религиозных бесед как обыкновенный гость. Раза два-три он заглянул и в юрту Хандо-вана, однажды даже не предупредив об этом хозяина, в сопровождении двух лиц. Это обстоятельство произвело страшный переполох в застигнутой врасплох княжеской семье. Далай-лама успокоил всех, посидел несколько минут, милостиво поговорил с членами княжеской семьи, употребляя при этом немного известных ему монгольских слов.

Обычно же Далай-ламу можно только изредка видеть при торжественном благословении народа, когда соблюдается строгий этикет.

Вечером после молитвы буддийский первосвященник проводил время в чтении, и отходил ко сну около двенадцати часов ночи, что возвещалось, как и в Урге, протяжными монотонными звуками духовного концерта.

Прошло довольно много времени, прежде нежели Далай-лама оставил Монголию и переехал в Собственный Китай, в монастырь У-тай, отстоящий в трехстах верстах на юго-запад от Пекина. Из этого монастыря Далай-лама несколько раз выезжал в столицу Китая по делам первостепенной важности своей страны. Тибетский первосвященник старался установить и действительно установил наилучшие отношения с китайским императором Гуаньсю, который старался помочь ему упрочить свое положение не только в провинциях Уй и Цзан, но и вообще в Тибете.

Пребывание Далай-ламы в Пекине особенно тяготило его, потому, главным образом, что он должен был вести замкнутую жизнь, во многом стеснять себя; с другой же стороны, его бесконечно утомляли всякого рода посетители, в особенности представители дипломатических миссий в Пекине, старавшиеся во что бы то ни стало представиться Тибетскому владыке. Правда, такого рода общение расширяло горизонт Далай-ламы и приучало его, что называется, владеть собою при официальных приемах у себя европейцев. Пытливый, любознательный, он обо многом говорил, ко всему прислушивался и быстро усваивал главное.

Наконец осенью 1908 года все тибетские дела были окончены. Китай и Россия сделали все, чтобы обеспечить Далай-ламе не только свободный проезд на всем огромном про-

---

²⁶ Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.).

тяжении до Лхасы, но и спокойное пребывание в столице Тибета. Правитель последнего с легкостью в сердце оставил Пекин и со своим большим эскортом направился к юго-западу на перерез Собственного Китая, в Амдо, в один из главнейших монастырей этой страны – Гумбум.

Здесь предполагался значительный отдых до наступления теплой весны, чтобы в лучшее время года осилить наитруднейшую часть пути по тибетскому нагорью.

Как раз в этот период пребывания Далай-ламы в Гумбуме я с экспедицией Географического общества возвращался из глубины амдоского нагорья, и в то время, когда мой громоздкий караван направился из Лаврана²⁷ в Лань-чжоу-фу, я с переводчиком Полютовым налегке свернул к северо-западу от того же Лаврана и через несколько дней форсированного марша прибыл также в Гумбум (в двадцатых числах февраля).

Монастырь Кумбум, или Гумбум был основан около пятисот лет тому назад. Основание ему положил богдо-гэгэн, который затем совершил паломничество в Тибет, в Лхасу, где и остался на постоянное пребывание, основанный же им монастырь поступил в ведение гэгжэна-Ачжи, считающего себя в наше время в пятом перерождении. В двенадцати гумбумских храмах, говорят, находятся шестьдесят три гэгэна-перерожденца, ведающих монастырской братией в две слишком тысячи человек. Наиглавнейших храмов четыре, которые были спасены от дунганского²⁸ разгрома монастырскими силами – молодыми фанатичными ламами, отлично сражавшимися с оружием в руках с дерзким неприятелем.

Древние солидные храмы снаружи роскошно блестят золочеными кровлями и ганчжирами, внутри же они богато обставлены историческими бурханами лучшего монгольского, тибетского и даже индийского изготовления.

Особенно пышен и чтим храм «Золотой субурган» (субурган – надгробие), перед которым молящиеся простираются ниц и движением своих рук и ног, со временем, в дощатом полу паперти сделали большие углубления, в которые свободно помещаются передние части ступни с пальцами, и скользят руки при земных растяжных поклонах.

Предание гласит, что на месте «Золотого субургана» в 1357 году родился великий Цзонхава, и что здесь была пролита кровь от его пупка. Спустя три года на этом самом месте стало расти сандаловое дерево – «цан-дан», на листьях которого были видны изображения божеств. Ныне это дерево, именуемое «сэрдон-чэнмо», т. е. большое золотое дерево, находится внутри субургана, занимая его пустоту.

В хорошем виде поддерживается и большой соборный храм, вмещающий до пяти тысяч молящихся. При вступлении на его паперть меня поразило вид семи основательных плетей, развешанных по стене, причем наиболее внушительная из них была украшена голубым хадаком. Эти плети, как передавали мне местные обитатели и старейшие из лам Гумбума, только и поддерживают должный уставный порядок монастыря среди монашествующей молодежи.

Красив и богат также храм, стоящий рядом с восьмью белыми субурганом, по преданию построенный на месте спрятанного в землю послета ребенка, а впоследствии знаменитого реформатора буддизма Цзонхавы.

В Гумбуме Далай-лама остановился в особняке богатого тибетца, на западной окраине монастыря, на скате «западных высот», откуда открывался вид почти на весь Гумбум и на отдаленные цепи гор, замыкавшие горизонт с юга. Как и все солидные тибетские дома этот дом был обнесен высокой глинобитной стеной, с парадным входом, охраняемым тибетскими парными часовыми.

---

²⁷ Монастырь Лавран расположен в глубине амдоского нагорья – это «младший брат» Гумбума, однако, перешеголявший его обширностью, богатством и великолепием. (Примеч. П. К. Козлова)

²⁸ Дунгане – китайские мусульмане, неоднократно восставали с оружием в руках против китайского образа правления и на пути разрушения сметали с лица земли всех и вся. (Примеч. П. К. Козлова)

Придя в Гумбум 22 февраля²⁹, я расположился в доме отсутствовавшего знатного гэгэна Ачжя и поспешил дать знать о себе Далай-ламской канцелярии, которая не замедлила поставить меня в известность, что на следующий день мне уже назначена аудиенция у его святейшества.

Как и прежде в Урге, так и теперь здесь, первое мое свидание с Далай-ламой носило официальный характер. Прежде всего сопроводить меня в Далай-ламский лавран – духовный покой – явился нарядный тибетец-чиновник со свитой в три человека, в сообществе с которыми я и Полютов направились пешком, медленно поднимаясь в гору. Через четверть часа мы уже были у цели: миновали парных часовых, отдавших мне честь, и вошли во двор, застланный каменными плитами. Едва мы сделали несколько шагов по направлению высокого лаврана, как по ступеням его широкой лестницы навстречу нам спустился молодой человек по имени Намган, коротко остриженный, в красных одеждах, и, изящно поклонившись, предложил нам подняться на верх дома.

Здесь, очевидно, нас ожидали, так как на столиках стояло угощение в виде хлебцев, печений, сахара и других китайских сладостей. Едва мы сели каждый за свой столик по чинам, как нам подали чаю, откушав которого, мы проследовали еще через ряд комнат, прежде нежели вошли в приемную к самому Далай-ламе. И здесь приемная правителя Тибета напоминала буддийскую молельню, в которой на почетном месте, словно на престоле, восседал тибетский первосвященник в нарядном одеянии. Подойдя к Далай-ламе и почтительно поклонившись, мы обменялись хадаками. Затем Далай-лама улыбнулся и подал мне руку чисто по-европейски.

---

²⁹ От Лаврана до Гумбума по моему маршруту вышло 250 верст расстояния, пройденного в восемь дней-переходов. (Примеч. П. К. Козлова)

*Свита Далай-ламы. Фотография
из материалов Монголо-Сычуаньской экспедиции П.
К. Козлова*

После взаимных приветствий и осведомлении о дороге мы перешли к беседе о моем путешествии. Правитель Тибета очень интересовался нашим плаванием в прошлом году по озеру Куку-нору, но еще больше, кажется, развалинами Хара-Хото и всем тем, что нами было там найдено.

«Теперь мы уже с вами встречаемся второй раз», – заметил Далай-лама, – наше первое свидание было в Урге около четырех лет тому назад. Когда же и где мы встретимся вновь?. Я надеюсь, что вы приедете ко мне в Лхасу, где для вас, путешественника-исследователя, найдется много интересного и поучительного. Приезжайте, я вас прошу, надеюсь, не будете жалеть потраченного времени на такое большое путешествие. Вы объездили много стран, много видели и много написали. Но самое главное еще впереди – я буду ждать вас в Лхасу. А потом вы сделаете не одну, а несколько экскурсий по радиусам от столицы Тибета, где имеются дикие девственные уголки как в отношении природы, так равно и населения. Мне самому, – продолжает Далай-лама, – будет весьма приятно и интересно видеть вас после таких поездок и ознакомиться с вашими съемками, сборами коллекций, фотографическими видами и типами и лично выслушать ваш доклад о путешествии. У меня имеется большое желание перевести на тибетский язык труды по Тибету европейских путешественников. Ваше живое слово мои секретари должны будут занести в первую очередь и тем самым положить начало историко-географическим трудам по центральному Тибету».

В заключение Далай-лама сказал: «Не торопитесь с отъездом, ибо вам никто не будет указывать в этом отношении и ни от кого другого, как только от вас самих, будет зависеть,

выехать раньше или позже на несколько дней. Мы будем видеться ежедневно, мне необходимо о многом поговорить с вами».

Во время наших разговоров мы пили чай, наливаемый из общего большого серебряного чайника. Во всем чувствовалась приятная непринужденность, объяснить которую можно было обоюдным искренним желанием свидеться.

После первого часового с лишком свидания я ушел от Далай-ламы с самым восторженным впечатлением. По дороге домой меня неотвязно преследовала мысль: какая перемена произошла в тибетском первосвященнике за те три – четыре года, что мы не виделись? Как и прежде, то же умное, сосредоточенное лицо, но временам та же очаровательная улыбка, те же планомерность и последовательность в разговоре, но вместе с тем что-то было новое, необъяснимое. Вот это-то новое, необъяснимое и продолжало меня интриговать до тех пор, пока я не нашел к нему объяснения. Период времени, который мы не виделись, Далай-лама жил исключительно походной жизнью и все время общался с новыми для него людьми, оставившими в нем, как во впечатлительном человеке, те или другие особенности, в совокупности наложившие на него этот своеобразный отпечаток.

На следующий день я прибыл к Далай-ламе с утра; теперь исчезла всякая официальность: я видел тибетского первосвященника в самой простой, симпатичной обстановке. Мне было разрешено обойти все Далай-ламские помещения, видеть его рабочий кабинет, говорить с его министрами, приближенными. Среди последних, к моему большому огорчению, не было видно моего хорошего приятеля, Копчун-сойбона, как оказывается, заболевшего и отставшего по дороге из Пекина в Гумбум. Придворный врач эмчи-хамбо, видимо, был очень рад нашей встрече; он несколько раз говорил мне, что начиная с Пекина и до самого Гумбума везде по дороге он старался навести обо мне справки и теперь от души доволен встрече со старым знакомым. Глядя друг другу в глаза, мы пожимали один другому руку!

Теперь среди обстановки Далай-ламы то и дело попадались европейские предметы. В одной из комнат висело на стенах до семи всевозможных лучших биноклей, в другой – отмечено почти столько же фотографических аппаратов, состоявших в ведении секретаря Далай-ламы, знакомого нам Намгана.

Далай-лама очень интересовался фотографией вообще и просил меня обучить Намгана разным фотографическим приемам: снимкам, проявлению и печатанию, равно уметь обращаться со всякими большими и малыми, простыми и сложными аппаратами.

Несколько дней мы усердно занимались фотографией как практически, так и теоретически. Намган старался заносить в свою памятную книжку все мои наставления. Нашей общей работы снимки представлялись самому Далай-ламе, от которого мы получали похвалу и поощрение. Помню хорошо, как однажды мы были сконфужены и в то же время умилены любезностью и внимательностью Далай-ламы, подобравшего на террасе трубочки наших давным-давно высохших отпечатков и переданных его святейством нам при встрече. Действительно, мы увлеклись всякого рода занятиями в проявительной комнате и пробыли там гораздо дольше, нежели предполагали, а поэтому разложенные для просушки оттиски, уже высохли, свернулись в трубочки и движимые ветром, вероятно, укатились бы далеко за террасу, если бы прогуливавшийся Далай-лама не подобрал их.

После занятий фотографией я обыкновенно беседовал с приближенными Далай-ламы или бывал приглашаем к нему самому, где запросто, просиживал подолгу. Как-то раз Далай-лама спросил меня, часто ли я получаю письма из России, когда получил известие в последний раз и какие в Европе новости? Случайно по приезде в Гумбум я на другой же день имел удовольствие, благодаря заботам сининских властей, получить ряд писем и газет, в которых самую большою новостью отмечалось Мессинское землетрясение, где между прочим итальянцы воздавали честь и славу русским морякам, с самозабвением спасавшим несчастных

жителей и их имущество. Живое описание подобного стихийного бедствия поразило тибетского владыку.

Беседа на эту тему, Далай-лама пригласил меня в свою библиотеку и подал мне большой немецкий географический атлас с просьбой указать на нем место катастрофы в Италии. Перелистывая затем, атлас, я во многих местах его видел пометки, сделанные чернилами или, точнее, тушью на тибетском языке. Оказывается, это перевод географических названий. Такой же заметкой снабжено было и место землетрясения в Италии.

Иногда я и мой спутник Намган гуляли в окрестностях Гумбума, поднимаясь на высшие точки и делая всякого рода дополнительные снимки, а затем, по возвращении в лавран, опять возились с проявлением и печатанием. Однажды, просматривая оттиски фотографий, разложенные на террасе, я невольно взглянул вниз на портик храма и увидел, как Далай-лама благословлял молящихся. Благословение это заключалось в том, что тибетский первосвященник маленьким молитвенным флажком касался головы тибетцев или монголов, подходивших поочередно. Кстати сказать, молящихся по случаю пребывания Далай-ламы в Гумбуме было великое множество.

Обычно принято, если Далай-лама гуляет у себя по кровле или на террасе, то все служащие, равно все проходящие мимо, не должны останавливаться и глазеть, а стараться как можно скорее, незаметным образом скрыться.

Из дома-лаврана Далай-ламы, парящего над всем монастырем, открывался дивный вид на отдаленные южные цепи гор, откуда, по направлению к наблюдателю сбегают лучшие альпийские пастбища для многочисленных здешних стад баранов или другого скота.

Как и банчэнь-ринбочэ, Далай-ламе нравятся красивые лошади. В его походном хозяйстве в Гумбуме было до семи пар изящных корейских лошадок, прекрасно подобранных по статьям и мастям. Среди Далай-ламских лошадей вообще я наблюдал и другого рода лошадь – крупную, округлую, с невероятно длинными хвостом и гривой – лошадь, которая, как говорят, не несет никакой работы и считается как нечто священное.

Далай-лама очень любит природу и для него большое удовольствие, скажу больше – потребность, обозреть самые высокие горные хребты и вершины, по которым скользят ярким светом первый и последний приветственные лучи дневного светила. Он – стоящий выше всех миллионов его последователей – стремится углубиться в сокровенные тайны мироздания, чтобы легче постичь смысл земного существования человека.

И здесь Далай-лама вел скромную и уединенную жизнь: вставал рано, ложился поздно, в полночь, когда придворный духовный оркестр слегка будил монастырскую жуткую тишину, внося в нее сказочную, ласкавшую душу гармонию. Я всегда старался дожидаться этой приятной минуты на кровле дома и с умиленным сердцем радовался, как ребенок, первым звукам тибетской симфонии, уносившим меня далеко-далеко от действительности.

Таким образом в ежедневных общениях с Далай-ламой с этим фокусом сил тибетского народа, время пребывания в Гумбуме пролетело быстро и незаметно.

При расставании Далай-лама произнес следующее: «Спасибо вам за ваш приезд ко мне – вы дали мне возможность послушать вас и получить много ответов на мои пытливые вопросы. Передайте России чувства моего восхищения и признательности к этой великой и богатой стране. Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением».

Последнее прощание было самое трогательное; сам собою этикет отошел в сторону. Я понял душу Далай-ламы и поверил в искренность его милого приглашения в Лхасу!

*Часовые у входа в лавран Далай-ламы в Гумбуме.
Фотография из материалов Монголо-Сычуаньской
экспедиции П. К. Козлова*

Монголия и Тибет провозгласили независимость

Граница между собою территориально, Тибет и Монголия с давних пор находились в постоянных сношениях. От Тибета к кочевникам монголам перешла вся своеобразная культура, какая у них имеется. Тибетцы составили для монголов их письменность, тибетцы сообщили им в настоящее время исповедуемую обоими народами религию – северный буддизм, или ламаизм. Вся политическая и духовная жизнь монголов основана на ламаизме, как и вся почти их обыденная жизнь выработана именно под непосредственным влиянием ламаизма. Лишь в области внешней культуры монголы брали крупицу, падающую от стола Китая. В то же время и Тибет, и Монголия тяготились опекой Китая и всеми силами старались от нее освободиться. Наконец желанный час настал.

В 1912 году Монголия и Тибет выдворили китайцев и провозгласили свою независимость. Монголии удалось сбросить иго китайцев очень легко, что же касается Тибета, то последний, прежде чем освободиться от жестоких управителей, выдержал настоящую войну. Освобожденные народы протянули друг другу руку, заключили союз и стали взывать к покровительству сильных и более справедливых соседей: Монголия – к покровительству и защите России, Тибет – Англии.

Россия по отношению к Монголии все усилия направляла к тому, чтобы заручиться обязательством китайского правительства уважать самобытный строй этой страны. Русское правительство указало китайцам три условия, которые, по его мнению, явились бы гарантиями неприкосновенности этого строя, а именно: отказ китайского правительства от введения в этой стране китайской администрации, расквартирования там китайских войск и от колонизации китайцами ее земель.

Китайское правительство не пожелало, однако, войти в обсуждение сделанных ему русским правительством предложений, а образовавшееся в Урге правительство не изъявляло намерения примириться с последовавшею в Китае заменою императорской власти республиканским образом правления.

Возник таким образом вопрос о том, какими правами русская торговля и русские подданные пользуются в Монголии, где власть Китая фактически заменена властью ургинского правительства.

*Ханда Дорчжи — представитель
монгольского посольства. Фотография
из архива П. К. Козлова*

Ввиду вышеизложенного, в сентябре 1912 года, в Ургу был командирован И. Я. Коростовец, бывший посланник в Пекине, с поручением выяснить те условия, которыми должны определяться отношения России к фактически автономному монгольскому правительству и торговые права русских подданных на той территории, на которую распространяется власть названного правительства. Результатом переговоров И. Я. Коростовца с монгольским правительством было подписание им в Урге, 21 октября 1912 года соглашения с монгольскими

уполномоченными, в силу которого русское правительство обещает монголам свою поддержку для сохранения провозглашенной ими автономии, выражающейся в праве не допускать на свою территорию китайскую администрацию, содержать свое национальное войско, не допуская ввода китайских войск, и не допускать колонизации монгольских земель китайцами. Со своей стороны монгольское правительство обязывается не заключать договоров, нарушающих эти начала, и предоставить русским подданным в Монголии пользоваться прежними правами.

На первых порах Халха, или Внутренняя Монголия избрала своим верховным вождем Чжэ-бцзуи-дамба-хутухту на правах владетельного хана с приданием ему в помощь из халхаских князей пяти министров: внутренних дел, финансов, военного, юстиции и министра иностранных дел. Вслед за подписанием в Урге союзного договора монгольское правительство командировало в Петроград министра иностранных дел, светлейшего князя Ландо Дорджи, для выражения Русскому правительству дружественных чувств Монголии. В Петрограде многие статьи договора были подвергнуты всестороннему обсуждению и более твердо закреплены.

Таким образом, Монголия спокойно могла приступить к намеченным реформам и организации фактических средств к основательной защите страны.

Что же происходило в означенное время в Тибете – этой, до сих пор изолированной от европейцев, стране?.

На основании англо-русского соглашения 1907 года Англия обеспечила себе возможность экономического внедрения в Тибет, но ее отношение к стране отнюдь не имело характера политического протектората. Со своей стороны Россия согласилась сохранять неприкосновенность Тибета и свято соблюдала это обязательство. События осложнились агрессивной политикой Китая, влияние которого оказалось значительно сильнее, чем это предполагали. Как известно, пекинское правительство отправило в Лхасу войско, и Далай-лама вынужден был оставить свою столицу.

Два китайских отряда – восточный, численностью в одну тычу солдат, и западный – в две тысячи – долгое время громили Тибет. Многие монастыри, в особенности в восточном Тибете – Каме, были сожжены, богатства разграблены, население перебито, женщины изнасилованы; наибольшие зверства учинены по отношению к ламам, защитникам храмов. Лхаса и ее знаменитые монастыри, в особенности монастырь Сэра, также не пощажены. Золотые кровли храмов прострелены, святыни поруганы, дворец тибетских царей разобран по камням, из которых китайские солдаты построили казармы. Шелковые образа служили украшением седел, округленные бурханы – снарядами для пушек, художественные переплеты книг – подошвами для обуви. Не перечить варварств дикарей-китайцев. Последние, вероятно, действовали так еще и потому, что, повторяю, в Тибете не было ни одного европейца, голос которого мог быть всегда услышан Европой.

Но китайская революция опять изменила положение вещей.

Тибетцы воспрянули духом. На призыв Далай-ламы, словно по мановению волшебного жезла, восстал весь Тибет. Несмотря на отсутствие скорострельного оружия и мало-мальски организованного войска (в настоящее время и то и другое отчасти имеется), одною силою духа китайцы были сломлены. Самое воинственное, лихое племя в Тибете – Лоло или Йоми, в деле освобождения центрального Тибета от китайских войск покрыло себя воинственною славою. По выдворении китайцев народ обратился с мольбою к Далай-ламе принять общее управление страню в его священные руки. Далай-лама не колеблясь согласился и по торжественном въезде в Лхасу, твердо вступил в роль верховного правителя Тибета.

Внешними знаками Далай-ламского достоинства, помимо золотой печати, служат желтые носилки, желтый зонтик и опахало из перьев хвоста павлина. Эти знаки употребляются

при парадных шествиях, а при второстепенных – допускается и езда верхом, только с желтым зонтом, символизирующим солнечный круг.

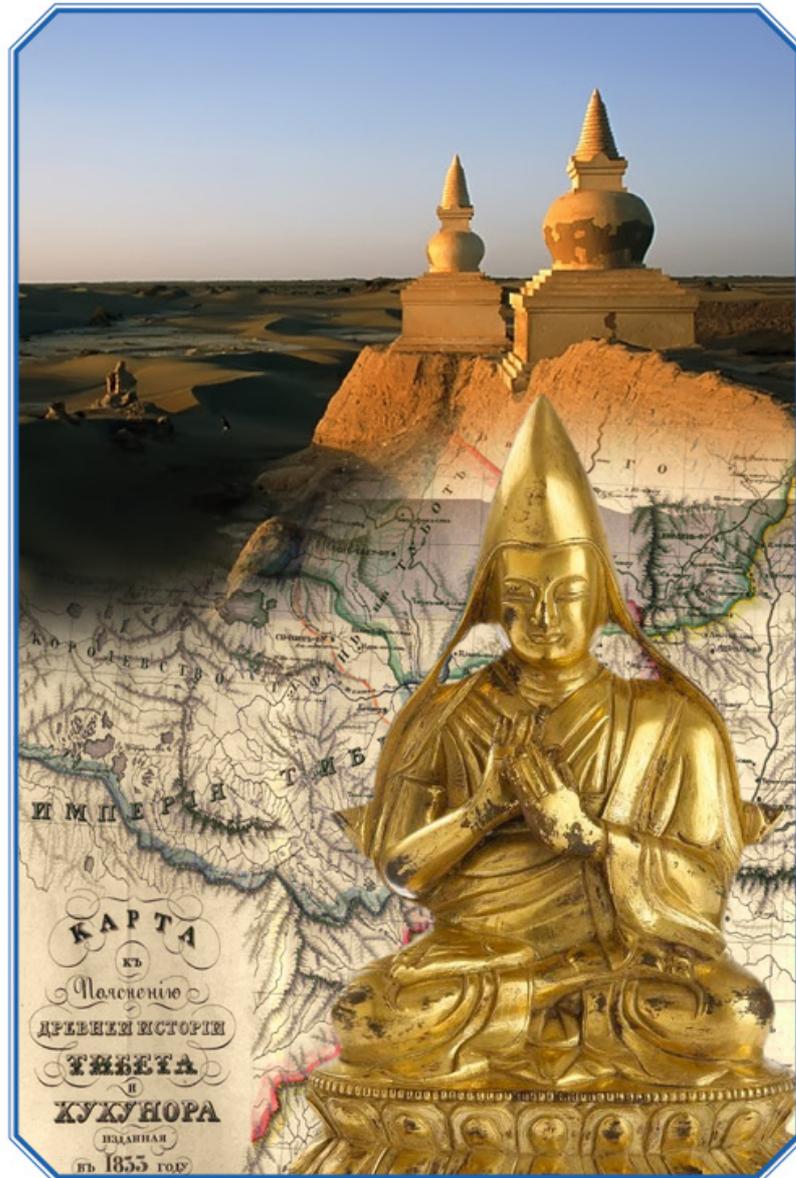
Заключение

Из предыдущего явствует, что Россия, близко соприкасаясь с Монголией, систематически изучала эту страну и сблизилась с ней не только на почве торговых, но и политических интересов, послуживших России поводом в нужный момент поддержать Монголию в достижении ею прав на самостоятельное существование. Давая России возможность вывозить сырье и скот, Монголия в обмен получала от России предметы повседневного употребления, как то: посуду – медную, жестяную, эмалированную, затем железо, чугун, юфть, мануфактуру, ножи, ножницы и другие товары. И чем более Россия давала и будет продолжать давать Монголии таких товаров, тем русский рубль занимал и должен будет занимать в Монголии господствующее положение.

Что касается Тибета, то последний из подражания Монголии в трудные минуты обращал свой взор только к России: командировал посольства, посылал учащуюся молодежь для занятия в специальных технических школах, словом выказывал России симпатии. Русское географическое общество через своих членов-путешественников хорошо осведомлено о Тибете, чувствует его симпатию и верит в искренность приглашения его сотрудников в столицу Тибета Лхасу для научной работы, для исследования природы и человека в Тибете.

Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото

МОНГОЛИЯ И АМДО И МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО

Посвящается светлой памяти Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского

Вступление

*...Твоя весна еще впереди,
а для меня уже близится осень.
(Пржевальский)
Душуномада³⁰ даль зовет.*

Путешественнику оседлая жизнь, что вольной птице клетка. Лишь только пройдут первые порывы радости по возвращении на родину, как опять обстановка цивилизованной жизни со всей своей обыденностью становится тяжелой. Таинственный голос дали будит душу, властно зовет ее снова к себе. Воображение рисует картины прошлого, живо проносящиеся непрерывною чередой. Сколько раз я был действительно счастлив, стоя лицом к лицу с дикой грандиозной природой Азии; сколько раз поднимался на крайнюю абсолютную и относительную высоту; сколько раз душою и сердцем чувствовал обаяние красот величественных горных хребтов. Не перечать счастливых минут, не запомнить прелестных уголков, где приходилось жить среди диких скал и лесов, среди шума и гула ручьев и водопадов, производящих в горах волшебную гармонию; и не в силах удержаться, чтобы еще раз не посмотреть на этот храм природы, полный живых чарующих звуков, полный лазоревого блеска днем и бесконечного разнообразия звездных миров ночью. Со времен глубокой древности торжественное величие природы подчиняло себе внимание человека.

Этого маленького признания достаточно, чтобы понять мою радость, мое восхищение по поводу новой Монголо-Сычуаньской³¹ экспедиции, вверенной мне Русским географическим обществом осенью 1907 г.

Основные средства на эту экспедицию – тридцать тысяч рублей – были отпущены из сумм государственного казначейства. Кроме того, почти все участники экспедиции в большей или меньшей степени были удовлетворены содержанием за время командировки по месту службы.

Задача двухлетней Монголо-Сычуаньской экспедиции состояла, во-первых, в попутном исследовании Средней и Южной Монголии, во-вторых, в дополнительном изучении Куку-норской области, с озером Куку-нор включительно, и, в-третьих, в достижении северо-западной Сычуани и сбора естественно-исторических коллекций этой интересной страны.

В состав экспедиции вошли, кроме меня – руководителя, в качестве моих ближайших сотрудников: геолог Московского университета Александр Александрович Чернов, топограф Петр Яковлевич Напалков и собиратель растений и насекомых Сергей Сильверстович Четыркин.

---

³⁰ Представитель кочующего народа; кочевник.

³¹ Несмотря на то что экспедиция называлась Монголо-Сычуаньской, в Сычуань (центральную китайскую провинцию) она не попала, поскольку Совет Географического общества рекомендовал П. К. Козлову сосредоточить все силы и внимание на раскопках и исследовании Хара-Хото, и экспедиция из Амдо, от монастыря Лавран, повернула обратно к мертвому городу.

П. К. Козлов.
Фотография. 1907 г.

Во главе конвоя численностью в десять человек, по-прежнему стоял мой неизменный спутник – гренадер Гавриил Иванов. Из прежних же спутников-забайкальцев в роли охотников и препараторов были: заслуженные казаки-урядники – Пантелей Телешов, Арья Мадаев; в роли же новичков-спутников: из гренадер – Влас Демиденко, Мартын Давыденков (впоследствии наблюдатель на метеорологической станции в Алаша) и Матвей Санакоев; из забайкальских казаков – Ефим Полютот (переводчик китайского языка), Буянта Мадаев, Гамбожап Бадмажапов (сопровождавший меня в поездке к Далай-ламе в Ургу в 1905 г.) и Бабасан Содбоев. Персонал экспедиции, следовательно, состоял из четырнадцати человек.

Китайские паспорта на трех членов экспедиции были получены от Пекинского правительства через посредство Российской дипломатической миссии при богдохане.

Много пришлось хлопотать со всякого рода снаряжением и в Петербурге, и в Москве, и на границе, кладя в основу уроки незабвенного учителя Н. М. Пржевальского и внося свои личные дополнения. В общем, и на этот раз мы были снаряжены во всех отношениях почти так же обстоятельно, как и в предыдущую тибетскую экспедицию. Выражение «почти» исключает экстраординарные подарки, которыми мы теперь не располагали, но которые служили украшением внешней стороны моего предыдущего путешествия в Тибет.

В тайнике души я лелеял заветные мысли найти в пустыне Монголии развалины города, на Куку-норе – обитаемый остров, в Сычуани – богатейшую флору и фауну. Роскошная природа Сычуани, ее бамбуковые заросли, оригинальные медведи, обезьяны, а главное – чудные лофофоры (*Lophophorus lhuysi*), о которых до последних дней восторженно мечтал Н. М. Пржевальский, – манили к себе не переставая.

Восемнадцатого октября³² я распрощался с Петербургом. На Николаевском вокзале³³ собрался кружок друзей и знакомых. Лица, тесно связанные с Географическим обществом или Академией наук вселяли, с одной стороны, бодрость, энергию, с другой же – напоминали громадную ответственность, которую я принимал на себя.

В Москве в течение трехнедельного пребывания удалось не только покончить с вопросами дополнительного снаряжения, но даже немного и отдохнуть. Досадовал я на запоздалое выступление, происшедшее, впрочем, не по моей вине, но делать было нечего. Энергия и беззаветная преданность делу все побеждали. К тому же мои юные спутники только и говорили о путешествии, горя нетерпением скорее начать его.

Десятого ноября экспедиция в половинном наличном составе оставила Москву. Путешественники удобно расположились в классном вагоне, снаряжение – рядом, в багажном. На перроне собрался многочисленный кружок провожающих. Почтенные профессора перемешались с молодежью, мужской персонал с дамским. Всех объединила далекая Азия и мысль сказать отъезжавшим «до свидания». Тяжелы были минуты расставания. Локомотив запыхтел, колеса загрохотали. Все кончено здесь, а там... там – два года новой жизни, полной тревог, лишений, а также и заманчивой новизны.

Быстро прокатили мы по России, несколько медленнее Сибирью. Самым живописным местом на пути по отечеству по-прежнему оставался Урал, приковывавший путешественников к окнам в течение целого дня. Глаз не в силах оторваться от живых картин природы, меняющихся, словно в калейдоскопе. Роскошный служебный вагон, предоставленный в распоряжение экспедиции от Самары до Златоуста, еще более способствовал силе прекрасного впечатления. Большие окна вагона иногда открывали нам целые уральские панорамы, в особенности в южной части горизонта, нередко блестящего отраженными полосками румяной зари.

После Урала моих спутников больше всего занимали огромные железнодорожные мосты, издали казавшиеся гигантским кружевом, переброшенным через широкие многоводные реки Сибири. Проходя по таким мостам, поезд замедляет ход, колеса характерно отсчитывают рельсы; внизу стремительно несутся холодные волны. За мостом опять мелькают прежние виды с кустами, лугами и перелесками.

Вот, наконец, и Иркутск, и его прозрачная холодная красавица Ангара, слегка прикрытая туманом. Морозы крепчали, в воздухе летали «белые мухи», сибиряки кутались в меховые одеяния. Здесь мы были встречены топографом П. Я. Напалковым и казаками Бадмажповым и Содбоевым.

---

³² Все даты даны П. К. Козловым по старому стилю.

³³ Ныне Московский вокзал в Санкт-Петербурге.

Иркутск – исторический центр Сибири. В Иркутске экспедиции предстояло прожить несколько дней, которые мелькнули незаметно. Высшие представители края и города Иркутска и члены Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества самым предупредительным образом содействовали скорому и успешному проведению в жизнь всех очередных вопросов экспедиции, с которыми я обратился к своим старым и новым знакомым.

Верхнеудинск был последней станцией железной дороги, с которой мы расставались на все время нашего странствования. К югу отсюда уже повеяло степным простором – показались номады: буряты, монголы, пестро одетые ламы. Местный буддийский епископ – хамбо-лама Иролтуев – приветствовал меня хадаком – платом счастья и теплой речью, которая заканчивалась дорогим для меня напутствованием: «Вы, прирожденный путешественник, вновь вступаете в страну с населением, которое исповедует кроткий буддизм, буддийскую религию, насчитывающую в своих рядах сотни миллионов последователей. Буддийская страна любит вас, как, вероятно, и вы ее любите, и на этот раз она непременно подарит вам что-нибудь замечательное! Это мое глубокое убеждение!».

Лихая тройка, а местами и четверка, быстро катила меня и моего спутника Чернова сначала по Селенге и ее правому притоку Чикою, а затем наперерез более или менее мощной гористой местности, широко расстилавшейся к югу. В этом направлении резко выражался крупный масштаб, по которому построена вообще природа Азии. Горные цепи, россыпи, одинокие скалы привлекали внимание Чернова и служили темой нашего разговора. На вершинах перевалов мы останавливались, чтобы подольше полюбоваться широкой горной панорамой.

Тяжелый транспорт экспедиции следовал на проходных под конвоем гренадер и казаков, к которым присматривался ветеран Иванов и поучал их уму-разуму.

П. К. Козлов

Монголия. открытие Хара-Хото 1908 г.

Глава первая. По северной Монголии

Исходный пункт путешествия. – Кяхта. – Облава на коз. – Зимний праздник и выступление нашего каравана. – Порядок следования. – Мороз крепчает. – Новый 1908 год. – Хребет Манхадай. – Долина Хары и следы китайской колонизации. – Дальнейший путь. – Впечатление на перевале Тологойту, гора Богдо-ола. – Урга³⁴. – Богдо-гэгэн. Российское консульство. Маститый консул Я. П. Шишмарев. – Отправление транспорта в Алаша³⁵. – Монгольский праздник Цаган-сар³⁶

Второго декабря я прибыл наконец на границу Китая, в знакомый городок Кяхту, где нашел хороший приют в доме общественного собрания. В этом самом доме неоднократно проживал и мой учитель Пржевальский до и после своих путешествий. Все прежнее быстро воскресало в памяти.

Гостеприимные кяхтинцы, в особенности Молчановы, Собенниковы, Лушниковы, Швецовы, окружили нас дружеским вниманием. Все наперебой старались оказать экспедиции свои услуги. Время бежало быстро. Дни проходили в работе по снаряжению каравана, вечера – у знакомых или на заседании местного отделения Географического общества, праздники – на охотах-облавах за дикими козами. По части охот кяхтинцы сильно избалованы: монгольские уголья и обилие зверей придают этой забаве иногда сказочный характер.

Чудный декабрьский день. Ранним морозным утром несколько троек в тарантасах катят по мягкой пыльной дороге. На востоке золотится заря, на юге темно-синее небо сливается с серыми облаками, прикрывающими вершины отдаленных холмов. Кое-где по скатам гор белеет снег. Плотнее закутываешься в меховое одеяние, мысли даешь широкий простор. Много раз забудешься грезами, прежде нежели достигнешь охотничьего табора и услышишь голоса монголов-загонщиков. Заждавшийся егерь Калашников уже успел развести «веселый» костер. Проходит несколько минут, охотники усаживаются на оседланных лошадей и в полчаса времени занимают стрелковую позицию. Мертвая тишина в лесу сразу нарушается: трубит рог, кричат загонщики; там и сям перелетают потревоженные птицы, в кустах мелькают испуганные зайцы. Бац... бац... справа загремели выстрелы; немного дальше еще и еще, затем все смолкло, первый загон окончился. В результате – две козы и лисица.

Теперь загонщики остались на использованной стрелками позиции, а стрелки помчались в карьер на новую. Таким образом до завтрака было устроено четыре загона; за это время мне не пришлось сделать ни одного выстрела, хотя однажды козы и мелькнули в отдаленных кустах, дав возможность лишь полюбоваться их грациозными прыжками.

«День выдался на славу», – справедливо заметил кто-то из охотников. Действительно, перевалив за полдень, солнце ощутимо пригревало; отдохавшие стрелки не встали с мест до призывного голоса Калашникова, но как только призыв раздался, охотники взгромоздились на лошадей и поскакали на линию. Теперь характер местности был несколько иной:

---

³⁴ Урга – город, основанный в 1639 г. как буддистский монастырь, называемый #рг## (монг. «Дворец», «Ставка», отсюда произошло русское название Урга, использовавшееся до 1924 года). В 1924 году переименован в Улан-Батор.

³⁵ Алаша – область Внутренней Монголии, расположенная к западу от излучины Хуанхэ. Населена монголами-олютами.

³⁶ Цаган-сар – монг. букв. белый месяц – самый торжественный праздник монголоязычных народов, начало весны и Новый год по монгольскому лунно-солнечному календарю; приходится на первую половину февраля.

вместо сплошного елового леса тянулись жидкие поросли берез. Кое-где точками мелькали тетерева-косачи, легко снимавшиеся при нашем к ним приближении.

Опять стоим на номерах. Подле меня пронеслось несколько стаяк мелких птичек: синиц, чечеток. Далеко протрубил рог, цепь всадников-монголов оживилась, побежали козы. По сторонам уже палят. В волнении переступаешь с ноги на ногу, крепче сжимаешь ружье. На встречном горизонте то и дело показываются звери³⁷. Вот несется маленькая группа коз прямо на меня. Большой гуран или козел высоко отделяется от земли. Еще минута-другая, и звери уже приблизились: раздались один за другим выстрелы, и – о, радость! – два козла упали на расстоянии пятнадцати шагов друг от друга. Такие счастливые минуты долго памятливы охотнику. Несколько позже стихла пальба. Снова стали обнаруживаться процессии синичек, и снова громко застучал по стволу березы дятел; из соседних кустов то и дело выскакивали беляки и несмелыми прыжками прорывались через цепь охотников.

Еще несколько загонов, и зимний день погасает. На землю ложатся сумерки. Мы быстро катим в сибирских тарантасах, любуясь звездным небом Монголии, а мысли еще быстрее сменяют одна другую. Обвеваемый грезами далекой родины, невольно предвкушаешь скорую счастливую странническую жизнь.

Помимо диких коз, для коллекции удалось застрелить еще несколько птичек. Уже с первых дней прибытия на границу препараторы экскурсировали в окрестностях Кяхты, собирая наиболее интересные образцы местной фауны.

Вначале я предполагал закончить снаряжение экспедиции к двадцатым числам декабря, чтобы таким образом до праздника Рождества Христова выступить в путь. Оказалось, что этого нельзя было сделать по нескольким мотивам, главным из которых был отказ переводчика китайского языка от участия в экспедиции; пришлось искать другого. Вообще говоря, только при полном содействии кяхтинцев – представителей города – нам удалось начать наше путешествие еще в 1907 году: мы выступили 28 декабря.

К этому времени экспедиция сделала все, но, как и водится в праздничный период, члены ее непроизводительно потратили несколько дней. Наши друзья Молчановы не преминули пригласить нас на елку, с которой мы получили приятные и полезные в дороге подарки. Кроме того, хлебосольные кяхтинцы снабдили нас вкусною снедью, что очень важно, в особенности в начале азиатского путешествия, когда сразу приходится расставаться со всеми удобствами цивилизованной жизни и переходить на тяжелые условия жизниномада.

День выступления в путешествие мне особенно памятен. Утро холодное, ветренное; небо покрыто слоистыми облаками. Мы все на ногах еще задолго до рассвета: все прибирается, все укладывается. После утреннего чаепития это «все» выносится наружу, в просторный двор. Выючный багаж расположен в три линии, поэшелонно. Вскоре приводятся верблюды, начинается выючка. Толпа зевак кольцом обступила двор, любители-фотографы с разных сторон направляют свои камеры. Голоса людей и крик верблюдов смешивались в неприятное целое, нисколько не похожее на обычную картину путешествия, когда все делается быстро, заученно, красиво, когда не услышишь ни оранья верблюда, ни лишнего слова отряда.

«Готово!» – озабоченно заявил фельдфебель. «Счастливый путь!» – ответил я моему неизменному спутнику, вожаку каравана, и через несколько минут, вытянувшись вдоль улицы, караван ходко зашагал вперед. Одетые по-дорожному, члены экспедиции свернули к В. Н. Молчанову, позавтракали в кругу его симпатичной семьи; поблагодарили за внимание и быстро понеслись за караваном, который извивался длинной вереницей по китайской земле. Приятно было смотреть, в каком строгом, красивом порядке шли верблюды русской

---

³⁷ Под словом «зверь» сибирские охотники часто подразумевают парнокопытных – лосей, оленей, коз и т. п. (Примеч. П. К. Козлова)

экспедиции, и еще приятнее сознавать, что это был первый день путешествия. Не верилось, что оно уже началось. Мое сердце переполнилось великою радостью. Чувствовал ли дух моего великого учителя, что в такую торжественную минуту я призывал его благословение?

Мороз крепчал, спустились на землю сумерки, по небу разлилась чудная заря. Оставив за собою китайский торговый городок Майма-чен и вступив в Монголию, экспедиция приютилась при урочище Гилян-нор³⁸. Удивительная тишина стояла кругом. В тишине и в необычайной красоте яркого звездного неба Монголии глубже познаешь величие беспредельной вселенной. Еще час-другой – и бивак экспедиции уже спал крепким сном, доверяясь бдительности часового.

Передвижение экспедиции по Северной Монголии
на «уртонных» с монголами-всадниками.
Фотография из архива П. К. Козлова

На другой день погода изменилась – подул холодный пронизывающий ветер, в долину спустились облака, посыпавшие ее снегом. Мы скоро поднялись с ночлега и продолжали двигаться в прежнем южном направлении. Наш гость, студент И. А. Молчанов³⁹, имевший страстное желание путешествовать с нами, со слезами на глазах сказал нам: «До свидания!». Напрасно славный юноша оглядывался назад – резвый иноходец быстро уносил его туда, куда мы мысленно посылали наш прощальный привет. До самого вечера бушевал ветер, обдавая нас и в пути, и на месте хлопьями снега. Последующие дни несли также мало утешения, но мы продолжали двигаться с большим и большим успехом, оставляя станцию за станцией или, как здесь говорят, уртон за уртоном.

³⁸ Нор, или нур – озеро (монг.).

³⁹ И. А. Молчанов, став горным инженером, в дальнейшем занимался исследованиями в Северной Монголии.

Надо заметить, что в Монголии или в Застенном Китае вообще передвижение так называемым почтовым способом происходит несколько иначе, нежели у нас в России. Монгольские станции, по крайней мере станции по кяхтинско-ургинскому тракту, устроены таким образом: вдоль дороги в известных пунктах, по большей части в жилых урочищах, располагаются пять-шесть юрт с монголами-ямщиками, не знающими иного занятия, кроме ямщины. Ямщина – повинность, в данном случае отправляемая четырьмя хошунами: Тушетуханским, Сайннойонским, Цицинванским и Балдынцзасакским. Над ургинским трактом, состоящим из одиннадцати станций и протянувшимся на 335 верст расстояния, ведет наблюдение чиновник с красным шариком на шляпе. Каждая станция, в свою очередь, имеет смотрителя – цзан-гина – и его помощника.

Монгольская почтовая станция снабжена несколькими десятками, а то и сотней лошадей при восьми или десяти ямщиках. По мере надобности и люди и лошади заменяются или пополняются вышеуказанными хошунами; впрочем, такое правило касается только лошадей. Должности смотрителя и ямщиков станций обыкновенно переходят по наследству. Мне указывали на ряд тех и других станционных служащих, переходящих из поколения в поколение.

Эти монголы других повинностей не несут.

По особому соглашению с нашими представителями Кяхты и Урги монгольская почта охотно перевозит не только все свои или китайские грузы, но и русские. В первую очередь следуют казенная и частная корреспонденция, посылки и проч.; во вторую – проезжающие по казенному или частному предписанию. Легкая и тяжелая корреспонденция или, как здесь говорят, «почта» передвигается на вьюках при помощи верблюдов; передвижение же людей происходит верхом на лошадях за исключением больших чиновников или купцов, которые нередко следуют в экипаже.

Европейский экипаж монголы-ямщики везут своеобразным способом, а именно: два или четыре всадника подхватывают доннур⁴⁰ и по команде «вперед!» быстро мчат экипажи от одной станции до другой. В зависимости от чина и положения проезжающего назначается большой или меньший эскорт, большая или меньшая кавалькада. В то время, когда одни ямщики тащат тарантас, другие скачут с ними рядом, часто сменяя друг друга на ходу. Дикое зрелище представляет собою передвижение важного сановника, когда вы еще издали видите большой столб пыли и массу людей, быстро несущихся на вас. Ни канавы, ни камни, ни другие встречающиеся на пути препятствия – ничего не смущает номадов-ямщиков, ничто не замедляет движения, и они весь перегон катят в карьер. В таком случае принято щедро платить «на чай», примерно три, пять и более наших серебряных рублей на каждой станции.

Благодаря кяхтинскому пограничному комиссару, покойному П. Е. Генке, своевременно снесшемуся с китайско-монгольским управлением, персонал экспедиции хорошо проследовал на монгольских почтовых лошадях верхом и в большинстве случаев шагом, в сопровождении багажа экспедиции, везомого на верблюдах, специально нанятых экспедицией у монголов-подрядчиков.

В качестве ямщиков или подводчиков – монголы незаменимые слуги: добросовестные, трудолюбивые, выносливые. Еще более они хороши при исполнении обязанностей гонцов или курьеров, когда выпадает случай на ретивых лошадях проскакать большое расстояние.

---

⁴⁰ Доннур – перекладина, поперечно прикрепленная к оглоблям экипажа, обыкновенно подхватывается у обоих краев одним или двумя всадниками с каждой стороны и удерживается у седла и живота ямщика. При смене лошадей доннур слегка поднимают, а затем новый всадник, заступая место старого, опять опускает и укрепляет эту перекладину. При подъеме на гору, кроме того, помогают тащить экипаж еще двое других всадников-монголов, тянущих за веревку, укрепленную посередине доннура. Поднявшись на гору, передовые ямщики быстро отъезжают в сторону, ловко бросая на бегу освободившийся конец веревки на доннур. Чуть замедленное движение вновь доводится до прежней скорости. (Примеч. П. К. Козлова)

Монгол – прекрасный наездник, к тому же он имеет острое зрение, привычен к седлу и климатическим невзгодам, словом он истый номад. Свою монотонную далекую дорогу монгол разнообразит молитвой, песней, табаком и чаем. Молится он у перевалов, поет по долинам, а курит и отдыхает за чашкой чая, в любой попутной юрте.

Наш караван, следовавший поэшелонно, занимал порядочное расстояние. Я ехал впереди, капитан Напалков сзади; геолог экспедиции согласовал свое движение с производством специальных наблюдений, как равно и препараторы, порою отстававшие от каравана или отъезжавшие в сторону, охотясь за зверями или птицами.

Вставали мы до зари. С зарею снимались биваком и шли до следующего ночлега, часто в продолжение целого дня. Позавтракав ранним утром, обедали поздним вечером, а затем укладывались спать. Благодаря обилию дров на пути, походная железная печь согревала нашу юрту и давала возможность хорошо отдохнуть. Морозы продолжали усиливаться, снега становилось больше; всюду, кругом, была настоящая зимняя картина. Почти от самой Кяхты до Ибицыка снег шел не переставая, мешая наблюдать за горными складками; и только в последние два дня старого года небо очистилось и во время восхода и заката солнца наряжалось в румяный пурпур. На заре нового года воздух был особенно прозрачен и охладился до $-47,3^{\circ}\text{C}$. Такого мороза я еще, кажется, никогда и нигде не наблюдал. К счастью, было абсолютно тихо.

Горные выюрки (*Leucosticte giglioli*) и серые куропатки (*Perdix daurica*) ютились у монгольских жилищ, держась многочисленными стаями по темной, разрыхленной скотом, земной поверхности. Наиболее доверчивыми к человеку были куропатки, которые, словно домашние птицы, подбегали к людям, хватая на лету выбрасываемые ими зерна. Днем на солнце куропатки резвились, валялись в пыли, хлопая крыльями. Порою их скрипучие звуки одни только и нарушали царившее безмолвие. Впрочем, среди этих птиц иногда происходила большая тревога, когда неожиданно налетал их грозный враг – сокол (*Gennaia milvipes milvipes* [*Falco cherrug*]). Этот гордый хищник появляется с быстротою стрелы и, схватив одну из куропаток, так же быстро исчезал, таща ее в когтях до ближайшего пригорка, где он с жадностью уничтожал свою добычу. Из других птиц чаще попадались на глаза: в лесу – тетерева-косачи, группами усаживающиеся на березах; сойки, а вдоль опушек, по оврагам – очень нарядные, розовые сибирские снегири (*Uragus sibiricus*).

День нового 1908 года экспедиция провела частью в пути, частью на месте, в урочище Шара-хада⁴¹ – «Желтая скала» (сложенная из осадочных пород, заключающих любопытные палеозойские окаменелости). Здесь я поздравил лейб-гренадеров – всех трех – с производством в унтер-офицеры, пожелав им новых успехов в дальнейшем путешествии. Для моих новичков-спутников казалось странным, что начатый год придется целиком провести в глубине Центральной Азии, и что в течение не только этого года, но и всего вообще времени путешествия не суждено ни посылать, ни получать писем в той мере, в какой каждый из них привык это делать, будучи дома. Под домом мы теперь подразумевали отечество, которое с каждым переходом становилось от нас все дальше и дальше.

Испортившаяся было вначале погода вскоре вновь исправилась. Прозрачный воздух открывал широкие снеговые дали, блестящие огненно-золотистой окраской, наиболее эффектной на вершинах гор или холмов. Морозная тишина клала на все свой характерный отпечаток. Наш караван был наряжен в серебристый иней и, дрожа от стужи, успешно совершал дневные переходы.

За Шара-хада к югу путь преграждался довольно высоким хребтом Манхадай, казавшимся особенно внушительным по причине глубокого снега, на белом фоне которого резко выделялась зона древесной растительности. Благодаря обилию того же снега, обычную

⁴¹ Хад – скала, пик, утес, скалистая, сильно разрушенная возвышенность (монг.).

дорогу через Манхадай нам пришлось оставить в стороне, заменив ее зимней, более кружной, но зато несколько пониженной и наименее каменистой, проходящей через перевал Сэпсул-дабан, поднятый над морем на 4 500 футов [1360 м]. Подъем на этот хребет очень крутой, но он не представляет больших затруднений, так как дорога хорошо разделана, к тому же она постоянно оживлена проходящими караванами, утаптывающими путь.

Как и на всех перевалах Центральной Азии вообще, так и здесь устроено «обо», священное сооружение, сложенное преимущественно из камней, характеризующих ближайшие горные породы, и сухих древесных ветвей с нанизанными на них бараньими лопатками и лоскутками материи, исписанными «мани»⁴². На перевале нас застало яркое солнечное утро, но несмотря на это, воздух был крайне холодный и пронизывал до костей; с соседних берез то и дело слетали вниз косачи и зарывались в рыхлом снеге. Вблизи пробежала группа робких козюль, за которыми зимою охота малоуспешна. Мы поэтому предпочитали стрелять птиц и пополнили орнитологическую коллекцию следующими интересными экземплярами: ястребиным сирином, уральской неясью и другими.

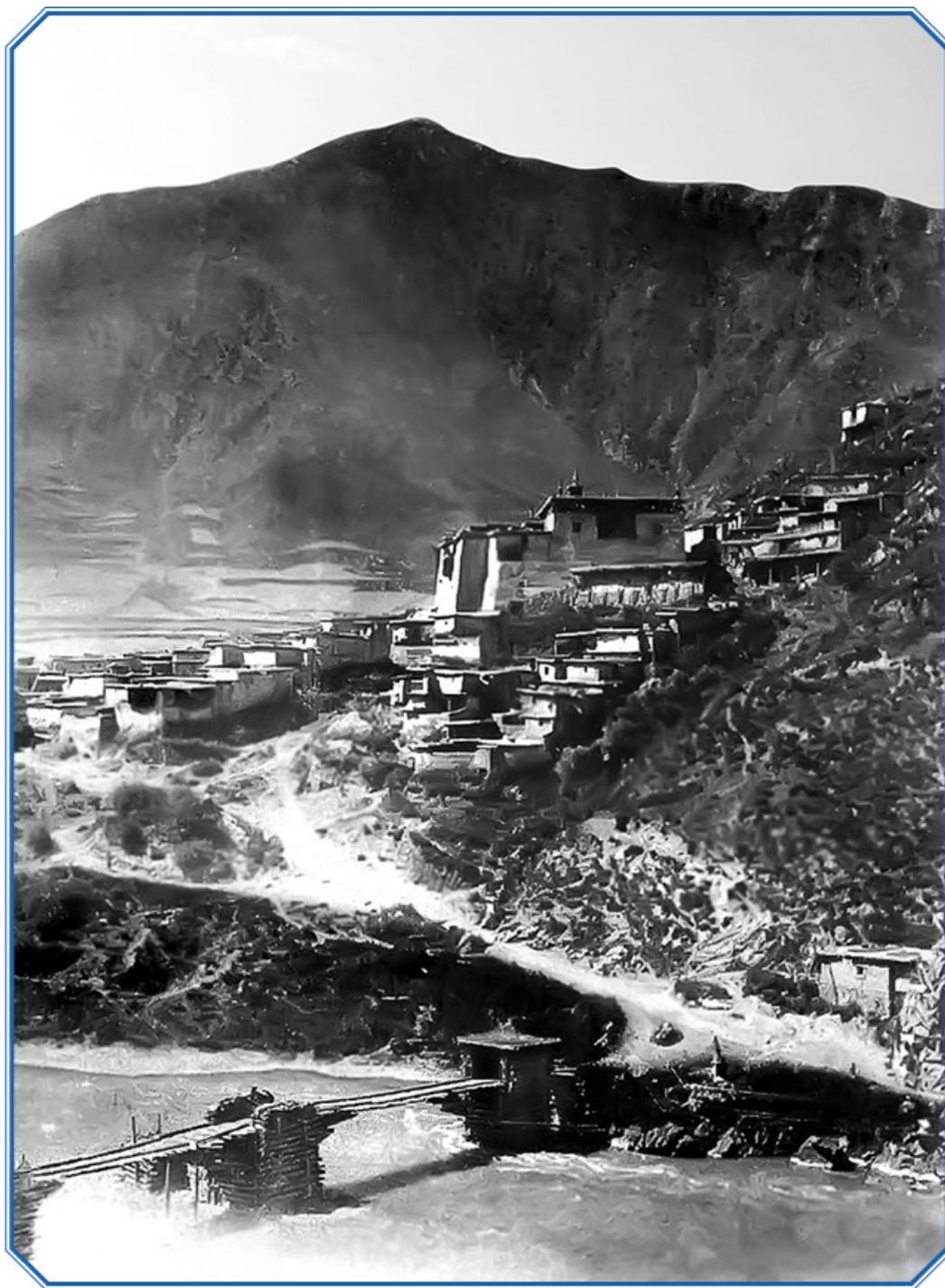
Южное подножье хребта Манхадай окаймлено долиною речки Хара, вдоль которой там и сям виднеются китайские фермы, – попытка Китая колонизировать Монголию. В целях слияния с местною народностью китайское правительство раз навсегда запретило китайцам вывозить своих жен за пределы собственно Китая; со своей стороны, будучи слишком склонными к семейной жизни, они обзаводятся семьей всюду, куда бы только их ни забросила судьба. Таким образом Северную Монголию китайцы планомерно заселяют, сливаясь с халхасцами точно так же, как они уже отчасти слились с юго-восточными монголами, в большинстве случаев утратившими свой первоначальный облик.

Среди китайских глиняных фанз выделялся один бревенчатый русский домик Калмыкова, куда, продрогшие от стужи, мы заехали погреться. В этом доме оказались одни женщины, которые тотчас позаботились накормить нас горячим завтраком и напоить чаем. Они были очень удивлены, что мы зимою решились начать путешествие. На мой вопрос: «А где же ваши хозяева?» – женщины ответили: «В Кяхте, уехали за продовольствием и кое-какими товарами, да вот вернутся нескоро, они у нас не такие, как вы, не поедут в такой клящий (очень сильный) мороз».

Кое-где на дальнейшем пути мы отметили еще несколько однотипных русских домов, стоявших по большей части с заколоченными окнами. Впоследствии выяснилось, что эти постройки были плодом неудачной затеи Бадмаева, откуда за ними и сохранилось название – бадмаевские.

---

⁴² Под словом «мани» монголы подразумевают известную мистическую формулу «Ом-ма-ни-падмэ-хум», что значит: «О сокровище на лотосе!». Хум – священное восклицание; лотос (*Nelumbium*) – прекрасное растение, которое, согласно индийской мифологии, служит треном творцу мира, а также считается и символом земли. (Примеч. П. К. Козлова)

*Монастырь Кгардин-гомба в Восточном Тибете. Фотография
из материалов Монголо-Сычуаньской экспедиции П.
К. Козлова*

В той же долине Хара нас навел монгольский чиновник – заведующий кяхтинско-ургинским трактом, чтобы осведомиться о нашем здоровье и благополучии.

За долиной Хара местность продолжала нести горный характер. Монгольские уртоны – станции – располагались высоко, в области скал и хвойного леса; дорога описывала гигантскую волну, в особенности на сокращенных тропинках, доступных лишь для легкой езды

всадников. Караваны же двигались более удлиненным путем, следующим по извилинам, у подножья отрогов. Особенно высоко была расположена ночевка при урочище Хунцыл, открывавшем широкий горизонт к западу. Мои сотрудники экскурсировали еще выше и с восторгом отзывались о той панораме, которая представлялась на открытой им полуокружности. «Очень хорошо было, – говорил А. А. Чернов, – наблюдать такое огромное скопление гор, развертывавшихся во всех направлениях, но уступающих в высоте тому массиву, на котором я находился. Яркая вечерняя заря еще более усиливала впечатление».

В Хунцыле, между прочим, мы встретили одного из учеников ургинской школы переводчиков – Кандакова, сообщившего мне, что местное консульство с нетерпением ожидает экспедицию и обеспокоено ее участью из-за небывалых морозов, стоящих день в день и задержавших всех путников в дороге.

Пятого января около двух-трех часов дня, следуя в пути, мне удалось наблюдать halo вокруг солнца, напомнившее мне аналогичное явление в Центральной Гоби, отмеченное восемнадцатого декабря 1899 г.

До Урги оставалось еще четыре перехода, и мы твердо решили выполнить их в ближайшие четыре дня. Мороз не ослабевал, наоборот, казалось, еще более усиливался. Особенно памятным в этом отношении для экспедиции был день седьмого января, когда каждый из нас ознобил какую-либо часть лица, несмотря на широкие меховые шапки. При $-26 \dots -28^\circ$ и встречном ветре холод был жесток и мучителен. Я уверен, что мы его никогда не забудем, как одинаково не забудем и значения слов «клящий» мороз и «садкий» ветер. Неделю тому назад мы сравнительно легко перенесли в пути мороз $-47,3^\circ$, но тогда было тихо, абсолютно тихо, и та минимальная температура не оставила в нас никаких тяжелых воспоминаний.

Вообще говоря, днем на солнце, в особенности в период его кульминации, температура воздуха значительно повышается, становится очень приятно, невольно клонит в сон. На ближайших вершинах снеговой покров блестит и искрится, в воздухе несется веселый крик горных клушиц, там и сям в голубой выси гордо пролетают орлы-беркуты, привлекающие внимание сарычей.

По мере приближения к Урге, в отряде возрастало желание скорее попасть в этот священный город буддистов. Поэтому, с последнего ночлега Куй-аюши, пользуясь светом луны, экспедиция снялась очень рано, до зари.

Я всегда следовал впереди и несколько быстрее каравана, который тем больше отставал, чем труднее была дорога. На этот раз предстояло чуть ни с места подниматься на перевал Тологойту, имеющий около 5500 футов [свыше 1600 м] над морем, и естественно, что, когда я был на вершине, караван еще только вползал на подошву хребта. Меня неудержимо тянуло молитвенное обо, открывавшее вид на священную девственную гору Урги, жемчужину Монголии – Богдо-ула! Увидев ее, я невольно пришел в восхищение и подумал: «Который уже раз я вижу тебя и люблюсь тобой, бесконечно долго смотрю на твою таинственную строгую красоту, на твой горделивый девственный наряд».

Ты все прежняя – задумчивая, молчаливая, прикрываешься сизой дымкой и двумя-тремя нежными тонкоперистыми облачками, стройно проносящимися над твоей могучей головой. Ламы ургинских монастырей свято охраняют твой чудный покров, свято чтут завет мудрейшего китайского императора Канси и не менее мудрого, второго из ургинских хутухт – Ундур-гэгэна⁴³. Самой неограниченной свободой пользуются твои лесные обитатели –

---

⁴³ Ундур-гэгэн при покровительстве китайского императора Канси, современника Петра Великого, издал указ о святости и неприкосновенности Богдо-ула, ее лесной и животной жизни. Многочисленные ущелья (их насчитывается около восьмидесяти), ведущие в глубину гор, были заперты для охотников и истребителей леса, как они заперты монгольскими караулами и теперь. Богдо-ула доступна только созерцателям. И монголы, и русские свободно могут проникать в ее чистые девственные недра для того, чтобы любоваться красотой высокоствольных лесов, угрюмых скал, шумных водопадов и пестрых полей с ковром благоухающих цветов, над которыми в летний солнечный день порхает множество бабочек. В

звери и птицы. С каким умилением и назидательностью посмотрели бы на тебя все те европейцы, которым так дороги и милы памятники чистой природы».

Измерив вновь барометрически высоту перевала, мы начали спускаться. Ветер опять пронизывал нас своей несносной стужей. Теперь уж начали попадаться навстречу конные монголы или длинные вереницы монгольских скрипучих телег, везомых меланхоличными быками. Подле дороги чаще и чаще группировались юрты и толпилось немало нарядных лам и чиновников, в карьер скакавших в ту или другую сторону. Мы тоже продвигались быстрее прежнего, и в наблюдениях всякого рода время бежало незаметно. Вот показалась и долина Толы, и змееобразная дорога, огибающая с северо-запада подножье Богдо-ула, дорога, по которой предстоит экспедиции отправиться в пустыню. Стали попадаться второстепенные обо, жалкие жилища нищих, а вот и собаки-людоеды, у самой дороги пожирающие труп, выброшенный по указанию буддийских монахов.

Вправо, к западу, тянулись постройки монастыря Гаядан, где еще так недавно пребывал тибетский Далай-лама. Влево, к северо-востоку, расположен другой большой ургинский монастырь, основанный в честь бога Майтреи – покровителя скотоводов. Все минувшее оживилось в памяти с поразительной ясностью.

Тем временем траншееобразная дорога привела нас к окраине города и базара. Из монгольских жилищ поднимался густой дым, который на известной высоте превращался в серое облако, стлавшееся вдоль течения Толы. Еще несколько минут – и мы среди городского шума и гама, среди широкой улицы, заполненной пестрой толпой монголов, китайцев, русских, лам и простолюдинов, мужчин и женщин, взрослых и малых. Крик верблюдов, ржание коней, грызня собак – все это смешивалось с разными голосами людей и ужасно поражало пришельца, только что оставившего тихую мототонную дорогу.

За базаром мы были радушно встречены казаками консульского конвоя, проводившими экспедицию в самое нарядное здание Урги – здание русского консульства. Слева виднелись казармы китайского гарнизона, китайский ямунь – управление; справа – новейшие постройки небольших храмов и домов приближенных ургинского хутухты. Но меня больше всего по-прежнему занимала все та же нарядная гора Богдо-ула, открывшаяся всей своей северной стороной, засыпанной глубоким снегом. Как раз на Богдо-ула смотрит и фасад консульства, в окна которого бьет яркий свет монгольского солнца.

Сверх ожидания в консульстве нам не приготовили общей квартиры, отдельного небольшого дома, некогда занимаемого командиром отряда, на который мы рассчитывали, а решили отряд наш разделить на группы и приютить среди консульского персонала, чем доставили бы и гостям и хозяевам различного рода неудобства. Пришлось отстаивать домелунксенский⁴⁴ домик, а отстояв, тотчас согреть его непрерывной усиленной топкой. На первых порах температура в нашем помещении была немногим выше наружной –17°С, но к вечеру она уже поднялась до –6,5°С, а к 12 часам ночи – ко времени нашего сна – до 0°С. Мы себя чувствовали хорошо: устраивались, прибирались; огонь в печах весело пылал, дрова трещали. Незаметным образом в окна были вставлены вторые рамы, и к утру мы уже имели признаки тепла, доведенного в течение нескольких дней, при прежней интенсивной топке до 8–9°С, что нам казалось вполне достаточным и даже нормальным перед выступлением в дальнейший путь.

глубине Богдо-ула таится монастырь, основанный в честь Маньчжуши – бога мудрости. (Примеч. П. К. Козлова)

⁴⁴ Николай Федорович Домелунксен (1868—?) – офицер Генерального штаба, командир отряда в предыдущей экспедиции П. К. Козлова.

Триумфальные ворота Желтого дворца в Урге.
Фотография начала XX в. из коллекции Альберта Кана

В начале XX в. французский банкир и филантроп Альберт Кан задумал и приступил к осуществлению масштабного проекта — созданию фотографического слепка эпохи. В 1909 году он истратил огромную сумму на организацию экспедиций фотографов более чем в 50 стран мира.

В то время уже был известен автохром — процесс, запатентованный еще братьями Люмьер и остававшийся единственным массовым способом получения цветной фотографии вплоть до 1935 года. До начала Великой депрессии Кану удалось собрать около 72 тысяч автохромных снимков и снять 183 тысячи метров черно-белой киноплёнки. В 1931 г. из-за банкротства Кана проект был прерван.

Идеалист и интеллектуал Альберт Кан умер в бедности в 1940 г. во время нацистской оккупации Франции.

Домелунксенский домик имел четыре комнаты, из которых я и мои сотрудники заняли две, а остальные две были предоставлены отряду. С первого дня я открыл барометры, уста-

новил прочие инструменты и стал приводить в порядок дневник и журнальные записи. Товарищи также сидели за письменными работами или экскурсировали в окрестностях. Препараторы приготовили несколько десятков шкурок птиц, грызунов, добытых частью по дороге и привезенных в замороженном виде, частью на месте, в Урге, частью – вблизи, по долине Толы.

Урга – священная столица Монголии – сосредоточивает в себе административный, культурный и духовно-религиозный центр жизни монголов. Всякий монгол, как бы далеко от Урги ни лежало его кочевье, стремится хотя бы один раз в жизни побывать в великой Дакурэ, как часто называют Ургу номады, чтобы поклониться ее храмам и безгрешному перерожденцу – хутухте.

В настоящее время несколько расшатанное здоровье богдо-гэгэна не позволяет ему так часто, как прежде, выходить к своему народу, и аудиенции его иногда ограничиваются только краткими свиданиями с монгольскими князьями и другими знатными, богатыми посетителями.

Современный богдо-гэгэн является восьмым перерожденцем Чжэ-эцзун-дамба хутухты. Чжэ-бцзун-дамба почитается буддистами воплощением знаменитого проповедника буддизма в Индии и Тибете – Таранаты (1573–1635). Имя богдо-гэгэна вообще, как всякого важного лица в частности, по обычаю буддистов, не может быть известно при его жизни и обнародуется только после его смерти.

Избрание нового перерожденца Чжэ-бцзун-дамба хутухты, по словам тибетцев, производится каждый раз следующим образом. По сообщении в Тибет о смерти хутухты, банчень-ринбочэ – перерожденец будды Амидабы, «будды Беспредельного света», и Далай-лама назначают имена двенадцати мальчиков, рожденных приблизительно в одно время, и приказывают представить их в Лхасу, в Поталаский монастырь. Здесь дети подвергаются обследованию ученых лам, которые по мере исследования постепенно отстраняют обладающих меньшими признаками физического существа будды; так остаются, наконец, три мальчика, которые и признаются собственно перерожденцами⁴⁵.

Оставленные по исследованию лам три кандидата подвергаются окончательному избранию в Потале. Оно совершается в присутствии Далай-ламы, банчень-ринбочэ и дэмо-хутухты⁴⁶. Имена мальчиков пишутся на трех отдельных бумажках и кладутся в золотую урну – сэрум, откуда по совершении богослужения и молитв вынимают одну из этих бумажечек: имя, написанное на ней, и определяет перерожденца, долженствующего быть отправленным в Монголию. Назначение трех кандидатов обуславливается тем, что всякий бодисатва перерождается отдельно тремя частями: духом, словом и телом.

Для препровождения в Монголию избирается перерожденец духа, остальные два мальчика, признаваемые перерожденцами слова и тела, принимают также духовное звание: они живут обыкновенно в Тибете, пользуются почетом и иногда занимают места настоятелей монастырей, основанных Таранатою, а иногда состоят просто в числе братии этих монастырей.

Что касается хутухты, долженствующего ехать в Монголию, то он также принимает от Далай-ламы посвящение в духовное звание и затем, прослушав от него наставление о священном писании, отправляется обыкновенно в один из монастырей, основанных также Таранатою и находящихся в Тибетской провинции Цзан. Здесь он проводит от трех до пяти лет в изучении священных книг и богослужениях, одним словом, живет до тех пор, пока не приедут за ним в Лхасу послы из Монголии.

---

⁴⁵ А. М. Позднеев. Ургинские хутухты. (Примеч. П. К. Козлова)

⁴⁶ Дэмо-хутухта – один из четырех главнейших лам в Лхасе, за малолетством Далай-ламы – регент последнего. (Примеч. П. К. Козлова)

Переезд хутухты из Тибета в Монголию совершается с особым торжеством. Для приглашения его необходимо следуют от шабинского ведомства⁴⁷ и от каждого из четырех монгольских аймаков – округов, на которые делится Северная Монголия, или Халха, не менее как по двести человек и, таким образом, самое меньшее число отправляющихся за хутухтой в Тибет – тысяча человек, а иногда это число бывает и гораздо больше. Поезд хутухты всегда движется очень медленно, задерживаемый разного рода церемониями и встречами. На всем пути от Лхасы до Урги богдо-гэгэна сопровождают тибетские и монгольские войска.

Со вступлением хутухты в пределы Халхи сопровождающая его толпа народа более и более увеличивается, потому что халхасцы, приставшие к процессии, провожают хутухту по большей части до Урги; наконец, и из самой Урги выходят встречать люди на пространство десяти – пятнадцати ночевок.

По прибытии в Ургу богдо-гэгэн первую ночь проводит в своем летнем дворце на берегу Толы, а отсюда на другой день в желтых носилках его переносят в самый город. Для входа сюда хутухты на этот раз всегда отделяются особые триумфальные ворота на юго-западной стороне города; эти ворота увешиваются хадаками, шелковыми материями и украшаются золотом и серебром.

Вступив в Да-курэ, хутухта вносится сначала в барун-орго (войлочная юрта), где его встречает Тушету-хан как старейший из родственников Чжэ-бцзун-дамба-хутухты, а потом богдо-гэгэна переносят в Цокчэн-сумэ. Здесь его встречают высшие светские власти Да-курэ, а в прежнее время тут же совершалась от лица китайского императора передача богдо-гэгэну власти и символов ее, состоящих в золотой печати и грамоте на владение ею, писанной на золотом листе.

Далее жизнь богдо-гэгэна проходит неведомо для обыкновенных смертных, в глубине его дворца. В глазах буддистов все деяния хутухты имеют, конечно, чудесный характер и совершаются единственно для пользы одушевленных существ.

По смерти богдо-гэгэна тело его бальзамируют. Операцию эту производят ламы обыкновенно месяца три или даже больше. Труп они не анатомируют, а, усадив в должную позу, натирают его разного рода благовониями и спиртуозными жидкостями, потом обмазывают составом из соли и других веществ. В этом состоянии труп пребывает обыкновенно месяца два, одним словом, до тех пор, пока совершенно не высохнет. Тогда от него отделяют соляной состав; части тела, свободные от одежд, и прежде всего лицо, покрывают позолотой; поверх позолоты на лице трупа разрисовывают брови, усы и губы, но глаза оставляют закрытыми. В этом виде труп богдо-гэгэна называется «шарил»; его сажают в серебряный субурган и с торжественным богослужением ставят в храме, после чего воздают ему божеские почести.

В настоящее время резиденция хутухты расположена за пределами города, недалеко от правого берега реки Толы, и выходит фасадом на священную гору Богдо-ула. За высокой белой оградой скромного дворца, напоминающего в общих чертах старое здание русского консульства, виднеется несколько кумирен, в которых живут приближенные к Богдо-гэгэну ламы.

Как истый буддист, хутухта покровительствует всем животным вообще, любит лошадей, собак и даже имеет у себя небольшой зоологический сад, в котором содержатся исключительно парнокопытные: олени, маралы, козули и немногие другие.

Урга – монгольская Лхаса – растет и развивается. Торговая русская колония расширяется, увеличивая оборот с каждым годом. Ныне в Урге насчитывается до пятисот русских семейств. Престиж нашей родины поддерживается на должной высоте. Заезжие русские чув-

---

⁴⁷ Шабинское ведомство: у яалхаских или северо-монгольских князей издавна существовал обычай строить храмы и дарить их хутухте с тем, чтобы почитаемый всеми перерожденец жил в них и молился за народное благо. Устроив подобный храм, каждый из князей отделял из числа своих данников несколько семей и также передавал их на вечное владение хутухте. Эти семьи теперь уже составляют отдельное ведомство, называемое Шабинским. (Примеч. П. К. Козлова)

ствуют себя в Северной Монголии так же спокойно, как и на родине. Представитель отечественных интересов, маститый Яков Парфеньевич Шишмарев, продолжал неустанно работать, стремясь к еще большему сближению и объединению русских с монголами.

Небезынтересно привести небольшую заметку о Я. П. Шишмареве – одном из основателей русского консульства в Урге и первом его консуле, прослужившем России почти полвека.

Покойный Я. П. Шишмарев – сибиряк, начал свою службу на родине в то горячее время, когда Восточной Сибирью управлял знаменитый Н. Н. Муравьев-Амурский. Одной из выдающихся заслуг этого великого государственного человека было, между прочим, умение выбирать себе сотрудников, от высших до низших. В числе таких избранных был и молодой человек, незаметный тогда чиновник Шишмарев, выдвинутый за свои способности и прилежание.

Я. П. Шишмарев родился 14 сентября 1833 г. в городе Троицкосавске, Забайкальской области. Первоначальное образование получил в своем родном городе в русско-монгольской школе и шестнадцати лет поступил на службу. До 1855 г. он служил в разных троицкосавских канцеляриях и, вследствие предположения назначить его в число светских членов пекинской духовной миссии, начал изучать маньчжурский и китайский языки у ориенталиста К. Г. Крымского, командированного министерством иностранных дел в Кяхту для заведывания русско-китайской школой и преподавания в ней.

В 1855 г. Я. П. Шишмарев был в первый раз командирован в экспедицию на Амур в звании переводчика монгольского и маньчжурского языков. С этого времени в течение пяти лет он непрерывно разъезжал по Амуру по поручению графа. Вернувшись с Амурского в Иркутск через Аян, в следующем 1856 г. Я. П. Шишмарев вновь отправляется на Амур, чтобы сопровождать третью амурскую экспедицию до города Айгуни, а в 1858 г. состоит лично при Муравьеве-Амурском как во время самой поездки генерал-губернатора на Амур, так равно и при ведении им переговоров с китайцами о границе. По заключении Айгунского договора⁴⁸, в силу которого к России был присоединен Уссурийский край, Я. П. Шишмарев отправляется на Уссури для участия в экспедиции по проведению новой границы.

---

⁴⁸ Айгунский договор – договор между Российской империей и цинским Китаем, заключенный 16 (29) мая 1858 года в городе Айгунь. Установил российско-китайскую границу по реке Амур.

Охотник в окрестностях Урги. Фотография из материалов Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова

Амурская деятельность Я. П. Шишмарева оканчивается дипломатической поездкой в Благовещенск в 1859 г. и новой, еще более дальней командировкой в Пекин в распоряжении чрезвычайного посла графа Н. П. Игнатьева, в особенно напряженный период англо-французской войны с Китаем и заключения пекинского договора⁴⁹. Новый просвещенный начальник Шишмарева так же оценил его, как и его покровитель граф Муравьев-Амурский, и Я. П. вскоре после Пекина был награжден и назначен во вновь открытое в Урге русское консульство.

Почти с самого основания консульства, с 1861 г., с первых шагов его деятельности, Я. П. Шишмарев состоял в Урге консулом в различных оттенках этого звания – управляющим консульством, консулом и генеральным консулом. В течение этого периода он только иногда был отвлекаем от своего поста для исполнения особых поручений. Так, в 1881 г. Я. П. Шишмарев был назначен в Кульджу полномочным комиссаром по передаче Илийского края китайскому правительству, а в следующем году был командирован в Западную Монголию для изучения торговых вопросов и рассмотрения взаимных претензий русских и китайских подданных. Главная заслуга Я. П. Шишмарева перед Россией, правильно замечает Г. Н. Потанин, заключается в его служении интересам русской торговли в Монголии, оберегать которые ему суждено было в течение столь многих лет. Он же долгое время должен был стоять на страже наших торговых сношений на западной границе Маньчжурии.

Все отличия, до чина тайного советника и проч., Я. П. Шишмарев получил в лице представителя русского консульства в Монголии – в Урге. Как на свидетельство его постоян-

⁴⁹ Пекинский договор – двусторонний межгосударственный договор, заключенный 2 (14) ноября 1860 г. между Россией и империей Цинь; окончательно закрепил за Россией земли, предусмотренные Айгунским договором. Кроме того, российской территорией был признан Уссурийский край с южными портами на побережье Тихого океана. Пекинский договор, как и Айгунский, был подписан с российской стороны генерал-губернатором Восточной Сибири И. Н. Муравьевым.

ной популярности в монгольской среде, можно указать на подарок, давно полученный им от ургинского богдо-гэгэна, – чашу из сандалового дерева. Получение такого подарка инверсией – чуть не единственный случай в истории монголо-буддийской духовной обрядности.

За долговременное пребывание в Урге Я. П. Шишмарев изъездил Монголию, что называется, вдоль и поперек, в особенности ее северную часть. Некоторые географические факты были им сообщены впервые, как, например, существование снежных вершин в Хангае и в Восточном, или Монгольском Алтае. Его путевые заметки о Кэрулене долгое время были единственным источником для знакомства с этим районом Северной Монголии. Но в чем был особенно сведущ Я. П. Шишмарев, и что он хорошо знал – так это монголов, домашнюю жизнь монгольских князей, их взаимные отношения, управление Монголией, экономические условия, в каких живет низший класс, значение буддийского духовенства и, что наиболее важно для русских, – русскую торговлю, постоянным свидетелем роста которой он был в последние сорок – пятьдесят лет.

К сожалению, литературная деятельность Я. П. Шишмарева выразилась лишь немногими статьями, напечатанными в сибирских географических журналах, а именно: «Сведения о халхаских владениях», «Поездка из Урги на Онон» и «Сведения о дархатах-урянхах ведомства ургинского хутухты».

Многие центральноазиатские экспедиции и большинство путешественников, начиная со знаменитого Н. М. Пржевальского, перебивали в Урге и получали большее или меньшее содействие и присущее Я. П. Шишмареву русское гостеприимство.

Лично я был знаком с маститым консулом с 1883 г., со времени моего первого путешествия по Центральной Азии с покойным Пржевальским, имевшим с Шишмаревым самые наилучшие отношения. Об этом свидетельствуют и письма Н. М. Пржевальского к Шишмареву, любезно переданные Я. П. мне в полное распоряжение.

В Урге в русско-китайском банке мы теперь получили серебро в китайских и гамбургских слитках, необходимое экспедиции на всем ее караванном пути в глубине Центральной Азии. Здесь же пришлось приобрести порядочное количество цзамбы⁵⁰ – сухой ячменной или пшеничной муки и других предметов повседневного продовольствия. Казаки по обыкновению добыли двух походных сторожевых собак, которых они без труда выбрали из массы бродячих псов, промышлявших отбросами.

С первых дней прихода в Ургу нас донимали монголы-подводчики, желавшие доставить экспедицию в Монгольский Алтай; в числе таковых оказался и алашанец, долженствовавший в скором времени отправиться обратно в Дын-юань-ин. За алашанца я ухватился в первую голову и, что называется, обеими руками, потому что, во-первых, он имел лучшую рекомендацию от моего спутника Бадмажапова, проживавшего в это время в городе Дын-юань-ине в качестве представителя русской торговой фирмы в Южной Монголии – «Собенников и бр. Молчановы», во-вторых, алашанец-подводчик брался доставить в Дын-юань-ин двадцать наших самых тяжеловесных вьюков, необходимых нам только впоследствии, и, в-третьих, давал облегченному каравану большую подвижность в выполнении круговой экскурсии через низовье Зцзин-гола, долиною Гойцзо в тот же Дын-юань-ин.

С алашанцем мы очень скоро сговорились и семнадцатого января отправили наш транспорт под наблюдением Четыркина и казака Буянты Мадаева. Этот караван последовал поперек Гоби в Дын-юань-ин, придерживаясь маршрута Н. М. Пржевальского.

Тем временем были подряжены и местные монголы для главного каравана, намеревавшегося оставить Ургу двадцать первого января. Однако против такого моего решения монголы энергично протестовали; дело в том, что как раз двадцатыми числами у монголов начи-

---

⁵⁰ Цзамба, или талкан, – поджаренная ячменная мука у народов Тибета. Употребляется в виде каши или похлебки. Однако цзамбу можно есть без и всякой кулинарной обработки.

нался большой праздник Цаган-сар – «Белый месяц», и они усиленно упрашивали меня день выступления каравана перенести на двадцать пятое. Делать было нечего, пришлось уступитьномадам. В таких случаях участники экспедиции по большей части берутся за перо и пишут письма. Вообще говоря, я не люблю продолжительных остановок в городах, так как они отвлекают от прямых дел и вызывают наибольшую, иногда даже непроизводительную трату денег.

Таким образом в Урге нам пришлось провести более двух недель, которые, несмотря на монотонную жизнь, прошли довольно скоро. Все наши мысли невольно сосредоточивались на предстоявшем путешествии, и мы совершенно не замечали, как мелькал короткий день, сменяемый обыкновенно длительной холодной ночью. Несмотря на крайнюю стужу по вечерам, я долго, бывало, не мог оторваться от чудного зрелища, которое представляет из себя звездное небо. Здесь оно особенно ярко, и наблюдаемые в экспедиционные трубы небесные светила приводят человека в большое восхищение, в особенности Юпитер и его спутники. По окончании специальных наблюдений наша походная обсерватория несколько вечеров не убиралась, привлекая внимание местных обитателей и служа для наблюдения дивной красоты вселенной.

Монгольский праздник Цаган-сар внес в Ургу большое оживление. Перед зданием консульства с утра до вечера проносились кавалькады нарядных монголов и монголок. Я всегда любил смотреть на быстро мчавшихся номадов, на их оригинальную посадку. В центре города сновало еще больше народа, прибывшего из окрестных мест с принесением поздравлений хутухте и главным чиновникам. Везде развевались флаги, мелькали разноцветные фонари и раздавалась трескотня хлопушек и бомбочек. Торговля стихла, лавки закрылись, но зато двери всех буддийских храмов стояли настежь, призывая к молитве.

Наши проводники сдержали слово и явились вовремя. Пора и в дальнейший путь.

Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888).
Фотография из семейного альбома П. К. Козлова

Глава вторая. От Урги до монгольского Алтая

Беглый взгляд на Монголию и ее обитателей. – Оставление Урги. – Долина Шархай-хундэ. – Ее животная жизнь. – Млекопитающие и птицы. – Впечатления походной жизни. – Первая дневка. – Озеро Тухум-нор. – Характеристика дальнейшего пути. – Монастырь Тугурюгин-догын; его музыкальные инструменты. – Долина Онгиин-гол. – Во владениях Тушету-

хана; монастырь Хошун-хит; внешний вид последнего; белые субурганы. – Несколько слов о духовенстве Северной Монголии. – Китайцы-торговцы. – Происшествие в глубине пустыни. – Вид на Гурбун-сайхан; ключ Тала-хашата⁵¹.

Прежде чем начать рассказ о путешествии внутрь Монголии, бросим беглый взгляд на природу всей этой страны и ее обитателей. На нашем пути с севера от Кяхты тотчас начинается Монголия, сначала степная, далее горная с более или менее массивными хребтами, еще очень богатыми растительным и животным миром. А там и Урга – духовный и административный центр, за которым физиономия монгольской природы резко изменяется, горный рельеф сглаживается, растительный покров беднеет, население редееет, в особенности южнее гор, составляющих восточное продолжение Монгольского, или Гобийского Алтая. Здесь уже настоящая пустыня – Гоби, развертывающаяся то в виде гладкой песчано-каменистой скалтерти, то в виде складок мягких и скалистых холмов, по вершинам которых в вечерние часы картинно играют отблески заката. Наконец Южная Монголия, почти целиком представляющая собою море сыпучих песков, по большей части грядовых меридиальных барханов, нередко поднимающихся в высоту до сотни и более футов.

Коренное население Монголии, монголы, также видоизменено, с одной стороны, физическими условиями природы, с другой – большим или меньшим воздействием своих родовых князей или китайцев. В Северной Монголии путешественник наблюдает номадов, еще гордящихся своими традиционными удалью, молодечеством, щегольством пестрых нарядов, бойкими иноходцами, их убранством, своею лихостью, ловкостью езды; эти монголы невольно заставляют наблюдателя мысленно переноситься к давно минувшим временам, к тем временам, когда они имели собственную историю. Сохранению монголами славных традиций былого способствует в значительной степени ургинский иерарх – богдо-гэгэн и владетельные управители хошунов – монгольские князья, с которыми китайцы поступают учтиво, стараясь расположить их ко двору богдохана.

Монголы центральной части страны значительно уступают богатством и нарядами своим северным соседям, но зато нередко превосходят в этом отношении южных обитателей, которые как с внешней, так и с внутренней стороны все более и более приближаются к китайцам, забывая свою национальную жизнь и отрекаясь от родового быта. В общем, с нашей точки зрения, жизненная обстановка монгола бедна и незавидна, как беден и его внутренний мир; хотя монгол и отличается от соседних кочевников тем, что достиг сравнительно более высокого умственного развития, имеет собственные письмена, печатные законы, изучает тибетскую грамоту.

День двадцать пятого января 1908 г. для экспедиции может считаться знаменательным. В этот день мы надолго распрощались с родными людьми, с родною речью, с родной обстановкой. Впереди лежало все новое, чуждое – и природа, и люди. Утро серое, холодное, ветреное. Консульский двор заполнен верблюдами, лошадьми, багажом экспедиции. Вместе с гренадерами и казаками хлопочут монголы. Местный кружок соотечественников пришел проводить нас. Больше всего меня тронули дети – ученики и ученицы консульской школы, от имени которых учительница М. П. Ткаченко передала экспедиции пожелание успехов в деле обогащения науки новыми открытиями.

Пока мы прощались, головной эшелон Иванова уже открыл движение; за ним направился второй, третий. Путешествие началось. Вскоре караван вытянулся красивой линией и еще большими, нежели прежде, шагами стал отмерять расстояние. В открытой долине ветер свирепствовал пуще прежнего: мы ежились и очень часто оставляли седла, чтобы на ходу

⁵¹ Тала – степь (монг.).

согреться. Встречные монголы приветливо прощались с нами: сжимая на груди руки, они произносили: «Жуйтуя-байна!», что значит «очень холодно!».

Несмотря на успешное движение, мы очень долго тащились долиною Толы, прежде нежели ее оставить, прежде нежели перевалить Гонгын-дабан, окончательно скрывший Толу от наших взоров. Прямо перед нами широко расстилалась степная полоса и лишь на востоке продолжали тянуться отроги богдо-олского массива, темневшие богатою зарослью леса. Через некоторое время и они скрылись. Мы вступили во внутренний центральноазиатский бассейн и на другой день весь большой переход подвигались вдоль обширной долины Шархай-хундэ, блестящей яркой желтизной пышного дэрэсуна⁵² (*Lasiagrostis splendens*). Там и сям группировались юрты кочевников, а в окрестности юрт – их многочисленные стада, нередко по соседству со стадами монгольских цзеренов (*Antilope gutturosa* [*Procapra gutturosa*]), хорошо распознающих мирного человека от охотника. На мой вопрос к проводникам: «чи это табуны коней и стада верблюдов и баранов»? – они ответили: «все это принадлежит хутухте и монастырям».

Богатая долина Шархай-хундэ в то же время изобилует пищухами (*Lagomys ogotona* [*Ochotona daurica*]), за которыми охотятся зимующие в Монголии сарычи, большие и малые сокола (*Gennaia et Tinnunculus* [*Falco* и *Cerchneis*]), обычно сидящие по вершинам холмов вдоль дороги. В этой местности мы добыли интересного большого хорька, которого долгое время преследовал черный ворон (*Corvus corax*), бросавшийся на зверька с криком сверху; хорек сгибал спину, рычал и вообще яростно защищался.

Ежедневно наблюдая только монголов и их кочевье, мы скоро освоились и со своей походной обстановкой: верблюдами, лошадьми, юртой, и со своим главным занятием – передвижением. Иначе говоря, своим образом жизни мы напоминали номадов и чувствовали себя очень хорошо. С вечера в нашем походном жилище всегда бывало маленькое тепло, но ночью, в особенности же перед зарей, когда мы обыкновенно вставали, становилось ужасно холодно. Во время одевания, которое совершалось очень быстро, только и стучишь бывало зубами, только и слышишь: бррр, бррр, бррр! Затем, наскоро проглотив по чашке-другой горячего чая с противным месивом «цзамба», мы отправлялись в путь. В дороге время бежало быстро, как быстро, незаметно проходили и целые дни. После же четырех-пяти дней или переходов устраивалась дневка, считавшаяся всеми нами за большой праздник.

Первая такая дневка была устроена неподалеку от высокой конусообразной горы Хайрхан рядом со стойбищем владельца наших наемных верблюдов – состоятельного монгола Церен Доржиева. Последний оказался весьма доброжелательным и стоворчивым вообще, а в частности, по отношению к вопросу о расширении нашего маршрута, о большем отклонении его на юго-запад с целью не входившего сначала в нашу программу посещения озера Тухумнор и прилежащего к нему на юге района, до нас еще не изученного географами. На память о русских Доржиев и его жена получили от экспедиции кое-какие подарки.

С каждым днем экспедиция приближалась к заветному югу, с каждым следующим днем уменьшалось количество снега и становилось теплее на солнце. Ночью по-прежнему бывало очень морозно; по-прежнему звездное небо ярко мигало и искрилось и по-прежнему очаровывало своей красотой.

Кругом тихо: ни один звук не нарушает торжественности степного простора, лишь по небу мелькнет падающая звезда и исчезнет вблизи горизонта.

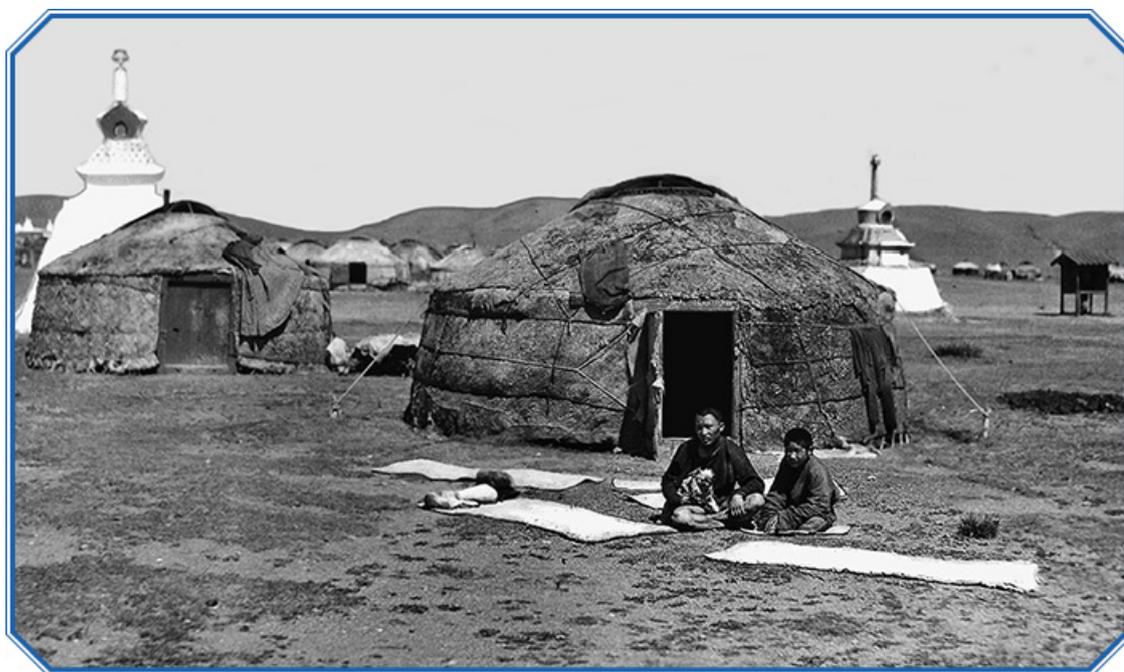
Дальнейший путь к озеру Тухумнор пролегал среди невысоких гор, среди горных складок Сонин-хангай – с одной стороны и Орцик, Онгон-монгол и Тангыт-тот – с другой, по перевалу Улэн-дабан, имеющему около 4 650 футов [1417 м] над морем. Преобладающей

---

⁵² Дэрэсун (ковыль, чий) – злак, растущий в пустынных местностях, высотой до 1,5 м, с очень твердым стеблем, способным прокалывать подошву верблюжьей лапы.

горной породой здесь был розовый гранит, прикрытый мощным пластом галечника с богатой степной растительностью, по которой, насколько хватал глаз, паслись стада тех же баранов. У одного из попутных холмов с крутым обнажением выветренного гранита держалось много канюков или сарычей (*Archibuteo hemipterus* [*Buteo hemilasius*]), не выносивших появления более сильного хищника – орла, нередко пролетавшего вдоль тех же гор или холмов.

В лазурной выси кружились бурые грифы (*Vultur monachus* [*Aegyptus monachus*]), которых вскоре мы обнаружили на трупe лошади. Могучие хищные птицы издавали громкий клекот и отчаянно дрались из-за добычи. В такое время легче всего подойти незамеченным к грифам на расстояние выстрела. В этом же районе впервые нынче, мы наблюдали массовое скопление пустынных (Syrrhaptes paradoxus), выдававших свое присутствие преимущественно по утрам, когда большедурики с шумом бури пролетали в ту или другую сторону. Скорость их полета поистине изумительна. Рядом с большедуриками нередко встречались огромные стаи различных жаворонков (*Otocorys* [*Eremophila*], *Melanoeorypha*, *Alaudula* [*Calandrella*]), кормившихся по травянистым лощинам, почти совершенно свободным от снега.

*Монголы возле юрты. Фотография начала XX в.
из коллекции Альберта Кана*

Благодаря необычайной прозрачности воздуха, путешественник здесь часто обманывается в определении расстояний, значительно сокращая их против действительности. Подобные ошибки еще более увеличиваются, когда наблюдатель находится на возвышении, а перед ним расстилаются долины, по которым нередко играет мираж – «злой дух пустыни», строящий из отдаленных высот фантастические сооружения, тонущие в дрожащем озеровидном пространстве. Так было с нами на пути к озеру Тухум-нор, которое с окраинных холмов казалось очень близко, а на самом деле потребовалось несколько часов, чтобы дойти до него, при этом сама долина из ровной и гладкой, каковой представлялась издали, превратилась в пересеченную поперечными оврагами местность, сильно утомившую наш караван.

На северо-восточном берегу Тухум-нора приютился монастырь Тухумын-догын, подле которого экспедиция и расположилась лагерем.

В зимнее время Тухум-нор представляет жалкую безводную белую площадь, почти не отличимую от общего вида долины, прикрытой тонкой пеленой снега. Размеры озера незначительны: шесть верст в длину и четыре в ширину. С запада в Тухум-нор впадает единственная речка – Джергалантэ. Берега озера плоские, низменные, за исключением небольшой полосы, где они слегка возвышаются. Дно илистое, солончаковое. Береговая растительность бедна и выражается караганой, дэрэсуном, несколькими видами солянок и немногими другими, типичными для страны формами.

По словам монголов, в весенне-летнее время Тухум-нор наполняется водой, на поверхности которой держится порядочное количество птиц – уток, гусей, турпанов, а по берегам – куликов, цапель, журавлей и чаек. Теперь же мы здесь встретили белую полярную сову, державшуюся крайне строго, темного сарыча, орла-беркута, а из мелких – одних лишь жаворонков. Что же касается млекопитающих, то помимо отмеченных выше цзеренов, здесь обыкновенны: волки, устраивающие по ночам неприятные концерты, затем лисицы, зайцы и несколько видов более мелких грызунов.

Местный небольшой заяц (*Lepus tolai*) очень многочислен и настолько привык к добродетели монгола, что ютится рядом с его жилищем, словно собака. Зато косой смертельно трусит крылатых хищников – орлов, питающихся исключительно зайцами. В Северной Монголии я неоднократно был свидетелем интересных сцен у царственного хищника с трусливым зайцем. Косой улепetyвает, что называется, вовсю, орел плавным полетом гонится за зайцем и, как только хочет схватит его, заяц делает отчаянный прыжок, часто через спину орла, и был таков. Горный хищник вновь стремится к намеченной жертве, вновь нападает, заяц вновь повторяет невероятный прыжок. В конце концов косой бывает схвачен и достается орлу на обед, обыкновенно отправляемый вблизи, на каком-либо возвышении.

Благодаря прозрачности неба, мне удалось астрономически определить положение Тухумын-догына. Весь вечер в морозном воздухе падали изящные снежные звездочки, и луна была опоясана красивым радужным кольцом.

При монастыре Тухумын-догыне мы намеревались устроить дневку, но подводчики сильно воспротивились, ссылаясь на бескормицу, которая может тяжело отозваться на лошадях. Поэтому утром на следующий день, караван наш обычным порядком направился в путь, за исключением меня и А. А. Чернова, решивших еще с вечера провести на озере час-другой, чтобы познакомиться с характером его обнаженного дна, по которому можно было проехать на лошадях. Результатом этих наблюдений и послужила вышеприведенная заметка о Тухум-норе.

На протяжении двух переходов маршрут экспедиции шел строго к югу, затем уклонился к юго-юго-западу и держался этого направления вплоть до северного подножья гор Гурбун-сайхан. Общий характер местности гористый, в особенности в северной половине маршрута, тогда как в южной преобладают открытые долины, по главным из которых пролегают большие караванные дороги из Северо-западной Монголии в Куку-Хото⁵³. Поверхность гор, холмов, долин, словом, все говорит в пользу стихийной деятельности бурь и ветров, видоизменяющих рельеф Внутренней Монголии. Масса обломочного материала, по мере удаления от материнской породы мельчает, перетирается; более мелкие частицы щебня уносятся еще дальше, обтачивая на пути отдельные мелкие гальки, представляющие иногда типичные трехгранники, реже – четырехгранники.

---

⁵³ Город Куку-Хото, или Гуй-хуа-чен, как его называют китайцы, находится в северной части провинции Шаньси Внутреннего Китая, но вне Великой стены, проходящей верстах в восьмидесяти от него к юго-востоку. Гуй-хуа-чен ведет обширную торговлю со всем почти Внешним Китаем и по размерам своих торговых оборотов с Монголией не имеет себе соперников по всей империи. (Примеч. П. К. Козлова)

Выходы наиболее твердых горных пород своею полировкой тоже напоминают о деятельности ветра, хотя в таких случаях чаще бросается в глаза предохранительная корка пустынного загара⁵⁴, повсюду покрывающая и изверженные, и древние породы. Как капли вод, зародившихся высоко в ледниках, в своем поступательном движении стремятся на дно долин, скопляясь в реки или озера, так и горные песчинки, подхваченные ветром, несутся вниз и в совокупности создают целое море барханов. На большем своем внутреннем протяжении страна однообразна, скучна, монотонна; еще более она удручает путешественника во время бури, поднимающей с земли тучи тончайшей пыли, омрачающей воздух. Все живое прячется, голоса замирают и лишь один только ветер неистово ревет и свистит, наводя ужас на суевверных номадов.

При таком состоянии воздуха в связи с поразительным однообразием пустынного ландшафта, здесь нелегко разобраться в дороге даже привычному человеку. Поэтому на ближайших вершинах гор или на попутных возвышениях, равно и на всяком характерном повороте, у монголов из камней сложены указатели, по которым проезжий может ориентироваться, подобно тому, как в лучшую погоду он руководится общим направлением своего пути по расположению командующих массивов, по их оригинальным очертаниям, улавливаемым иногда на большие, в несколько десятков верст расстояния. Ведь каждый или почти каждый перевал открывает новые виды, новые картины; одни горы приближаются, другие уходят за противоположный горизонт. С книжкой и буссолью в руках в течение всего перехода непрерывно следишь, непрерывно отмечаешь всякий заслуживающий внимания предмет, всякое характерное явление.

Нередко один и тот же массив приходится наблюдать в течение нескольких дней, нескольких переходов и по нему ориентировать свою съемку. Подобное явление всего чаще случается, если таковые массивы лежат у самой дороги, когда сначала вы к ним приближаетесь, затем равняетесь с ними и, наконец, оставляете их в тылу вашего маршрута. Подтверждение сказанного мы увидели на второй или третий день движения от Тухум-нора, где с вершин поперечных высот нам открылся широкий горизонт: на впереди лежащем юге темнели гребни Дэлгэр-хангая, на оставленном севере – знакомые читателю Сонин-хангай, Орцык и другие. Как увидим ниже, мы приблизимся вплотную к Дэлгэр-хангаю, и в то же самое время в полуденном направлении покажется новый поперечный хребет.

На дальнейшем пути общий характер местности оставался прежним. Те же горные кряжи, те же бесконечные простые и сложные по очертаниям высоты⁵⁵ или залегающие между высотами котловины иногда с ключами или с колодцами, подле которых непременно ютится человек, и где вам предстоит расположиться биваком на ночь. По-прежнему маршрут пролегал в виде прямой линии, и засечки, или азимуты направления приходилось брать с места ночлега на соседний предмет следующей такой же остановки.

День за днем экспедиция продвигалась к югу, день за днем монгольское солнце прибавляло тепловой энергии, чаще и звонче раздавалось пение жаворонков. Воздух опять прозрачен: по сторонам убегают синие дали. На утренней заре, пятого февраля удалось наблюдать интересное явление: с одной стороны всходило солнце, с другой скрывалась луна; был момент, когда на востоке и западе, на зубцах гор красовались оба светила. Впечатления от гармонического сочетания торжественной тишины и величия картины пустыни я никогда не

---

⁵⁴ Пустынный загар – тонкая (от 0,5 до 5 мм) темная или темно-коричневая блестящая корка, покрывающая обнаженную поверхность скал и обломков различных горных пород. Состоит главным образом из окислов железа и марганца с примесью глинозема и кремнезема. Образуется в результате процессов, возникающих под влиянием попеременного увлажнения и высыхания горных пород при недостатке влаги. В таких условиях происходит усиленное движение капиллярных вод, выносящих соли на поверхность горной породы.

⁵⁵ В таких пересеченных районах с наибольшим абсолютным поднятием местности нередко встречаешь крайнюю пустынность, полное отсутствие какой бы то ни было растительной или животной жизни, ни одного живого звука. Повсюду серо-желтый удручающий колорит. Подобные места монголы называют «Гоби». (Примеч. П. К. Козлова)

забуду. Счастлив путешественник, живущий целые годы лицом к лицу с чистой девственной природой и имеющий возможность наблюдать ее разнообразные картины.

Во время движения каравана всякое явление так или иначе привлекает внимание: за всем следишь, все отмечаешь, и время проходит быстро, незаметно. К тому же зимние короткие дни, можно сказать, целиком уходят на передвижение. С окончанием перехода оканчивается и дневная деятельность каравана. В ожидании позднего обеда члены экспедиции работают над дневником, приводят свои наблюдения в порядок, но после обеда и записи вечернего метеорологического наблюдения тотчас укладываются спать. Наши же люди отходили ко сну еще раньше, но зато они и раньше вставали. В зимнее время особенно тяжелой бывала служба конвоя, изо дня в день по ночам несшего сторожевую службу, разделенную на две смены. Таким образом, приходилось стоять на морозном воздухе пять часов кряду, что очень и очень нелегко. Только русские гренадеры и казаки могли выносить все трудности и лишения зимнего похода, чем всегда вызывали у нас – своих старших товарищей, любовь и уважение. Отряд, или конвой экспедиции трудился в одном отношении, мы – в другом, и в общем понемногу все выполняли одну сложную, ответственную задачу.

Монахи, дующие в дунгчены на фоне Поталы.
Фотография. 1938 г.

«Просматривая летописи халхасов и собирая устные предания этого народа, — говорит проф. А. М. Позднеев, — можно не без основания заключить, что все халхаские монастыри в отношении своего происхождения могут быть разделены на четыре разряда. Одни из них были воздвигнуты маньчжурскими императорами в Китае за счет китайского государственного казначейства, это так называемые императорские монастыри и храмы; другие устраивались халхасами на пользу их гэгэнов, хутухт и хубилганов — святых, перерожденцев — как места, в которых должны были проживать эти гэгэны и молиться за народное благо, это так называемые монастыри гэгэновские, или хутухтинские; третьи возникали на суммы, составлявшиеся из пожертвований частных лиц, представлявших собою какое-либо отдельное сообщество, — таковы все монастыри, принадлежавшие в старину отдельным родам халхасов, а в настоящее время, когда халхасы уже совершенно утратили свой родовой быт, принадлежащие той или другой административной единице, на которые разделяются теперь халхасы, — это так называемые хошунные и сумунные монастыри; четвертые, наконец, сооружались на суммы отдельных частных личностей, каковы богатые монгольские князья или знатные и известные своим богатством и добродетелями ламы». («Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии»).

Примеч. П. К. Козлова

Наутро восьмого февраля, разразился сильный ветер, замаскировавший земную поверхность снегом и если бы не часто расставленные обообразные указатели дороги, ни за что невозможно было бы пройти, не сбившись с должного направления. Мы шли весь день, до тех пор пока не сгустились сумерки, и благополучно устроились на ночевку в урочище Хашагэн-гол. Ветер крепчал и к ночи перешел в настоящую бурю, прекратившуюся лишь к утру следующего дня, когда температура воздуха понизилась до $-26... -27^{\circ}\text{C}$.

В тот же бурный день мы пересекли верхнюю куку-Хотоскую дорогу, вблизи монастыря Тугуриюгин-догын. Монастырь этот построен с разрешения китайцев на добровольные приношения хорчинцев, то есть монголов, обслуживающих куку-Хотоскую почтовую дорогу. Главными мастерами являлись китайцы, оставившие о себе память в виде башне-видных печей, в которых выжигался кирпич.

Во время движения нашего каравана вблизи Тугурюгин-догына из этого монастыря неслись звуки больших труб и барабана.

Что касается вообще музыкальных инструментов в буддийских храмах, то они делятся на четыре категории: потрясаемые, ударные, духовые и струнные; последние, впрочем, отмечены.

В числе инструментов первой категории стоят колокольчик и дамару – род небольшого барабанчика-колотушки. Дамару представляет собою пустой деревянный цилиндр, отверстия которого обтягиваются кожей; посреди цилиндра на особом ремешке привязываются два шарика, которые при быстром поворачивании цилиндра ударяют по натянутой на нем коже и производят звук вроде барабанной дроби.

Ко второй категории принадлежит кэнгэргэ – турецкий плоский барабан, деревянные берестовые стенки которого обыкновенно имеют в высоту около пяти вершков, окрашиваются в красную краску и украшаются изображением пяти или семи взаимно переплетающихся драконов. На эти стенки барабана без посредства обручей натягивается козья кожа, выделанная наподобие пергамента, размером аршина в полтора и более в поперечном диаметре. Такой барабан укрепляется на подставке, в него ударяют особою, выгнутою палочкой, называемою докур. Докур состоит из рукоятки, оканчивающейся резным изображением головы Матара – мифического животного; в рот этого Матара вкладывается выгнутая часть докура, которою и ударяют в барабан. Кроме барабана во вторую категорию входят еще медные тарелки и тарелочки.

В числе третьей категории музыкальных инструментов в буддийских монастырях находятся дун-буре, бишкур, ганлин и, наконец, буре. Дун-буре – это есть обыкновенная морская раковина, звук которой подобен рогу. Употребление раковины как инструмента при богослужениях буддисты относят ко временам Шакьямуни. «В биографии Цзонхавы⁵⁶ – реформатора буддизма – рассказывается, – говорит проф. Позднеев⁵⁷, – что однажды царь драконов поднес Шакьямуни белую раковину, которую потом ученики Будды употребляли вместо буре – трубы для призвания к богослужениям в летнее время. Потом Будда приказал Мутгальвани – старейшему ученику – отправиться в страну краснолицых тибетцев и спрятать эту раковину под горою Дурихту, причем якобы предсказал, что она будет найдена Цзонхавою, что и действительно случилось при постройке Галдан-хита».

В этом монастыре помянутая раковина хранится и доныне как чудотворная святыня.

Бишкур – это музыкальный инструмент, звуки которого походят на звук свирели. Бишкур состоит из трех отдельных частей: средняя делается из крепкого дерева или рога, а обе конечные – из меди; длиною он бывает несколько больше трех четвертей аршина. Время введения бишкура в церковное употребление монгольские ламы относят к периоду пребывания Чжу-адиши в Тибете и рассказывают, что когда этот проповедник буддизма прибыл из Индии в Тибет, то, не находя здесь многого из того, что почиталось священным в Индии, он задумал удовлетворить свои обрядовые религиозные требования каким бы то ни было образом. Так, например, здесь не оказалось священной птицы Галандага и дерева Галбиварас, употребляемого для курений. Для подражания голосу первой он, говорят, и изобрел бишкур, а взамен второго приготовил красные курительные свечи. Замечательно, что во время игры на бишкуре перед играющим всегда зажигают красные курительные свечи. Ганлин – духовой инструмент, состоящий также из трех частей, причем средняя часть делается из берцовой человеческой кости, а две конечные – из серебра.

---

⁵⁶ Цзонхава (Дже Цонкапа) – тибетский мыслитель, проповедник и религиозный деятель. Вошел в историю как реформатор тибетского буддизма и основатель ламаизма. Отличие ламаизма от прежних форм буддизма состоит не только в философских вопросах, но и в большей строгости устава, обязывающего лам на безбрачную жизнь.

⁵⁷ «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии». (Примеч. П. К. Козлова)

Передняя часть ганлина обыкновенно бывает несколько сжатою и на одной из своих сторон имеет два отверстия, носящие название ачжиной морин хамырийн нухэ, т. е. лошадиные ноздри. Звуки ганлина должны напоминать собою ржание мифического коня ачжиной морин, который переносит верующих из этого мира в блаженные обители Сукавати. Буре – большая медная труба приблизительно в сажень длиною и ухэр-буре – такая же медная труба длиною сажени в две с половиною; рычание ее включает лишь самые низкие басовые ноты и производит потрясающее действие на нервы. О происхождении этих трех последних духовых инструментов рассказывается, что когда Падма-Самбаву, буддийского вероучителя, пригласили в Урджан⁵⁸, то он отказался идти туда по той причине, что (в Индии) он не мог слышать ржания ачжиной морин, а во-вторых, – рычания небесных слонов. Индийские поклонники Падма-Самбавы, непременно желавшие видеть у себя этого святителя, изобрели тогда ганлин для подражания ржанию лошади и буре – для подражания реву слона.

На следующем за монастырем Тугурюгин-догын переходе поперечно залегавшие горные кряжи Боин-гэче открыли нам обширный горизонт к югу. Вблизи, слева, резко выступали горы Дэлгэр-хангай, справа – Ахыр, а между ними извивалось каменистое русло, скрывавшееся в том же полуденном направлении. Неизмеримо дальше – насколько только хватал глаз – вырисовывался силуэт восточной оконечности Монгольского Алтая – Гурбун-сайхана, к которому мы так стремились. Местность по-прежнему носила пустынный характер.

Спустившись в долину, мы ускоренно проследовали расстояние, отделявшее окраину гор от Онгиин-гола, и на береговой террасе последнего, вблизи монастыря Хошун-хит, устроились биваком.

Несмотря на свое значительное протяжение – до ста пятидесяти верст – Онгиин-гол в феврале месяце стоял без воды. На этот случай прибрежные обитатели роют колодцы, которые, обыкновенно, не глубоки: пять – семь, редко более, футов [1,5–2 м] и с хорошей пресной водой. Впрочем, вдоль речки встречаются нередко богатые родники, выдающие свое присутствие издали блестящей ледяной поверхностью.

Речка Онгиин-гол берет начало в Хангае, в юго-восточной окраине этих гор; в верхнем и среднем течениях она стремительно несется на юго-восток, а в нижнем – прямо к югу, впадая в озеро Улан-нор. В осмотренном нами нижнем течении долина Онгиин-гола занимает в ширину от полутора до двух верст, с каменистым руслом, извивающимся то посредине, то у одного из боков, в большинстве случаев обставленных высокими, до семидесяти футов [до 20 м], обрывами.

Невысокие береговые террасы Онгиин-гола местами покрыты низкорослым тальником (*Salix*), местами серебристым дэрэсуном (*Lasiagrostis splendens*); возвышенные же – хармыком (*Nitraria Schoberi*) и другими колючими кустарниками. Замечено вообще, что лучшая растительность по Онгиин-голу сосредоточивается там, где долину сжимают горные массивы, и наоборот – большая пустынность сопровождает речку в открытой равнине. Животная жизнь та же, что и прежде. Из зверей мы наблюдали волков, лисиц, монгольских цзерефов, зайцев и мелких грызунов; а по части птиц – прежних больших и малых соколов, сарычей, сыча, черного ворона, изредка орла-беркута, впервые отмеченную ныне в окрестностях Хошун-хит пустынную сойку (*Podoces hendersoni*), рогатых жаворонков (*Otocorys*), вьюрков, большедуруков и немногих других.

Северная караванная дорога пересекает Онгиин-гол у монастыря и на всем дальнейшем протяжении к югу идет вдоль правого берега до крутого заворота речки на запад, где дорога вновь пересекает Онгиин-гол и вступает в северные отпрыски системы Монгольского Алтая.

---

⁵⁸ Урджан – бывшая столица царя Викрамадитьи и один из семи священных индийских городов. (Примеч. П. К. Козлова)

По внешнему виду Хошун-хит довольно богатый, красивый монастырь с целым рядом белых субурганов-надгробий⁵⁹, расположенных севернее храмов, за исключением главного субургана с изваянием будды внутри, стоящего вблизи и выделяющегося своим шпиком с изображениями луны, солнца и пламенеющего огня премудрости – нада. С южной стороны храмов прилегает красивая китайской архитектуры башня с крепостной вышкой, с которой ламы любят окрестностями.

Постоянный состав этого монастыря исчисляется в двести монахов, а в период летних хуралов – до пятисот. В наше пребывание настоятель монастыря шанцотба отсутствовал; его заменял энергичный, строгий да-лама, явившийся ко мне с визитом и сообщивший немало интересных сведений. До появления да-ламы наш лагерь осаждался назойливыми ламами, пристававшими со всевозможными просьбами. С приходом же к нам да-ламы, с его громким возгласом: «Ламы, по местам! Это не китайский торговый караван!» – ламы в страхе быстро исчезли, попрытались и, как мыши, из-за углов показывали свои бритые головы.

Да-ламу мы угостили «обычным» чаем, за которым, между прочим, наш гость деликатным образом осведомился, заплатила ли Россия Японии контрибуцию? Получив должный ответ, словоохотливый монах заметил: «На какие же средства Япония будет устраиваться и обновляться, ведь она все свои сбережения истратила на войну? У России же, и денег и прочих богатств еще очень много. Все наши предания говорят о неисчислимых богатствах Российского государства хотя бы потому, что главные источники рек, питающих драгоценное озеро Байкал, так сказать, источники наших монгольских богатств, сплавляются по рекам, уходят вниз во владения России». Призывный звук раковины на молитву прекратил мою беседу с монахом, отправившимся участвовать в вечернем богослужении.

Если Хошун-хит богат снаружи, то внутри он еще несравненно богаче как по отношению библиотеки, так и по отношению металлических и писанных бурханов – изображений божеств или вообще всей обстановки храмов.

С разрешения да-ламы мы могли не только осмотреть храмы, но даже и присутствовать при отправлении ламами утреннего хурала, который продолжался несколько часов, с перерывом. Во время перерыва ламы выходили подышать воздухом, а молодежь, кроме того, порезвиться, побегать. Наше присутствие вначале смущало лам, но спустя некоторое время они освоились и, почтительно приблизившись, вступили с нами в разговор, интересуясь нашею внешностью и одеянием, но, кажется, больше всего вопросом: куда мы следуем – в Лавран или Лхасу?

С их точки зрения, большому богатому каравану, каким они, очевидно, считали наш караван, другой дороги, как в один из знаменитых указанных центров, нет. Со своей стороны, при постоянных встречах с ламами я невольно поражаюсь количеству духовенства в Центральной Азии вообще, хотя в Тибете его еще того больше.

«Если под духовенством Северной Монголии разумею всех лиц, принявших духовное звание и священные обеты, – пишет профессор Позднеев⁶⁰, – то оно составит такой много-

---

⁵⁹ Субурганы – преемники древних индийских «ступ» и «чайтья». По сказаниям буддистов, устройство субурганов как памятников замечательнейших священных событий начато было в Индии еще при жизни будды Шакьямуни; впоследствии субурганы воздвигались там не только на местах замечательных событий, но служили еще гробницами для лам, известных святостью своей жизни и своими подвигами на благо буддийской веры. Понятно отсюда, что субурганы, устроенные в различных местностях и в разное время, должны были иметь у себя и разные формы, но у монголов-буддистов субурганы по своему внешнему виду особенно не разнятся. Рассматривая форму субургана в архитектурном отношении, мы находим, что он состоит вообще из трех частей: пьедестала – сэнтэй, главной части – бумба и шпица, представляющего довольно высокий, усеченный конус, украшенный тринадцатью металлическими кольцами, увенчанными, как то уже и замечено, изображениями луны, солнца и пламенеющего огня премудрости – нада. (А. Позднеев. «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу». 1887 г.). (Примеч. П. К. Козлова)

⁶⁰ «Очерки быта буддийских монастырей». (Примеч. П. К. Козлова)

численный класс в Халхе, что охватит более пяти восьмых всего халхаского народа. Явление это, кажущееся поразительным на первый взгляд, обуславливается до некоторой степени самим учением буддизма. Дело в том, что Будда Шакьямуни всегда признавал единственным средством для спасения полное отречение человека от мира, презрение ко всему мирскому и исключительную деятельность человека на пользу духа. Таким образом, по основному и первоначальному учению Будды, все его последователи должны были быть отшельниками – аскетами».

Хурдэ

В хурдэ закладываются списки молитв или делаются надписи на его стенках. Считают, что вращение хурдэ равносильно произнесению молитвы. Такие колеса устанавливаются в монастырях, на дорогах, чтобы облегчить участь верующих.

Примеч. П. К. Козлова

Пост и молитва, воздержание от всякой угоды плоти остались основными требованиями религии, и притом, чем более примет человек обетов воздержания, тем вероятнее его спасение, ибо ни одна из добродетелей не может сравниться с добродетелью обетов. «Добродетель от поднесения драгоценностей победителям врагов не стоит и одной сотой, даже тысячной части против добродетели единого соблюдения поста».

Самое учение Будды разделяется на три части: высшее, среднее и низшее. Изучать то или другое учение и, следовательно, усваивать его себе человек может только после принятия соответствующих обетов; не приняв же посвящения, читать священные книги почитается греховным. Это положение, всецело соблюдаемое у современных монголо-буддистов, служит одной из главных причин, по которым монголы принимают на себя духовное звание и посвящают ему своих детей еще в младенчестве. Не будучи посвящен, ребенок не имеет права читать священных книг, а, следовательно, не только приготавливаться к высшим ступеням священства, но и знать основательно правила своей религии.

Возникающее отсюда чрезмерное увеличение монашества в Халхе⁶¹ должно было бы, по-видимому, отразиться на благосостоянии этой страны и вызвать собою ограничение со стороны китайского правительства, тем более что последнее искони держалось правила об освобождении духовенства от всякого рода податей, повинностей и налогов. Но китайцы являются довольно своеобразными по своей политике: по-прежнему не чинят притеснений духовенству, лишь бы ламы имели у себя грамоты на духовное звание.

Ни селений, ни городов, по нашим понятиям, в Монголии нет; здесь их заменяют монастыри, являющиеся не только средоточием богослужений, но часто и общественных и торговых центров и центров управлений. Монастыри устраиваются в лучших, удобных, обыкновенно живописных местностях, преимущественно в долинах рек, горах и проч., иногда по соседству друг с другом. В данном случае, например, верстах в восьми вверх по течению, по словам монголов, красуются еще два небольших монастыря, расположенные почти один против другого на обоих берегах Онгиин-гола.

Еще издали, подъезжая к монастырю, можно любоваться красивыми, разноцветными, иногда богато раззолоченными крышами храмов, макушками ступ; реют разные флаги, мелодично звонят колокольчики. То окруженные, то нет стеной, монастыри представляют собою нагромождения маленьких дворишков с кельями монахов, разбитые на улицы и переулки с возвышающимися посередине или сбоку храмами, часовнями, чайтьями, дворцами перерожденцев и старших лам. Храмы, по большей части оригинальной тибетской архитектуры, представляются особо величественными и прекрасными, особенно если стоят на зеленых лужайках; около них чистота, тишина, только мелодично позвякивают привешенные к узорчатым крышам колокольчики, шуршат флаги, да разносится запах курительных свечей.

Внутри храмов таинственный полумрак, дым курений, масса свешивающихся сверху икон, покровов, балдахинов, шарфов, различных украшений; вдали алтари, статуи Будд и бодхисатв, иногда колоссальной величины, иногда высокохудожественной работы, перед ними мерцают лампы. Во время богослужений ламы сидят рядами и хором читают или поют слова гимнов, играет струнный оркестр. Рано утром раздается заунывный протяжный звук раковины, в которую дуют, как в трубу; из разных концов, из маленьких дворишков появляются желтые и красные фигуры монахов, идущих медленно, важно, перебирая четки; они тихо обходят вокруг храма, совершают круговращение и длинной лентой пробираются в широко открытые врата храма, которые представляются черной пастью.

---

⁶¹ Халха (*монг. халх* – «щит») – историческая область в Монголии, территории, расположенные к северу от пустыни Гоби.

Вот они расселись по своим местам и уставщик низким-низким басом начинает петь хвалебный гимн Победоносному Будде; начинается обычное ежедневное богослужение. Но в другое время бывают в буддийских монастырях и пышные торжественные богослужения, с возжжением тысяч светильников, с грандиозными ярко-красочными процессиями. Совершаются на особо подготовленных площадках постановки мистических танцев, так называемых «дам», которые, в случае хорошего исполнения, всегда вызывали восторг видевших их европейцев искусством сочетания красок, действия и ритма танца с музыкой и ритмом всего обряда. Совершаются и более сложные и таинственные тантрийские обряды, присутствовать на которых могут только одни посвященные⁶².

При Хошун-хите имеется небольшой торговый центр в виде китайской колонии в десять – двенадцать человек, приютившихся в семи юртах, наполовину занятых товарами, наполовину отведенных под жилье. Китайцы снабжают монголов не только предметами первой необходимости, но и шелковыми материями, и всевозможными бусами, равно серебряными с цветными камнями серьгами, кольцами, браслетами и мн. др. Взамен же всего этого они получают сырье, пушнину, а также и домашних животных, в особенности баранов, которых часто китайцы держат годами на даровых монгольских пастбищах.

Китайские торговцы – своего рода пауки, оцепившие страну номадов сложной сетью паутины. Монгол, положительно, ставит свое существование в зависимость от китайца – и в дороге, и дома. В дороге монголу нужны деньги, дома – чай, табак, далемба⁶³, бязь и проч., всем этим, по первому требованию китаец наделяет состоятельного монгола, предъявляя ему раз в год требование на сырье и пушнину или на баранов.

Хошун-хитские китайцы, к которым мы достаточно присмотрелись, проживали неподалеку от нашего лагеря.

Первый день пребывания при Хошун-хите стояла отличная ясная погода, давшая возможность произвести ряд астрономических работ для определения географических координат этого пункта; абсолютная же высота местности выяснилась из ряда барометрических отсчетов, записанных в течение двух дней, в установленное время. Скажу вкратце, что монастырь Хошун-хит расположен на 4100 футов [1250 м] выше уровня моря или, говоря иначе, ниже Урги на 250 футов [около 70 м].

Со второй трети февраля весенние проблески тепла давали о себе знать чаще и чаще. Песнь жаворонков (*Otocorys*) стала звонче и продолжительнее; порою эти птички, сцепившись коготками, ожесточенно дрались; сколько мне приходилось наблюдать, вступали в бой исключительно самцы, вероятно, из-за своих подруг. Сарычи также проявляли возбужденность, поднимаясь высоко и оглашая прозрачный воздух ликующими звуками.

Приближаясь к Монгольскому Алтаю, мы обнаруживали большую, нежели прежде, интенсивную деятельность выветривания, сказывавшуюся как на покровах массивов, так и на обломочном материале, гальке, в множестве залегавшей на поверхности долин или ущелий. В зависимости от формы и твердости гальки, от большей или меньшей крупности гравия или песка, округляющего и шлифующего эту гальку, в зависимости, наконец, от времени воздействия атмосферных агентов и песка на означенные горные породы, эти последние перетираются, сглаживаются, обтачиваются и часто видоизменяются до уродливых или, наоборот, красивых фантастических форм.

Во время движения по такой местности много раз остановишься, поднимешь тот или другой камешек, полюбишься им, прочтешь на нем направление господствующих ветров, затем или возьмешь в карман, или выбросишь. На столике, обыкновенно, геологические

---

⁶² «Буддизм в Тибете и Монголии». Лекция профессора Б. Я. Владимирцова, читанная 31 сентября 1919 года. Издание Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Петербург. 1919. (Примеч. П. К. Козлова)

⁶³ Далемба – высококачественная хлопчатобумажная ткань.

образцы, как равно образцы и других отделов естествознания, складывались в группы. Обточенная, отшлифованная, с затейливыми очертаниями галька часто привлекала внимание даже наших гренадер и казаков, набравших ее целыми карманами и приносивших к нам в палатку. Таким образом по части выветривания, шлифования и пустынного загара удалось собрать самые типичные, характерные экземпляры, в целом составившие значительную коллекцию. В последние дни экспедиция двигалась особенно успешно, так как следовала большими переходами. Казалось, вид на вершины Гурбунсайхан придавал отряду новые силы. Пятнадцатого февраля мы уже прибыли в урочище Шовангын-хундэ, в соседство горы Унэгэтэ, окаймленной саксаулом⁶⁴, послужившим для нашего лагеря отличным топливом. С ближайших холмов неслись голоса скалистых куропаток (*Caccabis chukar*), нарушавших тишину монотонной темно-серой пустыни.

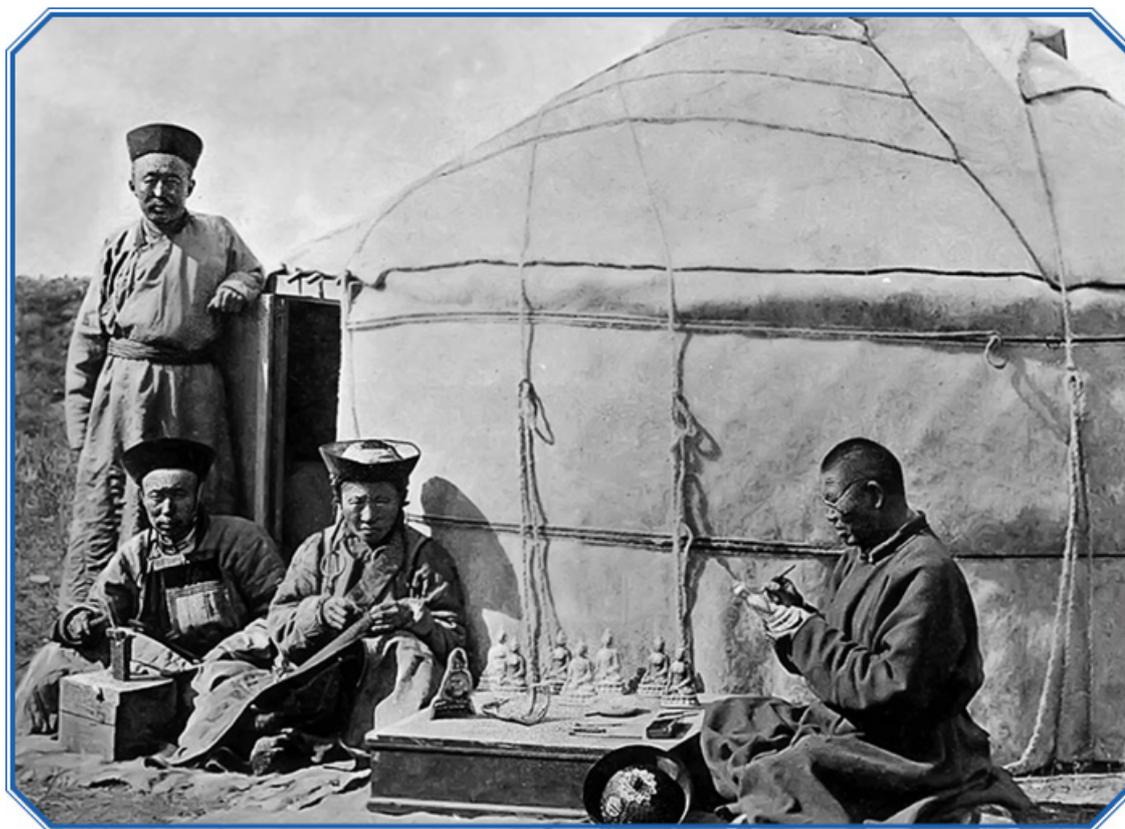
Наш приход сюда совпал со временем, когда ожидали чиновников-китайцев, долженствовавших прибыть из Улясутая в роли судей над провинившимся монголом. Тем не менее, при встрече с нами местные старшины тотчас собрались и любезно предложили экспедиции воспользоваться выставленными для китайцев юртами. Так как о следовании через этот район нашей экспедиции старшине также было сообщено, то мы с удовольствием воспользовались уртоном и очень быстро устроились биваком. Вечером у костра за чашкой чая словоохотливый старшина поведал нам историю уголовного преступления, в свое время вызвавшего переполох среди незлобивых монголов. В этом самом урочище год тому назад произошло следующее. В обратную нашему направлению сторону проезжала партия, человек восемь монголов, расположившихся, как и мы теперь, на ночлег.

Сидя вокруг костра, путники мирно беседовали, как вдруг один из них возвысил голос и стал наступать на товарища, молодого монгола, очень остроумно подшутившего над первым. И на этот раз глупый обиженный собеседник принужден был выслушать еще большее глумление, отчего рассвирепел самым ужасным образом и незаметно исчез. Прочие монголы сильно смеялись, молодой парень был героем вечера. Не прошло и нескольких минут, как задорный монгол возвратился с палкою в руках и, приблизившись сзади, со всего размаха ударил парня по голове. Удар был так силен, что молодой монгол умер на месте. Товарищи пришли в ужас и с проклятьем схватили убийцу. Последний, видимо, сильно струсил и вопил, что никогда не собирался убить человека, а лишь только хотел сделать ему больно, чтобы он, «мальчишка», не позволял себе в будущем спорить и смеяться над старшими.

Под покровом ночи монголы долго обсуждали свое положение, наконец, завьючив на верблюда труп, отвезли его в ближайшие холмы и похоронили в песок. Наутро, как ни в чем не бывало, компания монголов отправилась своею дорогою. Со мною по-прежнему продолжал следовать и монгол-чиновник, который все видел и который обо всем поведал в управлении Тушету-хана. Вот тут-то и арестовали как самого убийцу, так и его спутников, и передали дело в законные руки китайцев, которых ожидали сюда – на место преступления.

---

⁶⁴ Саксаул – род деревьев и кустарников, включающий 10 видов, растущих в центрально- и среднеазиатских пустынях. Благодаря большому количеству смолистых веществ, древесина прекрасно горит.

Буряты возле юрты.
На переднем плане рисовальщик бурханов [богов].
Фотография из архива П. К. Козлова

Зная монголов вообще, не трудно догадаться, какой печалью должна была отразиться весть о приезде китайских судей, грозившем, как всегда в таких случаях, тяжело отозваться на кармане обитателей Монголии, которые, строго говоря, довольно миролюбивы и очень далеки отуголовных преступлений. Если же подобное явление все-таки имеет в Монголии место, то оно совершается или нечаянно или же, как теперь, в минуту страшного гнева и раздражения.

Лежавшие к югу от Унэгэтэ высоты открыли нам еще более контрастный силуэт Гурбун-сайхан, протянувшийся в поперечном направлении. Между этими высотами и хребтом «Три отличных» (Гурбун-сайхан) раскинулась обширная долина, пересеченная холмами, грядами и вклинившимися между ними второстепенными котловинами с ясно выраженными бортами, выделявшимися красным оттенком. По дну котловин залегали бугристые, одетые саксауловою зарослью пески, приютившие монголов, пасших так называемых «богдоханских», или императорских верблюдов числом свыше тысячи голов.

От этих монголов мы должны были принять угощение в виде кирпичного чая, приправленного верблюжьим молоком. Пустынные обитатели были хорошо осведомлены о Балдын-цзасакском хошуне, кочевавшем в области впереди лежащих гор Монгольского Алтая; знали они также и самого управителя, Балдын-цзасака, слывущего в окрестности за хорошего, славного старика. Здесь же мы случайно встретили и одного из обитателей указанного хошуна, богатого монгола, следовавшего в Ургу и давшего нам практический совет: держаться его свежих следов, ведущих в то именно ущелье, по которому нам предстояло подняться на перевал Улэн-дабан.

Среди песков и зарослей саксаула в полдень было очень тепло. Открытая и освещенная солнцем поверхность песка нагрелась до +16°C.

Саксаульные воробьи (*Passer ammodendri stoliczkae*) громко щебетали, а одинокий серый сорокопут (*Lanius mollis* [*Lanius exeubitor*]) отлично пел; заметив наше присутствие, эта умная птица смолкла и улетела, не пустив к себе в меру выстрела. Из других пернатых в этой местности мы по-прежнему много наблюдали больдуруков (*Syrhaptes paradoxus*), а из млекопитающих впервые здесь встретили антилопу хара-сульту (*Gazella subgutturosa*) и крупную песчанку (*Gerbillus giganteus* [*Rhombomys opimus* – большая песчанка]), выдававшую себя громким писком.

Из наиболее глубокой котловины по затейливо обдутым красным хан-хайским отложениям⁶⁵ мы поднялись на хрящеватую возвышенность, на которой резко выражена кукухотосская дорога. По этой дороге мы прошли несколько верст и расположились биваком у прекрасного ключа Тала-хашата. Воображаю, как хорошо должно быть здесь летом, каким уютным уголком для путешественников представляется тогда этот богатый родник, с шумом расплывающийся серебристыми лентами по скату, одетому изумрудным лугом. Рядом со случайным человеком тут хорошо устраиваются пролетные и гнездящиеся птички и во множестве летают разноцветные бабочки, или украдкой по утрам и вечерам пробираются на водопой осторожные, легкие газели.

Даже и теперь здесь чувствовалось некоторое оживление и уютность, даже и теперь ключевой скат был свободен ото льда, сплошную корой залежавшего по озеровидной равнине. Ключ выбегал из земли сильной струей, чистойшей, как кристалл воды, с температурой +1,4°C, весело журчавшей по крутизне ската.

От Тала-хашата открывается широкий вид на Монгольский Алтай, на хорошо знакомый мне еще по предыдущему путешествию массив Арца-богдо, с его характерными воронкообразными вершинами. Туда как раз и убегала большая извилистая дорога, в соседстве которой залегают колодец Чацеринги-худук – астрономический пункт Монголо-Камской экспедиции. Теперь по этой дороге тащился большой торговый караван, везший в Куку-Хото кожи, шерсть и другое сырье. Китайские верблюды выглядели страшно измученными, усталыми; не в лучшем виде были и проводники монголы, жаловавшиеся на стужу и бескормицу, из-за которых они лишились до десяти вьючных животных. Сравнительно с китайскими, наши верблюды считались хорошими, и мы совершенно безбоязненно смотрели на впереди лежащие горы.

---

⁶⁵ Ханхайские отложения – согласно гипотезе Фердинанда фон Рихтгофена, это отложения центральноазиатского моря Хан-хай, о котором писали китайские историки. В. А. Обручевым доказано, что эти отложения являются материковыми, созданными реками и озерами, и моря Хан-хай не существовало. Ханхайские отложения состоят из самых разнообразных слоев. Преобладают красные крупнозернистые песчаники, переслоенные конгломератами; затем идут слоистые желтые суглинки, переслоенные красноватым песком, и красноватая пластинчатая, или комковатая глина, содержащая мергель, гипс и поваренную соль. Соотношение этих разнородных слоев довольно неясное и неопределенное. Органических остатков эти породы почти не содержат, но большинство исследователей считает их третичными.

Глава третья. Горы Гурбун-сайхан, ставка Балдын-цзасаба и следование к Эцзин-голу

Характеристика пути через горы Гурбун-сайхан: северный склон, перевал Улэн-дабан и южный склон. – Приветствие от Балдын-цзасака и наш лагерь в соседстве со ставкой этого монгольского князя. – Первое знакомство. – Частые свидания, переговоры о дороге на Эцзин-гол и о развалинах Хара-Хото⁶⁶. – Экскурсия вглубь Цзун-сайхана. Бедность животной жизни. – Сборы в пустыню. – Горы Шара-хада. – Урочище Буктэ. – Безотрадная пустыня и первое впечатление при виде озера Сого-нор.

Величественный массив Гурбун-сайхан⁶⁷, к которому мы теперь приближались, состоит как бы из трех отдельных хребтов: западного – Барун-сайхан, среднего – Дунду-сайхан и восточного – Цзун-сайхан, расположенных на одном общем обширном и высоко поднятом пьедестале. В. А. Обручев, который в свое время также обратил серьезное внимание на такое резкое деление рассматриваемого массива в вертикальном направлении, справедливо полагает, что вертикальное простираение пьедестала над прилегающими долинами превосходит относительную высоту самого хребта, лежащего на этом пьедестале.

По мере приближения к Гурбун-сайхану горы вырастали; все яснее и ярче белел снег, покрывавший северные склоны Дунду-сайхана в их верхнем и среднем поясах. Передовые цепи – Аргалинтэ и Халга, продолжением которых на востоке служили отдельные вершины Буйлусэн, Дэн и Хучжар, заслоняли собою некоторые части главного массива и суживали горизонт. Растянувшись длинной вереницей по ковыльной щебневой степи предгорья, наш караван особенно выделялся на золотистом фоне пышной густой травянистой растительности. Эти прекрасные пастбища привлекали к себе не только монголов с их табунами лошадей, рогатого скота и баранов, но также и диких обитателей степей, быстрых, грациозных цаган-цзере (*Gazella gutturosa*) и хара-сульт (*Gazella subgutturosa*), которых мы во множестве наблюдали на нашем пути. Живя в постоянном соседстве с домашним скотом мирных кочев-

⁶⁶ Хара-Хото – (монг. черный город) – остатки монгольской крепости Эцзина (Хэйжунчен) XI–XIII вв. в низовьях реки Эцзин-Гол в Монголии. Разрушена в 1226 г. Чингисханом. П. К. Козлов полагал, что Хара-Хото являлся столицей древнего тангутского государства Си-Ся.

⁶⁷ Гурбун-сайхан в переводе означает «три красивых, прекрасных». (Примеч. П. К. Козлова)

ников, эти прелестные животные мало боятся людей, а потому держатся не очень строго и нередко позволяют любоваться собою, подпуская в меру хорошего выстрела. Таким образом без особого труда нами был добыт отличный экземпляр молодого самца *Gazella gutturosa*.

Пользуясь близостью стойбища должностного лица монгольской власти тусалакчи-цзасака, я на время оставил караван и заехал к нему с тем, чтобы заручиться местным проводником. Несмотря на то что сам тусалакчи находился в отсутствии – в Пекине, я был очень любезно принят его супругой, которая обещала всякое содействие и действительно в тот же вечер прислала нам проводника.

Дальнейший путь пересекал пригурбун-сайханскую степь, напомнившую мне, между прочим, по своему общему характеру степи Куку-нора; пройдя ее, экспедиция расположилась на ночлег в урочище Цаган-иргэ-буцэ с расчетом на следующий день перевалить хребет и спуститься в ставку монгольского князя Балдын-цзасака, где мы намеревались устроить довольно продолжительную остановку.

Упорно преследовавший нас в течение значительного периода времени резкий юго-западный ветер дул и на этот раз, но, по обыкновению, к вечеру стих. Омрачавшая воздух тонкая пыль была отброшена в долину, на прозрачном небе заиграла дивная заря. Зори Центральной Монголии вообще отличаются необыкновенной тихой прелестью. Чистый воздух способствует тому, что нежные переливы тонов выступают как-то особенно рельефно и создают неподражаемую по своему художеству картину. Долго, бывало, стоишь недвижимо и молча смотришь в сторону тускнеющего заката; краски ежеминутно меняются, переходя от пурпурных к розовым и фиолетовым. Небо постепенно становится темнее, глубже, и одна за другою загораются звезды, сначала первой, затем средней и малой величины. Луна украдкою выглядывает из-за отдаленных, резких по очертаниям вершин гобийских высот. Природа земная засыпает, а небесная открывает свое заманчивое величественное царство.

На следующее утро, восемнадцатого февраля, мы выступили в дорогу с особенным подъемом духа, так как все были осведомлены, что остался лишь один переход до приятного, заслуженного отдыха на южных склонах Монгольского Алтая. Вид приближавшихся гор невольно радовал глаз. Теперь уже ясно выступали отдельные скалы, расщелины, альпийские луга. Еще несколько верст, и экспедиция вступила в узкое извилистое, отчасти засыпанное снегом ущелье, которое должно было привести нас к перевалу. Чем выше мы поднимались, тем круче и каменистее становилась тропинка. Внизу под нами на луговой террасе виднелись кэрэкурсы (древние могилы) в виде каменных пирамид, по дну ущелья бежал, монотонно журча, ручей, а кругом стояла невозмутимая мертвенная тишина. Редкие кочевья монголов жались в пазухах гор, по унылым утесам держались одни красноклювые клушицы (*Graculus graculus* [*Pyrhocorax pyrhocorax*]), да кое-где вспархивали альпийские вьюрки (*Montifringilla alpicola*).

Перевал Улэн-дабан⁶⁸ расположен в западной части Дунду-сайхана и, как все перевалы не только в Монголии, но и вообще в Центральной Азии, увенчан обо. Вблизи обо на плоской, занесенной снегом вершине перевала мы были встречены вестовым монголом, который должен был указать экспедиции точное местонахождение ставки Балдын-цзасака. Здесь же мы произвели барометрическое определение абсолютной высоты Улэн-дабана, выразившееся в 7985 футах [2436 м], а затем стали осторожно спускаться к югу, где Гурбун-сайхан обрывается особенно крутыми и высокими утесами. Вблизи нас гордо, без взмаха крыльев, парил бурый гриф (*Vultur monachus* [*Aegypius monachus*]), а внизу, в стесненной части ущелья, с подтянутыми к туловищу крыльями стрелою пронесся мощный сокол типа *Gennaia* [*Falco*].

---

⁶⁸ Дабан – перевал (монг.).

Оставив ущелье, мы переменили курс на восток и стали продвигаться вдоль южного подножья скалистых гребней массива, пересекая многочисленные узкие овраги и лога, которые предательски скрывали расстояние. Лучший монастырь балдын-цзасакских владений, Хошун-хит, приютился на правой береговой террасе глубокой балки. Когда мы проходили мимо, ленивые, апатичные ламы оставили свое убежище и поднимались на приветливые горные скалы, чтобы погреться на теплом весеннем солнышке. Обширная котловина, примыкающая к южным склонам Барун– и Дунду-сайхана, была покрыта сплошным снегом и ограничивалась на далеком южном горизонте плоскими горами Ихэ– и Бага-аргалинтэ.

Наши усталые верблюды тащились вперед очень медленно, все мы с нетерпением ожидали, когда, наконец, покажется ставка местного управителя. Вдруг совершенно неожиданно, словно из земли, вынырнули два всадника: один из них был участник экспедиции – казак Бадмажапов, командированный мною еще с перевала вперед с приветствием монгольскому князю, а другой – чиновник Балдын-цзасака, привезший мне поклон своего начальника вместе с голубым хадаком и приглашением на чашку чая. Через несколько минут, обогнав усталый караван, мы вступили в урочище Уголцзин-тологой, где на приветливом лугу уже стояли две юрты и голубая палатка, предусмотрительно приготовленные для участников экспедиции. Это видимое внимание к нам – путешественникам – и доклад Бадмажапова искренне порадовали меня, и я с особенным удовольствием отправился пить чай к гостеприимному Балдын-цзасаку.

Состоящая из четырех юрт княжеская ставка была расположена восточнее, в расстоянии почти версты от нас, в небольшой ложине и несколько скрыта от глаз. У первой, предназначенной для гостей юрты нас любезно встретили чиновники, которые тотчас по входе в юрту усадили меня на почетное место; перед моим мягким сиденьем из ковровых подушек незаметным образом появился маленький столик с угощением – чашкой монгольского (с молоком и маслом) кирпичного чая и целым блюдом превкусных хлебных лепешек, сахара и изюма. Вскоре показался и радушный хозяин, прифранченный парадным одеянием.

Маленького роста, с приятным, открытым, не лишенным некоторого благородства лицом и живой общительной речью, добродушный старичок Балдын-цзасак с первой встречи возбудил во мне чувство самой искренней симпатии. Обменявшись приветствиями, князь стал расспрашивать меня о ходе путешествия, о страннической жизни, о нашей родине и припомнил, как в мое предыдущее путешествие мы с ним заочно переговаривались через посредство его чиновников и моего незаменимого, тогда юного спутника Цокто Гармаевича Бадмажапова. Приближение каравана к месту лагеря прервало нашу дружескую беседу и, распрощавшись со своим новым приятным знакомым, я поспешил навстречу первому подходившему эшелону.

К вечеру того же дня князю были посланы подарки.

Серебряная кюетка с миниатюрой Цзонхавы

С первого дня расположения нашего бивака при урочище Уголцзин-тологой мы наладили барометрические и другие регулярные метеорологические наблюдения, наметили ряд необходимых астрономических определений и желательных геологических и зоологических экскурсий в горы. Все, казалось, благоприятствовало нам, ощущалось лишь маленькое неудобство от отсутствия воды, которую приходилось заменять талым снегом, залежавшимся под тенью горных выступов, и малого количества дров. Абсолютная высота Уголцзин-тологоя выразилась в 6160 футов [1878 м]. Весна постепенно, как бы боязливо, вступала в свои права: ночная минимальная температура до конца февраля упорно держалась от -15 до -12°C , первый раз днем⁶⁹ в тени, записано было показание термометра выше нуля ($+0,8^{\circ}\text{C}$) только 27 февраля⁷⁰.

Горы Цзун-сайхае заметно темнели, освобождаясь от снежного покрова, который уже почти исчез в примыкающей к ним с юга котловине Устын-тала. В пасмурные дни снежные тучи убеляли морщины прилежащих гор, но этот свежий снег обыкновенно скоро испарялся. Воздух, вообще говоря, был крайне сух. В самом конце февраля в ущельи ближайших гор,

⁶⁹ Дневное показание термометра, обыкновенно, отсчитывалось в 1 час. (Примеч. П. К. Козлова)

⁷⁰ На следующий день, 28 февраля, в тот же час t° поднялась до $+2,7^{\circ}\text{C}$, а 29 февраля – уже до $+4,6^{\circ}\text{C}$. (Примеч. П. К. Козлова)

в колодце, нами были обнаружены креветы, державшие себя весьма оживленно. Но больше всего чувствовалось приближение весны на утренних зорях, в особенности в тихую ясную погоду, когда до слуха долетал отрадный голос ушастого жаворонка (*Otocorys brandti*).

Первые два-три дня нашего пребывания в Уголцзин-тологое мы были почти исключительно заняты переговорами с князем относительно предстоявшего пути к Эцзин-голу. И князь, и его два советника старались убедить меня, что в указанном направлении нет дорог, что тут только пустыня – то каменистая, то песчаная, что даже самые лучшие верблюды едва ли будут в состоянии дойти до Эцзин-гола. В дальнейшем следовании экспедиции от Эцзин-гола на Алаша-ямунь, по словам Балдын-цзасака, нам придется иметь дело с Торгоут-бэйлэ. Во владения же этого последнего, в конце концов, взялся доставить экспедицию мой приятель, кстати сказать, за высокую плату.

Когда вопрос о нашем дальнейшем пути был таким образом решен положительно, и даже назначено первое марта как день выступления каравана в дорогу, Балдын-цзасак не преминул спросить меня: «Почему вам во что бы то ни стало желательно идти именно на Эцзин-гол, а не прямо в Алаша-ямунь, куда и дорога хорошая, и времени потребуется меньше, а потому меньше трудов и лишений и меньше материальных издержек; вероятно, – добавляет князь, – на Эцзин-голе у вас предвидится какой-нибудь большой интерес?!» – «Да, – ответил я Балдын-цзасаку, – вы правы: там имеются очень любопытные развалины старинного города!» – «А вы откуда это знаете? – вопрошает мой собеседник. – «Из книг наших путешественников и из писем моих друзей, – отвечаю я. – «Вон оно что, – глубокомысленно протянул князь. – Я слышал о Хара-Хото от моих людей; они бывали там; ведь действительно существует город, обнесенный стенами, но он постепенно засыпается песком.

Говорили мне, что там на развалинах бывают торгоуты и копают, и ищут скрытых богатств. Слышал я, что будто бы кое-кто и находил кое-что. Вот пойдете, увидите, а может быть, что-либо замечательное и сами найдете. Вы, русские, все знаете, и только вам под силу такие работы. Мне кажется, торгоуты не станут препятствовать вашей дороге на развалины, как не будут препятствовать и самим раскопкам; хотя должен заметить, что до сих пор никто, подобно вам, не был там, и торгоуты до последнего времени тщательно скрывают Хара-Хото и старинный путь через этот город в Алаша-ямунь». «Пожалуйста, – в заключение сказал Балдын-цзасак, – не говорите, что я вам сообщил о развалинах, а просто заявите, что «сам знаю» и что строго спросил у Балдын-цзасака проводников и верблюдов для того, чтобы прибыть в ставку Торгоут-бэйлэ». Наши улыбающиеся взгляды встретились, я привстал и крепко пожал обе руки моего приятеля.

Теперь я более, нежели прежде, лелеял мечту не только попасть на развалины, но и поработать на них, и при счастье успешными находками древностей порадовать Географическое общество – тех из моих друзей, которым перед отъездом в путешествие я доверил мой затаенный план.

С моим соседом Балдын-цзасаком я виделся ежедневно; он познакомил меня со своей семьей, которая состояла из жены – очень представительной монголки с крупными, но приятными чертами лица, трех сыновей и трех дочерей. Два старших сына – болезненные, слабые молодые люди – служили ламами; один – при княжеском хошунном монастыре, другой – в Урге; младший их брат Цюльтум – красивый, здоровый, лихой монгол, произведенный китайским правительством в дворянское достоинство, был мне особенно симпатичен. Бывая часто на экспедиционном биваке, старый князь особенно интересовался нашим вооружением и не скрывал страстного желания приобрести револьвер и винтовку Бердана.

Оружие, вообще говоря, – страсть номадов. За оружие номады готовы пожертвовать почти всем из своего неприхотливого достояния. Когда я подарил Балдын-цзасаку револьвер и пообещал подарить еще и желанную винтовку, с условием, однако, чтобы он уступил мне его старинное монгольское ружье, старик так обрадовался, что забыл свое нездоровье, на

которое он до тех пор сетовал, глаза его заискрились, он схватил сначала одно, затем другое из моих ружей и стал ими прицеливаться, а потом всячески упражняться; устав двигаться, князь присел, не выпуская ружей, и начал их словно ласкать, нежно проводя рукою по стволам. На мой вопрос к Балдын-цзасаку: «Каковы наши ружья?» – князь улыбнулся, поднял вверх большой палец правой руки, как знак высшей похвалы. В заключение моему приятелю была показана русская стрельба из ружей и револьверов: князь и его свита пришли в дикий восторг!

Жизнь на нашем биваке проходила в непрерывных занятиях; закончив деловые разговоры с Балдын-цзасаком и произведя астрономические наблюдения, мы занялись сортировкой и укладыванием коллекций, три ящика которых вместе с отчетами и письмами были отправлены на родину.

Очень часто среди рабочего дня нас осаждали родные и близкие монгольского князя, а то и просто соседи. Всех этих местных обитателей привлекал наш незаменимый в путешествии музыкальный инструмент – граммофон. В этом случае номады превращались в восторженных любопытных детей. Они смеялись, стремились залезть головою в рупор, спрашивали, кто поет, и особенно восхищались пластинками, где слышался лай собак и пение петуха! Много раз просили воспроизвести подражание ржания лошади, мычание или крик верблюда, бляение барана и проч. Оперные вещи им совсем не нравились, но исполнение русских хоровых песен с аккомпанементом гармоники или пластинки, передававшие военные марши и проч., также вызывали бурную радость.

За все наше десятидневное пребывание в урочище Уголцин-тологой, нам только однажды удалось совершить экскурсию вглубь соседних гор. Скалистая часть Цзун-сайхана, куда мы отправились с геологом А. А. Черновым и двумя препараторами, в своих наиболее выдающихся частях, как например, вершина Хайрхан, подымалась до 8200 футов [2500 м] над уровнем моря и характеризовалась крупными галечными ущельями, в которых все же находила себе место травянистая и полукустарниковая растительность, предпочитавшая вообще мягкие скаты и террасовидные части долин, обеспечивавшие прокормление многочисленных стад Балдын-цзасака. По сухим руслам рек во многих местах имелись колодцы с отличной родниковой водой.

Представляя, таким образом, прекрасные пастбища, горы Цзун-сайхан отличались умеренным и, скорее, даже прохладным климатом в летние месяцы, и давали возможность как диким, так и домашним животным спастись от изнуряющей жары, царящей летом в соседней Гоби. В смысле зоологических коллекций наша экскурсия оказалась крайне неудовлетворительной; из зверей мы видели, да и то на порядочном расстоянии, лишь волка и антилопу (*Gazella sudgutturosa*) и добыли интересную скалистую пищуху (*Lagomys*). Из птиц же наблюдали прежних бурых грифов (*Vultur monachus* [*Aegyptius monachus*]), соколов (*Hierofalco et Tinnunculus* [*Cerchneis*]), альпийских вьюрков (*Montifringilla alpicola*), филина (*Bubo*), который взлетел с горного ската и вскоре скрылся из глаз, но добыть удалось только завирушку (*Spermolegus fulvescens* [*Prunella fulvescens*]). Зато геолог, как всегда, был щедро вознагражден обстоятельным сбором пород, слагающих восточную часть массива Гурбун-сайхан.

В ближайшей окрестности нашей стоянки по части пернатых было также бедно по количеству особей и по разнообразию их. Самым обыкновенным посетителем экспедиционного бивака был черный ворон (*Corvus corax*), который неделимой парой появлялся с утра, проводил с нами весь день, а на ночь улетал в ближайшие горы; затем маленькое оживление вносили вьюрки (*Montifringilla alpicola et Pyrgilauda davidiana*) да саксаульная сойка (*Podoces hendersoni*). Крупные соколы и орлы, а также быстрокрылые больдуруки (*Syrrhaptes paradoxus*) показывались только на далеком расстоянии; хотя, впрочем, больдуруков мы нередко чувствовали, находясь и внутри юрты или палатки, так как эти птицы

пустыни свое присутствие обнаруживали резким шумом крыльев или оригинальным звонким голосом.

Между тем время летело быстро; близился конец февраля, этого бурного, холодного месяца. По нашим наблюдениям, тихие дни встречались в виде исключения, обыкновенно же дули стойкие западные, с большим или меньшим уклоном к северу или югу, ветры, приносящие с собою тучи пыли, которая иногда, надолго омрачала атмосферу. Случалось, однако, и так, что новыми, более сильными порывами та же пыль уносилась вдоль гор. Во время монгольской, или гобийской бури положительно негде укрыться: ветер легко пронизывает войлочные жилища. Животная жизнь тоже замирает – все прячется, все затихает и, помимо шума бури, ничего не слышно кругом. Зато после бури наступает абсолютная тишина и следующий затем день на редкость хороший: солнце начинает сразу чувствительно пригревать; снег быстро испаряется; почуввав тепло, жаворонки (*Qtocorys brandti* [*Eremophila alpestris Brandti*]) поднимаются в небесную высь, и песня их звучит по-весеннему.

С приближением конца февраля приближался и день выступления каравана в дальнейший путь. Люди отряда, с фельдфебелем Ивановым во главе, энергично заканчивали ремонт походных принадлежностей и заготовку сухого бараньего мяса⁷¹, так как, по словам монголов, впереди лежащая дорога до Эцзин-гола пролегла по пустынной и безлюдной местности. В свою очередь и мы, члены экспедиции, заканчивали отчеты и последние письма; словом, все приводилось в походный порядок. Накануне снятия бивака мы все положили последние камни – булыжники на вершину большого обо, сооруженного экспедицией в ставке Балдын-цзасака. Эта каменная пирамида должна была отмечать собою точное местонахождение астрономического пункта, нанесенного на карту путешественниками, а кроме того – напоминать монголам о продолжительной стоянке экспедиции Русского географического общества.

Холодным пасмурным утром первого марта мы снялись лагерем и в сопровождении симпатичного князя и его свиты направились на юго-юго-запад. Небольшая пока-тость вскоре привела караван в самую низкую часть прилежащей долины, к колодцу Бартан-худук. Здесь снега не было и в помине; температура воды в колодце в 1 час дня выразилась +0,2°C; в воздухе слышалось отрадное пение маленьких жаворонков (*Pseudalaudula rispoletta Seebohmi* [*Calandrella rufescens*]). Отсюда Балдын-цзасак должен был возвратиться к своему стойбищу, откочевавшему в соседние горы. Старик дружественно расстался с нами и на прощанье успел шепнуть мне на ухо: «Прощай, я уверен, что ты попадешь в Хара-Хото и найдешь в нем немало интересного». Еще несколько минут – и мой приятель исчез из вида: степные лошади вихрем понесли обратно ловких монгольских наездников.

Благодаря выдавшейся чистоте и прозрачности воздуха даль открывалась на большое расстояние. В полуденном направлении синели складки гор и пестрели дэрэсуном долины. Кочевники все еще жались к горам под защиту их циркообразных, обращенных к югу выемок.

Постепенно поднимаясь из впадины Бартан-худук, экспедиция в первый день своего следования втянулась в горы Аргалинтэ, сложенные из красных порфиристов и крупнозернистых гранитов, имеющих западно-восточное простирание, а во второй день пересекла

---

⁷¹ Заготовка или консервирование баранины состояло в следующем: одновременно убивалось несколько, по возможности, лучших или, иначе говоря, наиболее упитанных баранов и по снятии с их туш овчин отделялось от костей мясо; это мясо резалось на тонкие длинные кусочки, опускалось в кипящую соленую воду, примерно минут на десять или, самое большое, на 1/4 часа, а затем развешивалось на открытом воздухе, на веревках, для просушки. В течение трех – пяти дней мясо принимало надлежащий вид и часто служило нам подспорьем в продовольствии, периодически, конечно, на протяжении года. Обычно же мы ежедневно убивали барана, мясо которого съедали целиком, а шкуру отдавали проводнику. (Примеч. П. К. Козлова)

названные горы и остановилась на замерзшем или, точнее, обледенелом ключе Нюдунбулык.

Отсюда мы совершили две небольшие охотничьи экскурсии в ближайшую горную группу Шара-хада в надежде добыть горных козлов (*Capra sibirica*), что нам, к сожалению, не удалось. Осторожные звери не давали возможности подойти к себе в меру выстрела, а крутизна склонов и сопряженная с этим трудность хождения по острым камням создавали крайне неблагоприятные условия для успешного скрадывания. Один раз с биноклем в руках мне удалось всласть налюбоваться на красивых животных, проходивших вдали от меня у подошвы горы в таком последовательном порядке: впереди шла старая самка, за нею целой линией вытянулась молодежь, а в арьергарде замыкал движение старый опытный самец. Все звери, видимо, чутко прислушивались и присматривались к окружающему.

Несмотря на дальность отделявшего нас пространства, я не только стоял неподвижно, но даже старался не дышать, чтобы не нарушить цельности и естественности этой картинке дикой животной жизни. Вероятно, эта же самая компания горных козлов нами была вспугнута в первый день приезда на охоту, когда мы еще следовали вперед, к месту охотничьего лагеря. Козлы находились на выступе доминирующей вершины и, увидев нашу кавалькаду, смертельно испугались, пустились наутек и никогда потом не удалось нам подойти к ним незамеченными. Из птиц во время своей экскурсии, кроме красноклювых клушиц (*Graculus graculus* [*Pyrrhoxo rax pyrrhoxorax*]), бурых грифов (*Vultur monachus* [*Aegyptius monachus*]), соколов типа *Tirmunculus* [*Cerchneis*] и одинокой рыжебрюхой горихвостки (*Ruticilla erythrogastra* [*Phoenicurus erythrogastra*]), я не видел ничего.

С вершины Шара-хада открывался чудный широкий вид на все стороны. На юг далеко убегала пустынная равнина, постепенно исчезающая в туманной дымке; с севера горизонт обступали горы, из которых резко выделялась группа Гурбун-сайхан, красиво и контрастно отливавшая нежно-белым свежесвыпавшим снегом. Отсюда наиболее величественным казался пьедестал гор, тогда как самая ось хребта или его гребень представлялись соответственно очень малыми; в этом, впрочем, как я уже и заметил выше, заключается характерная особенность восточной, или гобийской части Монгольского Алтая.

К закату солнца третьего марта мы расположились биваком в урочище Хара-обо, несколько южнее большой дороги, к Куку-Хото⁷² через Цзурумтай и Цохоньшили. Этой ночью я наблюдал на небе оригинальное красивое явление радужного пояса вокруг луны; с севера дул легкий ветерок, по-видимому, не достигавший высших слоев разреженной атмосферы, так как тонкие перистые облачка тянулись с юга.

Дальнейший наш путь пошел в юго-западном направлении, на пересечение крайне пустынной, жалкой щегнегалечной местности, перерезаемой грядами холмов или горок – с одной стороны, и сухими руслами между ними – с другой. На этой безотрадной поверхности земли повсюду валялись образцы многогранников, источенных и отшлифованных действием ветра и песка. Единственно, что отрадно оживляло грустный пейзаж, – это антилопы хара-сульты (*Gazella subgutturosa*), которых мы за один переход видели не менее сотни голов. Изредка также высоко в небе кружил или даже пролетал над нашим караваном, а то и просто опускался на землю вблизи монгольских стойбищ гриф-монах (*Vultur monachus* [*Aegyptius monachus*]), имеющий в размахе крыльев свыше сажени.

Постепенно продвигаясь вниз по слабо выраженной покатости, мы вскоре стали встречать холмы то желтой, то красноватой глины, с обрывистыми скатами, выраставшие в мираже до огромных размеров; у подножья этих обрывов часто располагались колодцы, на

---

⁷² Город Куку-Хото, или Гуй-хуа-чен находится в северной части провинции Шаньси Внутреннего Китая, но вне Великой стены (внешней или объемлющей), проходящей верстах в восьмидесяти от него к юго-востоку по гребню северного кряжа цепи Тай-хань. (Примеч. П. К. Козлова)

одном из которых, Амын-усу, или Буктэ, экспедиция приютилась биваком. Стоянка выдалась отличной: корм для животных не оставлял желать ничего лучшего, вода также; вблизи самого лагеря протянулась полоса песчаных бугров с густыми зарослями саксаула, дававшими прекрасные дрова.

Весеннее тепло надвигалось заметно: на солнечных пригревах начали показываться первые жуки-долгоносики и пауки; в саксауловых зарослях местные воробьи (*Passer ammodendri stoliczkae*) оживленно чирикали, слышались голоса чечеток (*Aegiothus linaria linaria* [*Acanthis flammea*]), а в воздухе звонко раздавалась песнь хохлатого жаворонка (*Galerida cristata leautungensis*). Грызуны-песчанки, преимущественно крупные (*Gerbillus giganteus* [*Rhombomys opimus*]), то и дело с писком выскакивали из своих глубоких норок и, став на задние лапки, с любопытством взирали на окружающее. Живущие настоящими отшельниками, вблизи колодца, бедняки монголы специально занимаются ловлей этих грызунов, которых употребляют в пищу, уверяя, что их мясо гораздо нежнее бараньего. При помощи примитивных деревянных капканов искусный ловец может наловить в течение дня до тридцати маленьких зверьков. Получая таким легким путем подспорье в мясном довольствии, эти монголы, так же, как и алашанцы, умеют добывать себе без особых усилий и зерновой хлеб – сульхир (*Agriophyllum gobicum*). В долине, прилежащей к урочищу Буктэ, растет довольно много сульхира, и я часто наблюдал уже обмолоченные копны этого пустынного растения, причем на месте оставалась одна лишь мякина.

За Буктэ местность вновь стала волнистой. Мы миновали саксауловую заросль, которая довольно порядочно мешала свободному движению, цепляясь за платье и обдавая соленой пылью, и вступили в самую низкую часть котловины. Здесь, среди пологих холмов, на песчаном грунте ясно обрисовывались следы хуланов (*Asinus kiang* [*Equus hemionus*]), заглядывающих в эти места с Эцзин-гола, где они, по словам монголов, довольно обыкновенны.

Теперь, как и прежде, мираж – этот злой дух пустыни – из отдаленных высот и горок возводит постройки самых причудливых, самых фантастических очертаний. Досаднее всего бывало смотреть в пустыне на обманчивые дрожащие озера, постепенно удалявшиеся от усталого, жаждущего путника.

Кое-где песчано-галечные русла сопровождались рядами корявых пустынных тополей (*Populus euphratica*), на которых усаживались обособленные пары черных ворон (*Corone corone*) и одиночка-галочка (*Coloeus neglectus*), которая между прочим была отмечена мною в урочище Баг-мото, или «Аллея деревьев», где мы расположились на ночь.

Встретивший нас на стоянке у колодца резкий юго-западный ветер сильно раскачивал старые развесистые деревья, осенявшие наше войлочное жилище, и создавал тот знакомый и давно неслышанный шум леса, по которому быстро соокучивается привычное ухо, в особенности во время путешествия в столь пустынной местности, как центральная Гоби. К вечеру, когда буря утихла, мы ясно слышали крик ушастой совы (*Asio otus*), а наутро, отправившись на охоту с двумя препаратами, я добыл пять отличных экземпляров этой довольно интересной птицы. Не лишне отметить, что совы держались компанией более десяти особей и что яркий солнечный свет, по-видимому, их не особенно беспокоил. Из прочих наблюдаемых или добытых здесь пернатых можно отметить: сычика (*Athene bactriana*), сорокопуга (*Lanius mollis* [*Lanius excubitor*]) и жаворонка (*Pseudalaudula* [*Calandrella*]), звонко распевавшего свои весенние песни. В сухом каменистом русле П. Я. Напалковым были откопаны первые в этом году жуки.

Торгоут-бэйлэ с чиновниками Хара-Хото. Фотография из материалов Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова

Вблизи нашего бивуака проживали монголы, имевшие очень хороших верблюдов. В загородках из саксауловых деревьев ютились верблюжата, только что появившиеся на свет. Я с большим интересом следил за тем, с какою нежностью и любовью относились к этим косматым неуклюжим животным молоденькие девушки. Они с удивительной лаской гладили верблюжат, а иногда даже, притянув доверчивую мордочку к губам, целовали их в самый нос.

Из дружеской беседы с соседними монголами я между прочим узнал, что намеченная мною дорога на Сого-нор через урочище Шиль-бис очень пустынна, длинна и менее интересна, чем другая – прямая и более короткая, на Торцо. После тщательного обсуждения мы решили избрать второй путь, в надежде скорее прибыть к Сого-нору и лишний день провести в близком теперь уже к нам, но пока все еще таинственном городе Хара-Хото.

В последующие дни, с седьмого по двенадцатое марта, экспедиции пришлось следовать по самой безотрадней, дикой пустыне. Бесконечной чередой сменяли друг друга лога, небольшие горные кряжи, долины.

От урочища Ихэ-гун мы пошли по большой караванной дороге, ведущей прямо к Сого-нору. К северу от этой дороги тянулась обширная равнина, замкнутая на горизонте массивом Ноин-богдо, отличавшимся зубчатым профилем; на юге, вдоль горизонта, возвышался горный кряж Хонгоржэ, к восточному крылу которого направлялись приходящие с севера сухие русла.

Ввиду того, что на нашем пути колодцы встречались чрезвычайно редко, нам пришлось несколько изменить порядок передвижения; переночевав у воды, мы теперь обыкновенно выступали довольно поздно – около полудня – и шли до заката солнца. Наутро, с зарею, снова снимались лагерем и таким образом только к обеду, то есть через сутки, вновь отдыхали у отрадного ключа. Эти послеобеденные, пустынные, безводные переходы были крайне утомительны, тем более, что весна и наступавшее тепло все сильнее и сильнее давали себя чувствовать. Стали появляться мухи, жуки; по земле кое-где ползали пауки, а одиннадцатого марта мы отметили и первую ящерицу из рода *Phrynoscephalus*. Иногда встречное солнце томительно расслабляло нас. По сторонам ни зверя, ни птички – все абсолютно тихо и мертво, только ветер свободно гуляет на просторе, поднимая порою пыльные вихри.

Вообще, я должен отметить, что путь от Гурбун-сайхана до озера Сого-нора, или низовья Эцзин-гюла, на всем своем протяжении довольно пустынен и безотраден. Вода попадает только в сухих галечных руслах, выступая на поверхность земли в виде колодцев; водоносный горизонт проходит на глубине пяти-семи футов [1,5–2 м]. Из растительных форм преобладают саксаул, постепенно заменяющийся тамариксом, полукустарники и жесткие пустынные травы, охотно поедаемые только верблюдами. По моему мнению, это единственные животные, которые выдерживают знойный климат и скудность растительной пищи здешних мест.

Под вечер одиннадцатого марта, когда караван экспедиции особенно успешно шагал по слегка наклоненной к Сого-нору центрально-монгольской равнине, покрытой сплошной галькой, мы с удовольствием вперяли свой взор в серебристую полосу ближайшей к нам береговой части озера. При догоравших солнечных лучах, ярко скользивших по лону вод, в бинокль отлично виднелись стаи птиц, темной сеткой пролетавшие над открытой частью бассейна. Забывались усталость, голод и та пустыня, среди которой мы все еще находились. Какое-то особенное, высокое чувство охватывало всю вашу душу, вас самих и неудержимо влекло к месту, где жизнь весенней природы была ключом. Мы шли до сгущенных сумерек и остановились в виду Сого-нора, все еще ярко выделявшегося среди общего серого фона окрестностей. Показался наконец и своего рода маяк в пустыне – Боро-обо, сложенный на высоком северном берегу озера. Тихо спустилась на землю весенняя ночь. Небо зажглось блестящими звездами.

На следующий день нетерпение наше попасть на Сого-нор еще более увеличилось. Теперь ясно различались на горизонте нежно-белые или серебристые вереницы пролетающих цапель, лебедей или обособленно сидящих на воде чаек и крачек. Еще ближе – и мы слышали голоса птиц, но само озеро уже понемногу стало скрываться береговыми увалами. Вот наперерез нашего пути, быстро пронеслось стадо газелей (*Gazella subgutturosa*), испугавших диких ослов, или хуланов (*Asinus kiang* [*Equus hemionus*]), в свою очередь карьером умчавшихся в сторону пустыни. С последней придорожной высоты открылась широкая полоса золотистых прибрежных камышей, среди которых привольно паслись табуны торговутских лошадей. Наш караван, вероятно, заставил обратить на себя внимание: к одному из табунов с западной стороны подъехали два вооруженных всадника.

Глава четвертая. Низовья Эцзин-гола и развалины Хара-Хото

Весенний пролет птиц на Сого-норе. – Общая характеристика этого озера и низовья Эцзин-гола⁷³. – Урочище Торой-онцэ. – Животная жизнь прилежащей долины. – Хошун Торгоут-бэйлэ; современный управитель Даши. – Открытие Хара-Хото, археологические находки и местное предание о гибели этого города. – Обмен визитами с Торгоут-бэйлэ на Эцзин-голе. – Последние дни и ночевка в Хара-Хото.

Итак, в разгар весеннего пролета птиц экспедиция вступила в бассейн Эцзин-гола и при урочище Торцо, в непосредственной близости двух пресных озерков, окаймленных высокими буграми, расположилась биваком. Наши озерки привлекли птиц, хотя и были открыты лишь наполовину, наполовину же еще были затянуты посиневшим ледяным покровом, который энергично таял, в особенности днем, на солнце, когда южный склон соседнего песчаного бархана нагревался до +40°С и выше. Между самим Сого-нором, также имевшим открытую воду только в ближайшем к нам юго-восточном заливе, и нашим лагерем залегал обширный высокий камыш; этот камыш скрывал массу второстепенных озерков, на одном из которых, а именно – отстоявшем от нас верстах в трех и простиравшемся до двух верст в окружности, мы сосредоточили свои охоты и весенние наблюдения над местной природой.

Необходимо заметить, что из Торцо прежде всего мы отправили своего переводчика в ставку Торгоут-бэйлэ, чтобы завязать сношение с этим князем, от которого в большой степени зависела успешность нашего дальнейшего движения к Хара-Хото. Сами же тем временем занялись наблюдением весеннего пролета и весенней жизни птиц, проходившей одинаково оживленно как на Сого-норе, так и на более близком, отмеченном выше, скрытом в камыше озерке. Последнее своей кипучей жизнью оживило и нас. Я всегда с большим удовольствием посещал это озерко, оно будило во мне лучшие воспоминания моего самого первого путешествия в общении с незабвенным Пржевальским и невольно переносило на берега Лобнора.

Как бывало на Лобноре, так и здесь, бредешь тихонько по камышу; среди однообразной тишины слышится какое-то жужжание, временами переходящее в шум или гул. Это ликуют птицы. Иногда ясно и раздельно доносятся возбужденные голоса уток. На гори-

---

⁷³ Гол – река (монг.).

зонте везде трепещут и колышутся живые линии пернатых странников – то темные, то серебристо-белые, то сероватые. Изредка раздаются благозвучные музыкальные ноты, создающиеся лебединым полетом и неопишимо чарующие слух. Вот, наконец, с вершины холма открылась поверхность воды. Словно хлопья снега, выются в воздухе черноголовые чайки (*Chroicocephalus ridibundus* [*Larus ridibundus*]). Всюду пестрят всевозможных оттенков утки, нырки, светлые крохали, темные бакланы; кулики совершенно отсутствуют, только одна пигалица-чибис с пиканьем носится своим шатающимся полетом. Многие гуси лежат, иные беззаботно стоят или ходят и кормятся. Подле гусей спокойно плавают лебеди, ловко полуныряя за пищей, словно утки. Насколько хватает вооруженный биноклем глаз – всюду бесконечное количество плавающих пернатых.

Выстрел всегда вызывает невообразимый переполох. Шум и крики удваиваются, а то и утраиваются; воздух темнеет и буквально кишит тучами испуганных прилетных гостей, несущихся по всем направлениям. Над убитой подругой долго выются сотни других родственных ей птиц. Но вот солнце постепенно склоняется к горизонту, оживление на озере пропадает, лишь вблизи слышится мелодичное трещание камышовой стрелатки и тонкосеребристая трель усатой синицы (*Parus biarmicus ruscicus*). Вдали выются коршуны, а вблизи описывает широкие круги орлан-белохвост. Там, над мелким камышом, плавно, беззвучно, словно дозором, пролетает коричневый лунь. Где-то глухо гукнет выпь, и опять все тихо.

Медленно возвращаешься на бивак, где уже весело горит костер и собравшиеся к огоньку товарищи оживленно рассказывают друг другу об экскурсиях и переживаниях весеннего дня.

В общем могу сказать, что юго-восточная часть Сого-нора, его темно-голубые полыньи, высокий камыш, скрытые в нем более мелкие озера, обилие пернатых странников, пролетающих вереницами над серым запыленным горизонтом и положительно заглушавших своим всевозможным криком ближайшую окрестность, – все это вместе действительно живо напоминало мне весну, проведенную с экспедицией Н. М. Пржевальского на берегах Лобнора. Как тогда, так и теперь меня поражало то необычайное оживление, которое вносилось птичьим базаром. И там, и здесь меня одинаково притягивал к себе этот базар и заставлял целыми часами смотреть, любоваться на него. Глазам не верилось, что по соседству с вами, в каких-нибудь ста шагах, а нередко и гораздо ближе беззаботно плавают и резвятся, перелетая с места на место, стаи гусей, уток, лебедей, бакланов, турпанов, цапель, чаек и многих других. Все эти птицы живут, радуются, хлопчут для одной и той же цели – размножения. В разгаре перелета, даже ночью, лежа в палатке лагеря, чувствуешь повышенную энергию пернатых: то с резким шумом крыльев быстро проносятся над биваком утки, то с высоты неба раздаются голоса гусей, журавлей, то иногда среди ночной тишины гармонично льются чарующие звуки музыкального лебеда.

По показаниям, весьма достоверным, местных торгоутов и на основании наших личных предположений, началом весеннего пролета можно считать последнюю треть февраля месяца; время же, в которое мы пришли в низовье Эцзин-гола, – самым обильным, или валовым пролетом, в особенности по отношению к отмеченным выше плавающим птицам.

Двенадцатого марта, то есть в первый день наблюдений пролета птиц в бассейне Эцзин-гола, замечены: гуси серые (*Anser anser*), которые стая за стаей неслись к северу, хотя во множестве отдыхали и на местных озерах; в таком же большом количестве держались и чайки черноголовые (*Chroicocephalus ridibundus* [*Larus ridibundus*]); значительно реже давали о себе знать лебеди (*Cygnus cygnus*), турпаны (*Casarca casarca* [*Casarca ferruginea*]), гоголи (*Clangula clangula*), уткй-нырки (*Fuligula*); что же касается до уток-крякв и уток-шилохвостей (*Anas boschas et Dafua acuta* [*Anas platyrhyncha et Anas acuta*]), то они были в числе преобладающих по количеству пролетных пернатых. В тот же день нередко пока-

звалась на глаза чибис-пигалица (*Vaneilus vanellus*), да кое-где по вершинам бугров или кустарников довольно крепко сидели сорокопуть (Otomela isabellina [*Lanius cristatus*]), а у самого лагеря экспедиции с камышинки на камышинку или вершинку кустарничка то и дело перемещались чекканы (*Saxicola pleschanca* [*Oenanthe pleschanca*]).

Тринадцатого марта по-прежнему летели гуси, утки, а из вновь появившихся были: цапля серая (*Ardea cinerea*), орлан белохвост (*Haliaeetus albicilla*), коршун черноухий (*Milvus melanotis* [*Milvus migrans lineatus*]) и чеккан соловый (*Saxicola isabellina* [*Oenanthe isabellina*]).

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое марта особенно много летело с юга на север гусей, уток, лебедей, журавлей и, вероятно, других, молчаливо совершавших свой далекий путь, тогда как указанные птицы выдавали себя голосом. Днем четырнадцатого марта на наш бивак волнистым полетом прибыла белая плиска (*Motacilla alba baicalensis*), а через небольшой промежуток их стало немало: птички прилетали то парочками, то целыми процессиями. Каждый новый пролетный гость привлекал наше внимание. Под вечер на соседнем озере появился крохаль-луток (*Mergus albellus*).

Пятнадцатого марта среди уток, крякв и шилохвостей ярко выделялись красавицы пеганки (*Tadorna tadorna*), а также утки широконоски (*Spatula clypeata* [*Anas clypeata*]), нырки красноклювые (*Fuligula rufina*) и бакланы (*Phalacrocorax earbo*). В этот же день периодически много тянуло на север уже отмеченных выше серых цапель.

Шестнадцатого марта утром на наших озерах плавали: лысуха (*Fulica atra*), нырецьчомга (*Podiceps cristatus*) и немногие другие, упомянутые ранее. Из вновь прилетевших был только чеккан черногорлый (*Saxicola deserti atrigularis* [*Oenanthe deserti atrogularis*]), прибавивший маленькое оживление в нашем лагере.

На следующий день – семнадцатого марта – экспедиция уже перекочевала на Эцзингол, в урочище Торой-онцэ. Здесь в вышине неба ликовали сарычи (*Archibuteo hemiptilopus* [*Butte hemilasius*]), потрясая воздух звонким клетотом.

Восемнадцатого марта впервые выдал себя характерным свистом кроншнеп большой (*Numenius arquatus*), который на следующий за тем день ютился на отмели речки и прилегающей к берегу луговине; невдалеке важно расхаживала пара черных аистов (*Ciconia nigra*).

Двадцатого марта над биваком экспедиции кружилось до десятка коршунов черноухих, зорко высматривавших кухонные отбросы и в известный момент стремительным налетом схватывавшие их. Через день – двадцать второго марта – оригинально гукала выпь (*Botaurus stellaris*).

Двадцать четвертого марта⁷⁴ вдоль долины пронесся лебедь кликун (*Cygnus musicus* [*Cygnus cygnus*]), огласивший тихий воздух дивной мелодией.

Таковы в общих чертах наши скромные наблюдения частичного весеннего пролета птиц и пробуждения весенней жизни в низовьях Эцзин-гола.

Озеро Сого-нор простирается в окружности до пятидесяти верст. Его юго-восточное побережье, с которым нам удалось больше познакомиться, имеет низменный характер; почва, сырая и топкая у самой воды, по мере удаления от береговой линии озера несколько повышается и становится суше; здесь залегают глинисто-лессовые наслоения, постепенно сменяющиеся песками и песчаными барханами.

Сого-нор расположен в наиболее глубокой котловине центрально-гобийской пустыни – на 2750 футов [838 м] над уровнем моря. Цвет водной поверхности его крайне изменчив, в зависимости от освещения и расстояния, на котором приходится быть наблюдателю.

---

⁷⁴ Тогда же впервые наблюдался молодой зеленый камыш, едва пробивавшийся из влажной земли; 25 марта сорока (*Picus pica bactriana*) обновляла гнездо; 28 марта мухи, жуки и ящерицы стали показываться чаще и чаще; лужайки зазеленели, температура воды в речке в 1 час дня = +11,3°C; в то же время южный склон песчаного бархана, его поверхность была накалила до +54,4°C; 30 марта из норы выползла серая длинная тонкая змея погреться на солнце. (Примеч. П. К. Козлова)

В общем, преобладающих тонов два: зеленоватый, который получается с близкого расстояния, и темно-голубой – издали. Вкус воды – слегка соленый и при нужде она вполне пригодна для питья. В озере имеется один лишь вид рыбы – карась (*Carassius carassius auratus* [*Carassius auratus*]), судя, по крайней мере, по нашим наблюдениям и образцам ихтиологической фауны. (Определить рыб, привезенных экспедицией, любезно взял на себя труд профессор Л. С. Берг.) Весьма любопытно, что до сего времени во внутреннем центральноазиатском бассейне карась вообще не наблюдался и никем из путешественников добыт не был.

По сведениям, полученным на месте от торгоутов, большое береговое пространство Сого-нора на юго-востоке⁷⁵, занятое теперь сплошь высоким камышом, четыре года тому назад представляло из себя открытый юго-восточный залив озера, или, точнее, его продолжение в глубь материка. В те времена и восточный рукав Эцзин-гола – Мунунгин-гол – был сравнительно более богат водою; сейчас избыток воды вместо этого рукава направился по другому – Морин-голу, впадающему в соленое озеро Гашун-нор. Нужно заметить, что русла центральноазиатских пустынных рек, вообще говоря, довольно неустойчивы, а потому и довольно нередко меняют свое положение.

И в бассейне Тарима⁷⁶, его нижнего течения, и здесь мощные речные отложения покрывают площадь на значительных пространствах. Имеются несомненные данные не только о перемещении вод в рукавах, но и о передвижениях нижних частей русел, вызываемых перенакоплением речных осадков в одних руслах и усиленным размывом в других. Тонкие речные песчано-глинистые осадки, оставленные реками при перемещениях их вод или при передвижениях их русел, дают богатый материал для эоловых образований.

Наличие этих свойств пустынных рек, как в эцзингольской системе, так и в системе Тарима, еще более сближает характер этих бассейнов и создает почти неотличимое сходство. Как здесь, так и там встречаются почти одни и те же представители растительного и животного мира. Как здесь, так и там воздух до крайности сух и вечно наполнен тончайшей лёссовой или солено-лессовой пылью, горизонты так же коротки и так же бледен диск дневного светила.

Четыре дня, проведенные при озере Сого-норе среди ликующей весенней природы, промелькнули незаметно.

Посланный к торгоут-бэйлэ казак Бадмажапов возвратился с положительным результатом: принявший сначала очень надменный вид монгольский, или торгоутский князь вскоре изменил политику, поручил своему полицейскому проводнику доставить экспедицию в соседство его ставки Даши-обо, на левом берегу Морин-гола и пообещал полное содействие по переходу Алашанской пустыни и по достижению развалин Хара-Хото.

Надо было торопиться с выступлением. Шестнадцатого марта я пошел последний раз взглянуть на ближайшее к нашему биваку озерко, уже совершенно освободившееся ото льда. Вода значительно прибыла; на тихой голубой ее поверхности под лучами утреннего солнца беззвучно скользили лысухи, утки-кряквы и нырки; посередине озерка беззаботно плавал одинокий нырец-чомга.

Так как Мунунгин-гол своим разливом мог помешать нашему движению, мы на время оставили его долину и направились рядом с полосой высоких песчаных барханов, и следо-

---

⁷⁵ Северо-западный берег Сого-нора возвышенный, слагается из порфировых холмов, на одном из которых, наиболее высоком, красуется большое обо. (Примеч. П. К. Козлова)

⁷⁶ Тарим – крупнейшая река Центральной Азии. Длина ее составляет 2030–2090 км. Тарим образуется при слиянии рек Аксу и Яркенд и течет в восточном направлении, огибая пустыню Такла-Макан. Н. М. Пржевальский – первый исследователь Тарима, писал, что: «У местных жителей описываемая река всего реже известна под именем Тарима. Обыкновенно ее называют Яркенд-дарья, по имени Яркендской реки, наибольшей из всех, дающих начало Тариму. Последнее имя, как нам объясняли, происходит от слова «тара», т. е. пашня, так как воды Яркендской реки в верхнем ее течении во множестве служат для орошения полей». Н. М. Пржевальский «От Кульджи за Тянь-шань и на Лобнор», стр. 41, ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы, М. 1947.

вали к урочищу Торой-онцэ вдоль сухого рукава реки, несшего следы пребывания довольно большого количества воды; там и сям замечались остатки древних плотин и мельниц.

Достигавшие восьмидесяти и даже ста футов [до 30 м] в высоту, песчаные барханы залежали по соседству с долиной реки, имея преобладающее направление – меридиальное. Некоторые из барханов стояли отдельно, некоторые извивались змеей, характеризуясь самыми причудливыми очертаниями, среди которых выделялись конусы с равнобокими скастами, указывающими на постоянную периодичность господствующих западного и восточного ветров. Во время нашего движения поднялся сильный восточно-юго-восточный ветер, оживлявший пески: отдельные вершины песчаных холмов стали куриться, словно вулканы – песок взвивался кверху и падал обратно столбом; ветер передувал песок с крутой стороны бархана на пологую и нес его дальше, к щебневой равнине. Скоро ветер перешел в бурю. Окрестности заволокло густою пылью, омрачившей воздух и сократившей горизонт до полуверсты. По равнине потянулись длинные песчаные полосы, напоминавшие нашу поземку. Периодически встречные порывы бури спиралью дышали, песок слепил глаза, не давая возможности ступить шагу; не только мелкий песок, но даже и крупные песчаные зерна высоко взлетали на воздух и до чувствительной боли хлестали в лицо сидящих верхом на верблюде. С гребней придорожных барханов песок сдувало массами и видоизменяло их второстепенные очертания.

Потеряв среди пыльного тумана настоящее направление, наш проводник слегка сбился с пути, но общими усилиями нам все же удалось довольно скоро добраться до колодца Омуктала, миновав по дороге развалины башни Атца-цончжи, сложенной из сырца-кирпича с тростником и служившей во времена Хара-Хото, вероятно, своего рода сигнализационным пунктом. На следующий день, семнадцатого марта, мы прибыли в урочище Торой-онцэ, которое было отмечено для нашей стоянки самим князем Торгоут-бэйлэ.

Берущая начало в снеговых полях величественного Нань-шаня река Эцзин-гол стремительно несется к северу, борясь с горячим дыханием пустыни почти на протяжении пяти-сот верст, прежде нежели окончательно погибнет, разбившись на многочисленные рукава, воды которых собираются в двух бассейнах: восточном – меньшем, проточном, почти пресном Сого-норе и западном – раза в три-четыре большем, нежели Сого-нор, замкнутом соленом Гашун-норе. Главнейшими рукавами Эцзин-гола являются: многоводный Морин-гол, впадающий в Гашун-нор, и весьма бедный водою Ихэ-гол, в свою очередь делящийся еще на несколько рукавов, самый восточный из которых – Мунунгин-гол, и заканчивающийся в Сого-норе. Такое распределение воды в низовьях Эцзин-гола не имеет, по-видимому, постоянного характера; из данных, приведенных В. А. Обручевым, а затем и А. Н. Казнаковым, видно, что в те времена, наоборот, Ихэ-гол, т. е. «Большая река», оправдывал свое название: имел значительно большее количество воды, нежели Морин-гол. По сравнительным данным путешественников и показаниям туземцев можно заключить, что на протяжении известного исторического времени перемещение водных артерий нижнего Эцзин-гола происходит с востока на запад.

Барханы, поросшие тамариском.
Фотография из архива П. К. Козлова

Урочище Торой-онцэ, где нам предстояло прожить некоторое время, расположено на правом, более высоком берегу Мунунгин-гола. Эта река, постоянно менявшая свой уровень, в наше время достигала семидесяти – восьмидесяти [до 25 м], а местами и ста футов ширины [30 м] при двух-трех футах глубины [0,6–0,9 м] и плавно, но довольно стремительно катила свои мутные илистые воды, по которым изредка скользили небольшие стекловидные льдинки. Тихие монотонные берега мало отражали на себе весеннее настроение природы; правда, по бортам берегов начал зеленеть камыш, да кое-где на отмелях виднелись пролетные странники, как, например, стайка больших кроншнепов или пара черных аистов. В тихие ясные проблески, отдыхая от надоедливых западных и восточных бурь, мы наблюдали за парой нарядных фазанов (*Phasianus satscheuensis* [*Phasianus eolchicus satscheuensis*]), ютившихся неподалеку от бивака. Изредка мимо нас вдоль течения реки тянулись гуси, лебеди, крикливые чайки, а над лагерем почти постоянно кружились коршуны, издавая свой переливчатый свист и стремглав бросаясь на куски развешанного казаками для высушки мяса. Зато и казнили же их наши препараторы за такую дерзость. По вечерам слышалась приятная песенка местной певуны, небольшой юркой кустарницы – *Rhopophilus pekinensis albosuper-ciliaris*.

Из оседлых птиц в низовьях Эцзин-гола мы наблюдали, помимо отмеченных выше, усатых синиц (*Panurus biarmicus russicus*), камышовых стренаток (*Synchramus pyrrhuloides* [*Emberiza pyrrhuloides*]), сорок (*Pica pica bactriana* [*Pica pica*]), ворону черную (*Corone corone* [*Corvus corone*]), галочку (*Coloeus neglectus*), соек саксаульных (*Podoces hendersoni*), одиночек черных воронов (*Corvus corax*), воробьев (*Passer ammodendri stoliczkae*), хохлатых жаворонков, (*Galerida cristata leauhmngensis*), а из зимующих: сарычей, луней, сорокопутов (*Lanius*), рыжебрюхую краенохвостку (*Ruticilla erythrogastra* [*Phoenicurus erythrogastra*]) и многих других. Что же касается до маммологической фауны, то в этом отношении долине

Эцзин-гола свойственны: антилопа хара-сульты, волки, лисицы, дикие кошки, рысь, различающаяся у туземцев по оттенкам шерсти: красноватым, сероватым и темным, заяц, песчанки и другие более мелкие грызуны.

Вблизи нашей стоянки жителей было немного, как немного их было и по долине Эцзин-гола, в ее среднем и нижнем течении – всего в количестве ста тридцати – ста пятидесяти юрт или семейств. Монголы-торгоуты пришли сюда из Чжунгарии⁷⁷, с Кобук-сайря, около четырехсот пятидесяти лет тому назад, когда еще девственные эцзин-гольские берега были покрыты непроходимыми чащами леса, который торгоуты жгли в течение первых трех лет, чтобы образовать свободные площади для пастбищ. Торгоуты и до сих пор сохраняют родственные и дружеские связи со своими кобук-сайрскими родичами и пользуются всяким случаем, чтобы попутно завернуть друг к другу в гости; при этом часто путешествующий торгоут оставляет своих усталых животных отъедаться на кормах гостеприимных друзей до своего обратного следования, а сам взамен на время получает свежих верблюдов и лошадей.

Хошун управляется родовым князем третьей степени, бэйлэ, имеющим главную ставку в системе западного рукава реки Морин-гол, отстоящую верстах в десяти от нашего лагеря. Ближайшим помощником и советчиком управителя является престарелый мэрен-цзангэ-Цыдэн-Дагво, женатый на молодой двадцатилетней дочери бэйлэ и совмещающий в себе одним почти всю несложную администрацию торгоут-бэйлэ. Два-три маленьких чиновника составляют канцелярию управления.

Известный под именем Даши, настоящий бэйлэ состоит десятым управителем со времени переселения торгоутов. Он наследовал не отцу, а старшему брату, говорят, скоропостижно умершему не без греха младшего брата, честолюбивого, скупого, жестокого человека, ставшего таким образом главою хошуна.

Вот к этому-то торгоут-бэйлэ и был снова командирован Бадмажапов тотчас по прибытии нашем в урочище Торой-онцэ. Князь очень любезно принял мой хадак и прислал нам для временного пользования юрту, палатку и людей для услуг, обещая насколько возможно облегчить наш путь до Хара-Хото и далее в Алаша-ямунь. Радости моей не было конца. Если говорить откровенно, я не переставал интересоваться Хара-Хото, едва лишь узнал об этих развалинах из лучшей книги нашего покойного путешественника Г. Н. Потанина⁷⁸, который пишет: «Из памятников древности (торгоуты) упоминают развалины города Эргэ-хара-бурюк, которые находятся в одном дне пути к востоку от Кунделен-гола, т. е. от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой кэрим, т. е. стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком.

---

⁷⁷ Чжунгария, или Джунгария (от *монг.* Зүүнгар – «левая рука») – северная часть автономной провинции Китая Синьцзяна, граничащая с Казахстаном. Население Джунгарии представлено дунганями, таранчами (уйгурами), монголами-торгоутами и казахами.

⁷⁸ «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия». Том I. (Примеч. П. К. Козлова)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.